

PS.

литературное интернет-издание

№59 февраль 2017

Books not dead!

План

свобода

Мансёнг

PS.

литературное

интернет

издание

видения

рассказ

CTUX

№59 (февраль 2017)

Философия

Сколько времени нужно чтобы написать рассказ, повесть или роман? Однозначного ответа нет. Есть романы, написанные за пару недель, а есть рассказы, которые пишутся год. Одни мысли созревают быстро и легко ложатся на бумагу или другой носитель информации, а есть те, которым нужно созреть, сформироваться и занять свое место. Писательство не только вдохновение и порыв, а еще работа мысли, порой нужно перелопатить целые пласты, чтобы найти что-то стоящее. Это работа. Над текстом, персонажами, сюжетом, а порой и над собой.

Читая наших авторов, мы не знаем сколько времени они трудились, как легко им далось произведение. Читатель тоже читает по разному. Одно быстро и бегло, другое произведение более вдумчиво. Автор, текст и читатель своего рода модель некого взаимодействия и восприятия, отражения друг друга. Порой мы видим отражение себя. Когда пишем и когда читаем. Поэтому любимые герои и сюжеты не всегда хотят быстро уходить.

Хочется верить, что наши читатели на страницах журнала нашли таких героев и сюжеты.

За окнами конец февраля и пахнет весной. Воздух стал свежее и прозрачнее. Чувствуется прилив позитивных эмоций. И в жизни журнала так же не обошлось без хороших новостей. Старые номера теперь можно заказывать в количестве от одного экземпляра, что очень удобно и для нас и для вас.

Берем фруктовый чай, чувствуем приближение весны и читаем журнал.

ВНИМАНИЕ!!!

Авторские права на размещенные произведения принадлежат их авторам, и защищены Законами об авторском праве Украины и РФ, а так же международными законодательными актами об авторском и смежном правах. Пунктуация и орфография авторов сохранена.

ВНИМАНИЕ!!!

Некоторые произведения содержат сцены насилия, секса, не пристойного поведения и психологические тяжелые сцены. Поэтому, не рекомендуется для прочтения лицам младше 18 лет.

Прочтение возможно с разрешение родителей, опекунов, либо лиц выполняющих их функции.

При копировании материала ссылка на АВТОРА и «Литературное интернет-издание PS» **ОБЯЗАТЕЛЬНА!**

www.ps-lit-jur.ru

Колонка главного редактора

Февраль в этом году был насыщен на события. Об этом мы говорили в одной из наших рассылок, но лучше напомнить, так как не все наши читатели подписаны на рассылку.

Мы наконец-то доработали список номеров, которые можно заказать для печати. К сожалению, большинство старых номеров не адаптированы под печать. Заказать можно только номера начиная с пятидесяти четвертого.

Отныне заказ старых номеров доступен в количестве от одного экземпляра.

Спрос на печатные номера растет, и это не может не радовать. Даже больше, у нас есть заказы на номера, которые еще находятся в листе ожидания. Доверие со стороны клиентов растет, поэтому в наших планах ввод системы лояльности. Она будет распространяться не только на тех, кто заказывает печатные номера, но и дополнительные услуги. Подробнее о ней мы поговорим в наших будущих номерах, так как сейчас это всего лишь концепция. Скажем только то, что постоянные клиенты смогут получить ряд бонусов. Какие это бонусы, скоро узнаете.

Приятная новость и от Укрпочты. По тенденции заказов за январь и февраль, стоимость доставки за границу Украины уменьшилась порядком процентов на пятнадцать! Это не может не радовать. Особенно учитывая то, что стоимость доставки зависит напрямую от курса доллара, а он и не собирается снижаться. Вообще, Укрпочта объявила о своем серьезном, можно сказать, глобальном реформировании. Пока что, изменения только положительные.

Как некоторые уже могли заметить, изменился и механизм приема заказов. Отныне заказчик сам вводит данные о номерах, которые он желает заказать, и количестве экземпляров. Это вынужденный шаг, так как последнее время стали не редкостью заказы двух и более номеров. Так же были добавлены некоторые графы связанные с адресом клиента. Многие клиенты напрочь забывают о почтовом индексе. Такая графа появилась в форме отправки заявки. Выбор страны получателя так же стал более простым: нужную страну следует просто выбрать из списка.

Доработан был и

статус заказа. Точнее, полностью переработан. Если ранее клиент видел только список номеров и количество экземпляров в не удобном формате, то сейчас статус заказа выглядит точно так же, как и запрос о подтверждении заказа. Это упрощает восприятие информации о заказе клиентом.

Мы так же не забываем и про другие аспекты нашей работы. За последние месяцы у нас накопилось много поступившего, но толком не обработанного материала. Сотни (!) произведений зависли на этапе распределения по номерам. Разумеется, это не правильно, и сейчас наши усилия направлены на ускорение и оптимизацию этого процесса. Буквально за последние три недели было распределено больше произведений, чем за весь период с сентября по декабрь прошлого года.

Мы продолжаем работу по улучшению нашего издания. Если у вас предложения или замечания мы всегда рады выслушать вас на нашей сайте, форуме и в группах в соцсетях.

С уважением, главный редактор Александр Маяков.

Поэзия

8

«Сложение» Евгения Казанджиду	8
«Четыре Стены моей Комнаты» Евгения Казанджиду	8
«Окна» Евгения Казанджиду	8
«Невозможные» Евгения Казанджиду	9
«Ода природе и погоде» Подлужный Дмитрий	9
«Жизнь на запоре» Нелли Мершон	9
«Плата вперёд» Нелли Мершон	10
«Как горестно» Нелли Мершон	10
«Сезон» Ленина Кудренко	11
«Алкоголь» Алексей Рубан	11
«Лжецы» Алексей Рубан	12
«Вместо меня» Алексей Рубан	12
«Иисус измождённый...» Алексей Рубан	13
«Estoy contigo siempre» Валентина Ольхова	13
«Мой демон будет со мной» Алексей Рубан	14
«Та ночь» Вероника Казимиренок	15
«Комната страданий» Вероника Казимиренок	15
«Усталость» Валентина Ольхова	15
«Виртуальному поклоннику» Валентина Ольхова	16
«Вновь наступает тишина» Ковшова Елена	16
«Прежде срока бутон не сорвите» Ковшова Елена	17
«Чудо разделённого молчания» Ковшова Елена	17
«Расскажи, что тебя волнует?» Алена Ковалёва	18
«Последняя картина» Ирина Пекная	18
«Про облака» Ирина Пекная	19
«Осень» Ирина Пекная	19
«Осень, бабушка и внучка» Александр Малухин	20
«Первый прыжок с парашютом» Валентин Патраков	21
«Мы дружны» Валентин Патраков	22
«Мудрецы говорят» Дмитрий Сучков	22
«Совість» Дмитрий Сучков	23
«Дай мне, Господи, знак...» Дмитрий Сучков	24
«Полет грифона» Дмитрий Сучков	24
«Тишина» Дмитрий Сучков	25

Тет-а-тет

26

«Интервью с Викторией Ерух» Надежда Леоничева	26
---	----

Cinema **28**

«Рецензия на фильм «Грязь» Надежда Леонычева	28
«Великая стена - Не великая, не китайская... Забор» Сова Мыслиобовсем	29

Строка прозы **30**

«Джунгли» Абасада	30
«Миг зари» Абасада	33
«Привет, Зайка!» Абасада	35
«Ведьма» Абасада	37
«Зоопарк» Алексей Кнутов	38
«Праздник» Алексей Кнутов	44
«Сказка» Юлия Лощинная	47
«Люблю тебя одну» Горюнов Иван	50
«Предлог по усмотрению» Мария Пухова	60
«Жизнь-маскарад» Мария Усова	65
«Соринка» Горюнов Иван	68
«А смерти, сынок, я не боялся» Горюнов Иван	73
«Просто разминулись» Верещагина Ольга	76
«Карма» Косовская Мария	79
«Рождение Настоящего» Елена Абалихина	81
«Сын» Тим Филби	85

Фанфик **88**

«Сверхъестественное: новые приключения» Гамиева Мария	88
---	----

Литературный сериал **100**

«Рожденная воином. Врата Нурберила» Хиль Де Брук	100
«Легионеры Хроноса» Александр Маяков	106
«Тайна всего мира» Сергей Кирич	108
«Летописи межмирья» Александр Маяков	114
«Потрошитель» Тугучева Ксения	116
«Замок из песка» Алексей Рубан	121
«Евангелие от Лейлах. Труп звезды» Вадим Доннерветтер	127
«Зачёркнутый порт» Къелла	133
«Паренек» Владимир Хомичук	139
«История одного андрогина» Морган Роттен	143

Лучшее произведение номера **152**

«Звонок» Виктор Решетнев	152
--------------------------	-----

Сложение

Несчастлив или счастлив я, мне всё равно.
Сознанию моему отрадно лишь одно -
в сложении великом (сложение их я ненавижу)
бессчётных чисел, среди которых я себя не вижу,
из многих единиц одну; во множестве том стройном
не перечислен я. Мне этой радости довольно.

Автор: Евгения Казанджиду

Четыре Стены моей Комнаты

Я знаю, бедно всё вокруг меня.
Они других достойны украшений,
Мои друзья. Они могли б принять
Богатые подарки, без сомнений.

Но стоит ли об этом говорить?
У стен моих манеры благородны:
Не любят меня стены за дары
И людям в поведении не подобны.

К тому же, они знают, только миг
Удержат здесь меня и мои вещи.
Все радости мои и боли крик,-
Исчезнет быстро всё. Но долговечны

Лишь стены крепкие. Они к дарам
Подобным, скоротечным, равнодушны.
От жизни моей краткой по годам
Могучим стенам ничего не нужно.

Автор: Евгения Казанджиду

Окна

По этим мрачным комнатам, где провожу
я дни тяжёлые, по ним кругом хожу
и окна в них ищу. - Когда откроется
одно окно, наступит облегчение. -
Но окна не находятся, иль, может, не могу

я их найти. И, может, лучше, если не найду.
Возможно, свет тот - новое мучение.
Кто знает, что за этим светом кроется.

Автор: Евгения Казанджиду

Невозможные

Одна благословенная в ней радость есть,
одно лишь утешение во всей печали.
У этого конца тех толп не перечесть
недостающих пошлых дней и скуки безначальной.

Поэту изрекли: "Та музыка мила,
которая ещё нигде не прозвучала".
Я полагаю, избранной та жизнь была б,
которой было б не дано даже начала.

Автор: Евгения Казанджиду

Ода природе и погоде

Люблю грозу в начале мая,
Люблю цветы, луга, поля.
И небо светлое без края,
И листья в капельках дождя.

Люблю листву, покрытую росой
И снег лежащий на ветвях.
И холод я люблю зимою.
И солнца свет в любые времена.

Автор: Подлужный Дмитрий

Жизнь на запоре

Жизнь на запоре... и не зови
В свиток завита - от моря до моря
Робость не горе. Горе... в любви
Вины уснут - от вина на подворье

Вины уснут... Эта жизнь тяжела
Сладит с ней сон, темнота и затишье

Шикают ближние. Шорохом мыши -
Мстит осторожная чья - то метла

Слабость в плечах, винодельня... из вин
Только вино... не заглушит похмелье!
И оглушающе – ты... не один...
Дин... дин... не встретимся в общей постели...

Автор: Нелли Мершон

Плата вперед

Плата вперед - затыкающий матом
Уши. Орёт правый и виноватый
Плата вперед! Не одёргивай! Рот
Не затыкай рукой волосатой

Плата вперед... так морские пираты
Брали на abordаж... аж скрипят канаты
Сердце плывёт. Пульс дыханию тесен
И... всегда перевесит - плата вперед

Плата вперед за зрачок виноватый
Нежность летнюю на руке
Дождь влетающий налегке
Лес уныло сутуловатый

А развилочка... сам чёрт их не разберёт
Воздуха, милый... Плата, вперед!

Автор: Нелли Мершон

Как горестно

Как горестно звучит - уходит лето
И почему - то мучает «Тоledo» -
Эль Греко... Алькасара грозный рост
И в городе, зажавшемся от гроз -

Так жалобно звучит - уходит лето
И старой бронзы плавают пятак
В тяжёлых тучах... а с моста и так
Не видно - ни заката... не рассвета

Пустынной охрой мутит желчь... и это
Напомнило... опять уходит лето...

Автор: Нелли Мершон

Сезон

Море на сезон, солнце на сезон,
На сезон любовь.
Радость на сезон, счастье на сезон,
На сезон дожди.
Дождь из моих слёз, а из крика - гром!
Бесконечно жаль, что с тобою мы
Опоздали лишь на один сезон.

А сезон прошёл повторяя вновь
Ночи и рассвет.
Только в том беда, что для нас с тобой
В нём и места нет!
Но для тех - других, незнакомых нам
Повторятся вновь:

Море на сезон, солнце на сезон,
На сезон любовь.
Радость на сезон, счастье на сезон,
На сезон дожди.
Дождь из её слёз, а из крика - гром!
Очень может быть, что они как мы
Опоздают лишь на один сезон...

Автор: Ленина Кудренко

Алкоголь

Мультяшка. Главные герои –
Отважный принц и горный тролль.
Добро в финале торжествует.
Ликують дети. Алкоголь.

Блокбастер. Спецэффекты. Мачо,
Как может, тянет свою роль.
Злодеи, взрывы, босс повержен.
Они с ней вместе. Алкоголь.

Олимпиада. Крепкий малый
Нам демонстрирует стиль кроль.
В его победе нет сомнений.
Переключаю. Алкоголь.

И вновь про спорт. Ревут трибуны.
Лишь первый тайм, а уж «три-ноль».
Фанаты дружно отмечают.
Я с вами, парни. Алкоголь.

Рекламный ролик. «Колір сукні
Реанімує наш Перволль.
Ми перемо з коханим разом».
Екстаз. Рыдаю. Алкоголь.

Ла Скала. Оперная дива,
Ломая руки, тянет «соль».
А, может, «ля», они ж соседи.
Я не уверен. Алкоголь.

Black metal concert. Себя режет
На сцене вокалист Йорн Олль.
Люблю норвежцев, но в сон клонит
Неудержимо. Алкоголь.

Два тридцать ночи. Вырубаю
Я телевизор. Гаснет боль.
Увидимся ли вновь? Не знаю.
Спроси-ка лучше алкоголь.

Автор: Алексей Рубан

Сіжєцы

Трезвый, как стекло липкого стакана,
Медь и серебро да на дне фонтана,
Безмятежный сон под скамьей галеры,
Крылышки и нимб, истинная вера.

Крепкий, как союз, освящённый небом,
И пять тысяч ртов, ждущих крошек хлеба,
Овцы, пастушок, крики, люди, волки,
Сажа и чулки, свёрточки под ёлкой.

Вещий, словно сон пьяницы в овраге,
Чистая любовь в грязной банке браги,
Зелень стройных пальм посреди пустыни,
Чувства, что вовек в сердце не остынут.

Автор: Алексей Рубан

Вместо меня

Тебе я хотел спеть про байк Валентины,
Про то спеть, что ночь всё равно чище дня,
Про пса-Петербурга ночные картины,
Но всё это спели, увы, до меня.

Тебе я хотел спеть про крылья и шрамы,
Про то, как в театре играл дух огня,
Про «пить я не буду» и про «Харе Рама»,
Жаль, всё это спели уже до меня.

Вновь весточек нет от друзей моих странных,
«Урал» - это круто, а «Харли» - фигня.
Храни нас, о боже, ты ночью полярной...
Спасибо всем вам, кто пел вместо меня.

Автор: Алексей Рубан

Иисус измождённый...

Иисус измождённый в терновом венце,
С печатью порока на бледном лице
Абсент пьёт, читает Бодлера стихи
И смертные всем отпускает грехи.

А там, за столом, что блестит от вина,
С улыбкой лукавой сидит Сатана,
Литании он проституткам поёт,
Иисусу рукою приветствие шлёт.

Вот Папа на свечи глядит сквозь стакан,
Покинул давно уже он Ватикан,
Весь день курит опий среди лучших друзей,
Вдыхают с ним дым Бруно и Галилей.

Огонь и орла Прометей позабыл,
Утратил весь свой богоборческий пыл,
Кричит во хмелю он, что жил как дурак,
Играет с Афиной и Зевсом в трик-трак.

Среди нас нет грешников, нет и святых,
Среди нас нет первых, последних, вторых,
Вино и гашиш, декаданс и разврат
Помогут тебе позабыть рай и ад.

Автор: Алексей Рубан

Estoy contigo siempre

И да простит мне Бог, не ложь, но лицедейство,
и маску на лице, и равнодушный взгляд.
Сама в себе тебе определила место,
которому никто – ни Бог, ни ты – не рад.
Она со мной срослась, та близость отдаленья.

Не плачет, не поёт уснувшая душа.
Мой щит не столь тяжёл: на нём – полузабвенье
былых обид, да слёз подсохшая кайма
Ты, кажется, зовешь... Желаний прошлых шалость!
Зачем? Чтобы добить? Опять услышать «Да!»?
Какою я была, такую и осталась:
с тобою, без тебя – мой чёлн несёт вода
раздумий о тебе, о нас – чужих и разных,
о том, что в уголке, за маской и бронёй,
остался светлячок – сияющий, отважный ...
«Estoy contigo siempre»- он всё ещё поёт.

Автор: Валентина Ольхова

Мой демон будет со мной

Я потерял в борьбе остатки разума и сил,
Он искромсал мне нервы, мозг опустошил,
Хотел забвения я, но принесла лишь боль
Мне моя тень, мой спутник - демон Алкоголь.

В Чикаго, Дели, Осло, на заре и днём
Мне будет демон жечь нутро своим огнём,
Он из ночных зеркал глядит в мои глаза,
И по щеке сползает пьяная слеза.

Шатаюсь, захожу в давно знакомый бар,
Здесь дым и полумрак, здесь царит угар,
Она возьмёт бокал, лукаво подмигнёт,
Я выпью и зажму ей поцелуем рот.

Устало ляжет рассвет на черепицу крыш,
Вползёт в мотеля номер, как серая мышь,
С трудом с кровати встану, пойму, что всю ночь был с ней,
С дешёвой шлюхой, храпящей средь несвежих простыней.

Мотель покину, двинусь куда не знаю сам,
Но где бы я ни шёл, он по моим стопам
Пойдёт в одежде гейши, клерка или врача
И в сотый раз коснётся рукою плеча.

В багровом небе свет, но мне там не бывать,
Ему я в жертву принёс любовь, друзей, отца и мать,
В конце пути не ждут меня покой и рай,
Мой демон будет со мной, `til I fucking die.

Клиники порог переступаю я,
Теперь смогу снова есть чаще, чем раз в три дня.
Щелчок замка - устремляю взгляд свой вперёд
И, улыбаясь, смотрю, как он навстречу идёт.

Автор: Алексей Рубан

Та ночь

Когда-то вечером с тобою мы гуляли,
Когда-то ночью мы глядели в небо,
Я помню, как обнял меня ты сзади,
Как прошептал на ухо мне нежно.
Тогда, в ту ночь влюбилась я в тебя.
Так мимолетно, неожиданно, случайно.
Ты посмотрел в мои глаза и так любя,
Что даже отводить я взгляд не захотела.

Автор: Вероника Казимиренко

Комната страданий

Сию я в комнате одна,
В глазах не вижу дна.
Сию и плачу тихо в уголке,
Сжав боль своею лишь кулачке.
Встаю на ноги, опираясь,
Подхожу я к зеркалу и пялюсь.
"Что за урод стоит?!" - говорю вновь я
И по зеркалу стучу опять себя.
Замызганная комната в крови моей,
Такая же я в ней.
Проснулось солнце, скоро птицы запоют,
А я все также останусь тут...

Автор: Вероника Казимиренко

Усталость

Конечно, я люблю.
Конечно, не забыла.
Сама осознаю,
Как без тебя постыло.
Но гибкости предел

Есть даже у металла,
Ты смотришь сквозь прицел -
Я выстрел ждать устала.
Устала быть чужой,
Одной из массы многих,
О милости просить,
Как нищий при дороге.
Конечно, я люблю!
Конечно, не забыла!
Ты просто проглядел,
Как осень наступила.

Автор: Валентина Ольхова

Виртуальному поклоннику

Сидишь в инете, словно заколдован,
Напрасно ищешь чьей-то теплоты,
В реале женщина другого ждет кого-то
А здесь лишь маски, тени без души.
Ты видишь в буквах для себя знаменье,
Так хочешь верить в этом царстве лжи,
Но монитор – лишь только отражение
Чужих страстей, а не твоей судьбы.
Ты сам себе создал свои надежды,
Ты сам себе не будешь скоро рад,
Все эти виртуальные влечения –
Не жизнь и не любовь, а суррогат.

Автор: Валентина Ольхова

Вновь наступает тишина

Вновь наступает тишина
Пред новорожденным рассветом,
Когда лишь миг – и вспыхнет Светом,
И зазвучит Небес струна...

Наступит миг очарованья –
Светило всходит к Небесам...
И вместе с ним восходишь сам,
И хора птичьего звучанье

Сопровождает это диво.
Всё, затаившись, замирает,
А Солнце первый луч рождает...
Рождение всегда красиво!

Вся пробуждается природа,
И утра каждый миг прекрасный,
И новый день твой чистый, ясный,
И всё живое ждёт восхода...

Автор: Ковшова Елена

Прежде срока бутон не сорвите

Прежде срока бутон не сорвите,
Дайте плоду созреть до конца...
В том терпенье своё проявите
И Любовь, что достойна Творца.

Плод незрелый может стать ядом,
Нерасцветший бутон – завянет.
И прозренье (хоть вот оно, рядом)
Раньше времени не настанет...

Автор: Ковшова Елена

Чудо разделенного молчания

Чудо разделённого молчания –
Время, когда сердце говорит.
И без слов приходит понимание,
И струной пространство всё звучит...

Слов не нужно, красота – в созвучии,
Сердца два сливаются в одно,
Ведь Любви мгновения все лучшие
Лишь в молчании ощутить дано...

Автор: Ковшова Елена

Расскажи, что тебя волнует?

Расскажи, что тебя волнует,
что обрадует, рассмешит?
Не о главном, высоком - все –
о простом и земном скажи.

Может, любишь с утра омлеты
с горкой гренок и соки fresh?
Или с кофе и сигареты –
в новый день прорубаешь брешь?

Может - кросс по утрам, в качалке
и контрастный аккордный душ?
Или томик откроешь Кафки -
для настроения духовных нужд?

Поделись, что тебя тревожит –
иглы-комплексы, страхи, сны...
И расчувствуюсь я до дрожи,
станут мысли твои ясны.

И тогда, может, я прозрею:
заглянув в персональный ад,
поумнею и повзрослею,
и у нас всё пойдёт на лад?

Автор: Алена Ковалёва

Последняя картина

Я на холсте движением несложным
Смешаю скалы, волны и ветра.
Я вдруг пойму, что магия возможна,
Что кисть - волшебной палочки сестра.

Подвластны мне глубины и высоты,
Зеркальный штиль и шторма дикий пляс...
Мир поплывёт и мне подскажет что-то,
Что день пришёл, что наступил мой час.

Я постелю сиреневые тени
Между камней у самой у воды.
Устало опустившись на колени,
Узнаю на песке свои следы.

Там наяву, стряхнув сомнений путы,
Секрет волны прозрачной разгадав,
Я проживу счастливые минуты,
И, может быть, останусь навсегда.

Автор: Ирина Пекная

Про облака

Мы приходим на вздох. Мы приходим на взмах.
С телом бранным земным и душой в облаках.

Чтоб по плану Его, повторяясь, опять,
все вопросы найти, все ответы принять.

Дуализм одолеть (не важна здесь цена)
по закону игры есть попытка одна.

Мысль мечтой накалить, боль зажать в кулаках,
зубы крепко сцепить и рвануть в облака.

Чтоб на миг испытать единенья экстаз
и с восторгом понять: "Вот он, - мой звёздный час!"

Вынуть сердце своё и швырнуть на алтарь...
Вниз, сорвавшись, упасть, как разъятая Тварь.

И уже не летать - притяженья закон.
В высь с тоскою глядеть - так задумывал Он.

А душе не упасть - от рожденья чиста.
Держит Высшая власть и слепит высота.

Но когда час пробьёт, разожмётся рука
И в свободный полёт поспешит, а пока

Будут мука и боль и разлука в веках.
Будут плыть над землёй в вышине облака.

Автор: Ирина Пекная

Осень

Как живописец на полотна,
до дрожи чувствуя азарт,
бросает осень краски плотно
и принимает низкий старт.

А в парке пробует несмело
то вальс, то джаз окрестный бард.
В мундирах охристых, замшелых
акаций мудрых авангард.

Во всём природы благородство.
Но стоит сделать только шаг,
листвы не зная первородства,
здесь спорит с кадмием краплак.

Случайный трутень звонкой нитью
сшивает поздние цветы.
И знаю я не понаитью,
что не оправданны мечты.

Ещё прозрачным тёплым морем
мерцает в кронах бирюза.
Но близок час и, с небом в ссоре,
сорвётся первая слеза.

И пусть ещё вчера пестрели
весны и лета акварели,
под звуки зимних увертюр
уже грядёт пора гравюр.

Автор: Ирина Пекная

Осень, бабушка и внучка

Глянь, ранёхонько проснулась,
(Знать и мы с тобой не зря)
Позевнула..., потянулась...,
Зарумянилась заря,

В запотевшую опушку
Ленты пёстрые вплетя,
И целует лес в макушку,
Словно сладкое дитя.

Может там, за пёстрой рябью,
Освежившейся дождём,
Притаилось счастье бабье...
Поголяем и найдём.

Нынче день на диво ясен.
В гости мы, и рады нам...
Посмотри, как щедро ясень
Сыплет золото к ногам,

Как стекает неба просинь
По увядшему плющу...
Мы глядим на эту осень,
Ты грустишь, и я грущу.

Дай возьму тебя за ручку,
Умиления не тая...
Вот и счастье: ты мне- внучка,
А я- бабушка твоя.

Автор: Александр Малухин

Первый прыжок с парашютом

С тех пор минуло столько лет
Живут друзья, иных уж нет,
Но помню группу, вас ребята
Что посланы с военкомата
Учиться в парашютный класс
Так вот и я один из вас
Полгода в Таллинне учились,
Чтоб быть курсантом ВДВ
Потом на Балтике болтались
Неделю, а возможно две
Под Таллином там есть деревня
Зовётся Койдулой она
Мы там на лопингах крутились
Так я всю ночь провёл без сна
Потом тренаж на катапульте,
Где я по счастью не убит,
При выстреле на десять метров
Глаза вылазят из орбит...
В тот день позволила погода
Тащить всей группой аэростат
Тот первый наш прыжок шаг с неба
Произвести был каждый рад...
И вот в корзине я стою
Передо мною бездна,воздух,
А с верху люди словно мошки
Цепляю фал, пошёл,, команда
И я шагнул и кувыркаюсь
Весь мир вертелся подо мной
Как будто кровь пошла волной
От головы к моим ногам...
Всё это длилось три секунды
В моих мозгах был треск и гам
Потом хлопок,удар в три точки
Казалось отлетели почки,

И вдруг такая тишина...
И снова я вверх головой
И белый купол надо мной
Я словно тучка уплываю
А предо мной леса поля
О как прекрасна мать Земля!!!
И я запел что было мочи
Горланил песню до земли
А подо мной берёзки шли
Кусты махали мне с земли
Бегут навстречу камни, кочки
Спружинил я на все три точки...
С тех пор я ощутил полёт
Кто испытал такое Чудо
Прекрасней Чуда не найдёт...

Автор: Валентин Патраков

Мы дружны

С друзьями частенько в озёрные дали
По мокрой траве с рюкзаками шагали .
Проплыли красоты страны перед нами,
Промокшие души сушили кострами .

Чегет и Эльбрус мы не раз посетили-
В Карпатах, в Яремче счастливыми были,
В Осетии Северной - Цей покорили,
Вином Мукузани простуду лечили.

В республиках мы обрастали друзьями
Такой в СССР был простор перед нами.
Князькам захотелось денег и короны,
Да чтобы чужими остались народы.

Поднимем князьков этих подлых на смЕх
Дружны мы, открыты всегда и для всех...

Автор: Валентин Патраков

Мудрецы говорят

Мудрецы говорят: раз в средьзимье
Непременно приходит весна.
Это правда. Недавно увидел -
Вестник солнца чертал письма.

По стене поскользился, трепыхаясь,-
Ну-ка, братец, в ладошку слови!

И, с тенЯми деревьев играясь,
Танцевал о Вселенской Любви.

Как прикинулся - солнечный зайчик!..
Ишь, надушенный, пахнет весной...
Но растёт, разбухает палачик...
И карает могучей рукой.

На натянутых нервах играет,
Тычет колкого взора сверло.
Заповедует, повелевает
Убить ближнего, как самого.

Не пресытись веселием игрищ,
Отменяет заветный антракт.
Визг и вой обезумевших тысяч -
Жертвославия тягостный акт.

Тру-злодеи, позёры-святые
Пляшут в небе угарный канкан.
И ведут брань за души людские
Мелкий бес и Великий Шайтан.

Автор: Дмитрий Сучков

СОВЕСТЬ

С наступлением праздничной тьмы зажигаются свечи.
Закрывает мирское гирляндистых штор пелена.
Забываем про краткую пядь, что от встречи до встречи.
Надеваем личины, готовы сменить имена.

Резво кости танцуют в какой-то угарной нирване.
Щедро льются мелодии богооставленных сфер.
Презираем безумия пропасти тайные грани.
Отряхнули на время ярмища бесчисленных вер.

А не наши ли бОшки в кромешные лужи ныряли?
А не наши ли пальцы тянули плевки фонарей?
Мы так долго, так праведно лица друг друга скрывали...
Сколько масок сменилось за сонм карнавальных ночей!

Я не верю, мне лгут, что уже наступило "сегодня".
Все смотрю за плечо: ни хрена - ни крестов, ни могил...
Сколько дней позади пересчитано: тысяча, сотня?
Ничего не узнал, не проверил, не стер, не открыл.

И последняя маска вырастает... сливается с кожей.
Я теперь сенобит, тот, что правил в английском кино.
Омертвевшие нервы некстати очнулись, тревожат...
Усыпленная совесть проснулась. Кричать запаadlo...

Ей бы кляп и тугие, надежные, крепкие узы...
Лошадиную дозу снотворного впарить укол...
И нормально, окей, что сегодня такого на ужин?
Я уселся - несите похавать скорее на стол!

Продолжай, совесть, спать под селедку под шубой, салями...
Согласился на маску,- была бы щелИна для рта...
И причмокивать буду я жирными маски губами.
И уже не встревожит бесцельной игры суета.

Автор: Дмитрий Сучков

Дай мне, Господи, знак...

Дай мне, Господи, знак, не отрини руки!
В этом сером апрельском предбрюшке немею.
Сам дороги к тебе я найти не сумею.
Оторви от завязшей в черниле строки.

Засмотревшись на небо, просыпал зерно.
Где-то там мерзлота, где-то здесь тишь и нега.
Я постиг законность колючего снега.
Пятерней раздавил вдохновенья перо.

Раздарил свое тело несчетным углам.
Затвердеть... загустеть... пусть на самую малость.
Человека собрать из того, что осталось,-
По фалангам, по ребрам, по глупым стихам.

Не в величье предстать, а обрубком-культей.
Пониманья кивок вместо долгих оваций -
То, что выше иллюзий малеванных Граций.
А затем - бесконечный, счастливый покой

Автор: Дмитрий Сучков

Полет грифона

На двух крылах не удержал себя
Грифон могучий, растерзавший небо.
Все ниже бьет каленая стрела,
Но кровью наполняется потир,
Першит во рту заплесневелым хлебом.
Проступят язвы, точно письмена.

Он не жалел о том, что срезал круг,
Коснулся вскользь небес обетованных.
Вдали слышал друга сердца стук,
Зерно, как плоть, готов клевать из рук.
Не грызла боль. Затягивались раны.

Алмазы-слезы, падшие из глаз,
Не соберут наутро - не прельстятся.
Покинул башню - только и всего.
Не закружило, и не понесло.
Слезам навек застыть. Крылам размяться.

Ему слова пророка не в урок,
Он знает про бессмысленность парений.
Но башня жгла, сил не было терпеть,-
Пусть небеса - все та же духа клеть,-
На круг полета - тысяча падений.

И не прожить без башни, без тюрьмы,
И возвращаться к ней - его проклятье.
Перелетает век из боли в ночь,
И тяготенье легче превозмочь,
Чем вынести небесное распятье.

Вино прогоркло, лживы письма,
Лишь слезы прорастут, и кровь взбурлитесь...
Куда б не полетел - везде стена.
И горизонт не рай, и ты не птица.

Автор: Дмитрий Сучков

Тишина

Я в комнате один, задернуты портьеры.
Пугает тишина, и к ней я не готов.
Обманчива она - я в тишину не верю,
Я верю в шум дождя, в симфонию шагов.

И растворюсь в ночи. Как призрак, я исчезну,
Огонь души своей на дланях понесу.
А эту тишину делите вы - другие,
Испейте же до дна хмельную пустоту!

А ночь возьмет свое,- вы скоро разбредетесь.
Быть на один с собой пока я не готов...
Пугает тишина, но я в нее не верю,
Я верю в шум дождя, в симфонию шагов.

Автор: Дмитрий Сучков

Интервью с Викторией Ерух

В этом номере у нас интервью с одним из наших постоянных авторов Викторией Ерух. Виктория рассказала о себе, своих планах на будущее и о том, как начиналась ее писательская деятельность.

Автор о себе:

Виктория Львовна Ерух (velka) 23 года Россия, г. Краснодар.

Качества, которые меня характеризуют как человека: добрая, умная, упрямая, вредная, меланхоличная. Люблю кофе с

корицей, прогулки под звездами, котов и плюшевые игрушки. Часто витаю в облаках и пребываю в мире грёз.

Пять фактов обо мне: Первое, я часто ухожу из дома и забываю выключить свет. Второе, в моей сумке пора провести свет, т.к. там постоянно творческий беспорядок. Третье, от случая к случаю мне нравится грустить и плакать для снятия напряжения. Четвёртое, если я чем-то увлечена, иногда я не слышу и

не вижу происходящего вокруг. Пятое, я очень люблю спать, это моя слабость.

Интересы: занимаюсь обработкой фото; пишу стихи, прозу и песни; занимаюсь звукозаписью в домашних условиях; люблю готовить; люблю гулять, особенно под звездами.

Любимая музыка: Рок, РЭП.

Любимые жанры книг и фильмов: психологические драмы, боевики, детективы, фантастика, ужасы.

Любимые писатели: Ричард Бах, Карлос Кастанеда, Уильям Шекспир, Дейл Карнеги, Зигмунд Фрейд и многие другие писатели-эзотерики и психологи.

P.S: Когда вы начали писать? С чего начался ваш творческий путь?

Виктория: Писать стихи и прозу начала с 12 лет.

Первым моим стихотворением, было стихотворение о зиме. Сейчас читаю и смеюсь. Написано очень мило, с ошибками, не соблюдена ширина строки и т.д.

На данный момент я работаю над рассказом под названием «В поисках себя», в котором будет описана моя жизнь, начиная с рождения и по на-

стоящее время.

Кроме того, я работаю над сборником мистических стихов и прозы, который будет называться «Немного о сакральном»

Мой творческий путь в десяти фактах: Первое, у меня достаточно творческая семья, в особенности мама. Второе, возможно, мой творческий потенциал, результат наследственности. Третье, основными темами моего творчества, является романтика и самопознание. Четвёртое, я пишу только по настроению и для себя, никогда не пытаюсь выдать из себя произведение. Пятое, на текущий момент, я являюсь автором двух книг. Шестое, с января 2016 года я публикую свои произведения в литературном журнале PS, а также дважды попадала на его обложку. Седьмое, для меня легче писать стихи, чем прозу. Восьмое, помимо писательства, я пишу песни. Девятое, я никогда не стала бы писать о политике. Десятое, я хочу попробовать себя в написании фанфиков.

P.S: Виктория, вы сказали, что семья у вас творческая. Семья поддерживает ваши начинания? Являются ли они вашими первыми читателями и строгими критиками?

Виктория: Да, семья поддерживает мои начинания. Критику высказывают они не слишком часто. Или им правда нравится то, что я пишу или просто не хотят меня обидеть.

P.S: Вы говорите, что пишете также песни. Музыку к ним вы пишете сами или же сотрудничаете с музыкантами?

Виктория: Музыку, к сожалению, пишу не я, этого я делать не научилась. В контакте есть много групп, где авторы предоставляют свою музыку в бесплатном доступе, у них её беру.

P.S: Что вас привлекает в фанфиках? Для вас это интересный опыт или развлечение?

Виктория: Фанфик для меня стал бы интересным опытом. Сейчас много молодых людей пишут в этом направлении, и мне тоже хотелось бы попробовать себя в новом

направлении

P.S: Кто или что вас вдохновляет?

Виктория: На данный момент, источником вдохновения является мой любимый муж.

P.S: Что бы вы хотели пожелать начинающим авторам?

Виктория: Пожелание для всех начинающих авторов: Не бросать писательскую деятельность.

«P.S» желает, вам, Виктория, творческих успехов и вдохновения. Ждем новых стихов и миниатюр.

Интервью провела Надежда Леонычева

Рецензия на фильм «Грязь»

Фильм Джона Бейрда «Грязь» снятый по книге Ирвина Уэлша однозначно не для всех. Не в том плане, что кто-то тупой и не поймет, а группа избранных умна и мыслит шире. Совсем не поэтому. Этот фильм понравится поклонникам творчества самого Уэлша, Паланика, ну и исполнителя главной роли Джеймса Макэвоя. Любителям психологического кино, жестоко реалистичного, показывающего низменность, пороки и всю ту грязь, о которой в приличном обществе не говорят. Если же вы эстеты, романтики, ранимые люди и не переносите грязь в прямом и переносном смысле слова, не любите вывернутые наизнанку страхи, жесткий цинизм и ублюдочных главных героев то этот фильм не для вас.

Главный герой коп шотландской полиции по фамилии Робертсон, человек эгоистичный, лживый, порочный, легко втирающийся в доверие, запросто плетущий интриги и склоки, которые сам же потом с невероятным рвением берется разруливать, в общем, хорошо имитирует бурную деятельность на пустом месте, а заодно и стравливает коллег. А также он расследует убийство и очень хочет получить

повышение, за этим, кстати, и коллег стравливает. И все было бы прозаично и прозрачно, ну вот живет себе говнюк и ни о ком не думает, повышение хочет любой ценой. Но за этим желанием стоит многое, а именно герой надеется, что неким волшебным образом, после получения повышения его никчемная унылая жизнь заиграет новыми красками, все его мудачьи поступки и слова сотрутся, и что самое главное, Робертсоны снова будут жить одной дружной семьей. Вот такие вот вполне понятные всем мечты у Робертсона.

И пока ничего не сдвинулось с мертвой точки. Ни расследование убийства, ни повышение не приблизилось. И Робертсон продолжает мутить свои собственные игры, играя со своими друзьями, унижая их, заставляя страдать, сомневаться, мучаться. И все, потому что он мучается сам. Непробиваемый цинизм и равнодушие ко всему и всем всего лишь защита себя слабого. Он не такой уж и крутой, не такой уж и уверенный в себе. И у него до кучи страхов, и глюки еще приходят. И всему этому есть основание, которое раскрывается на протяжении всего фильма. Зрителю

дана возможность заглянуть Робертсону в голову.

Есть поступки, которые герой хочет испробовать, но есть вещи, которые никогда не перестанут тревожить и приходиться в кошмарах. Психика героя расшатана до нельзя. И в кино это удалось раскрыть достаточно хорошо, обыграть так, что сначала не понимаешь реальность это или же происходить лишь в сознании героя. На деле оказывается, что ни то и не другое. Режиссеру браво за такой ход. Ну и естественно автору романа.

И каким бы мудакон не был Робертсон, иногда ему бывает не все равно. Он пытается спасти на площади мужчину, у которого стало плохо с сердцем. Толпа окружила женщину, склонившуюся над мужем и просящую помощи. Понятное дело, никто не шевельнулся, удивительно, что на телефоны не засняли. И тут Робертсон бросается на помощь. Но уже поздно. Через какое то время в участок приходит жена погибшего с маленьким сыном, знакомит сына с Робертсоном, представляя его как героя, который пытался помочь, пока остальные смотрели. Наверное, это самый трогатель-

ный момент в фильме. У Робертсона по лицу пробегают тень стыда (хорошая актерская работа Макэвой), он не такой уж и герой и он это понимает. Ему на короткий миг стыдно перед ребенком, за то, что он не такой кем его считают. Финал фильма выше всяких похвал. Напряжение, надежда и неизбежное.

Фильм, безусловно, психологический, в сознание героя зрителю открывает дверь и он наблюдает за ним со знанием того,

что происходит у героя в голове. По сути, Робертсон человек, которого выбросили, ненужный мусор, грязь. В том числе такой он и для самого себя. И он ведет себя соответствующе. Его путь – саморазрушение без попытки что-то изменить. Все его попытки что-либо исправить – это иллюзии, которые легко бьются, но перед этим напрочь затмевают разум и здравый смысл.

Смотреть или не смотреть – личное дело каждого. Это не тот

фильм, который можно рекомендовать всем (читай почему выше), особенно малознакомым людям. Если же вам хочется заглянуть на другую сторону, отдохнуть от "все просто чудесно и мило" на экранах, посмотреть на персонажа, который уж "без сомнения" хуже вас, то устраивайтесь поудобнее и вперед.

Автор: Надежда
Леонычева

Великая стена - Не великая, не китайская... Забор

Чтоб такого рассказать об этом фильме? Зря Мэтт Деймон побрился. Вначале весь заросший и с бородой он смотрелся куда более эпично. И даже как будто соответствовал временным рамкам. Но привел себя в порядок и все. Мираж рассеялся. Теперь это постаревший внезапно Джейсон Борн, которого неведомыми ветрами занесло в древний Китай.

Фильм ну очень средний. Но после трудного дня пошел просто на ура. Никаких тебе философских размышлений, никаких постельных сцен, даже никто никого не поцеловал. Мало крови - за это спасибо. Без душераз-

дирующих моментов тоже обошлись. Средний боевичок с налетом фэнтези и, я б сказала, привкусом компьютерной игрушки. Вот не впихнули бы сюда Дэймона, было бы вообще один в один. Главная героиня, командующая армией, словно с обложки игры. Или качественного анимэ. И создается такое впечатление, что о Китае создатели фильма именно оттуда и черпали информацию. Одной из древнейших культур сложно проникнуться, читая википедию. Мотивация у сторон конфликта самая примитивная. Кое-где герои даже пытались пошутить. Сделаем вид, что у них получилось. Графика...

Так же на уровне хорошей компьютерной игры. По идее там все на этом уровне. В кинотеатре на большом экране смотрится даже интересно. А вот на обычном я не думаю, что сможет кого-то впечатлить.

По ощущениям... (Мозг отдохнул)) А то несколько дней он был просто перегружен информацией. Просто легкий незамысловатый экшен в духе боевиков 90-х. Встретились, подрались, разбежались. Но мне даже понравилось. Иногда надо отдыхать)

Автор: Сова Мысли-
любовсем

Джунгли

Скоро православная Пасха. Не разделяя никаких религиозных взглядов, все же, уважительно отношусь к красивым праздникам. Перед праздниками много хлопот. Казалось бы, не время нынче для таких воспоминаний, которые нахлынули непрошенно. А они покоя не дают. Ну вот, зачем перед православной Пасхой, мои мысли заселили факиры? И ведь не избавлюсь от них, пока не расскажу. Странная это история.

В то время, когда мне было лет четырнадцать, я не интересовалась религией, была комсомолкой, активисткой, атеисткой. Читала В. Шекспира, Д. Лондона, Г. Уэллса, Л. Толстого и многих других известных классиков. Обожала А. Грина. Так что никаких сведений о факирах Брунея у меня не было. Поэтому случившийся со мной сон-происшествие был очень странным.

Это были летние каникулы. Каждый день – праздник. Очень люблю лето. В один солнечный летне-праздничный день, мамка решила затеять грандиозную стирку. Стирала тогда вручную. Дело нелегкое. Увидев гору белья, кучу тазиков, мисок, решила я втихаря увильнуть. Хоть мамка и была не родной, но с Золушкой меня вряд ли можно срав-

нить. Я, таки, выскользнула со двора.

Моя любовная страсть в то время – это прекрасный, «могучий и ревущий» Днепр. Наплававшись до изнеможения, приплелась домой только к вечеру. Кучи белья уже ни зги. Оно даже высохнуть давно успело. Но ремень меня ожидал не шуточный. Этаким армейский, старого образца, с увесистой пряжкой, на которой красовалась звездочка. И получала я этой звездочкой по полной программе.

В тот празднично-летний вечер эта пряжка вновь пошла плясать, уча послушанию и покорности. А во мне вдруг проснулась ярость. Я уже не чувствовала боли. И страха больше не было. Увернувшись от очередного удара, схватила рукой эту звездочку, выдернула ремешок и дико заорала: - «Убью! Еще раз ударите, всех убью!»

Скуля, как собачонка, не жравши, залезла в постель, оставляя на чистых накрахмаленных и белоснежных простынях, рыжие пятна от кровоподтеков. Тело ныло. Спала ли я в ту ночь? Сон меня не брал. Но сознание словно проваливалось в какую-то бездну. Окутал мрак и тишина. И сквозь эту накатившую пронзительную тишину, почувствовала, как кто-то береж-

но, но крепко взял мою руку. Потом рывок.

- Вставай! – слышу женский голос. – Пойдем со мной!

- Куда? И кто ты? – я пытаюсь сопротивляться и удержаться в кровати.

- Пойдем! Не бойся!

Снова рывок. И я стою в сумеречном полумраке. Мне легко, ничто не болит. Только вокруг странная пустота. Меня окутывает какой-то туман.

- Где ты? Кто ты? – спрашиваю.

Но никого не вижу. Ощущаю лишь присутствие, слышу женский тихий голос. И на плечи словно ложатся чьи-то руки, вернее, нечто похожее на ласковые руки. Это как легкое дуновение ветра. Именно это прикосновение направляет меня.

- Пойдем.

И мы (или я) идем. Еще один шаг, и о! боже! Какое-то странное ощущение. Я словно стою в маленьком цилиндрическом лифте, и он мчится вниз на невероятной скорости, выворачивая все мое нутро наизнанку. Резкий тормоз. Стоп кадр. Я как будто в западне в этом чертовом цилиндре.

- Выпусти меня! – пытаюсь закричать, но едва ворочаю языком.

- Не бойся! – и вновь успокаивающий женский голос и прикосновение к плечам. – Пой-

дем.

Проливается неяркий голубой свет. Впереди узкий и невысокий тоннель. Идем. Потом вновь цилиндр и вновь спуск. И так несколько раз.

- Это уровни, - говорит женщина, или не знаю кто.

Мне не понятно, что это означает, но я уже не сопротивляюсь. Иду. Далее массивная деревянная дверь. Открывается. Входим в просторное помещение. Очень странное помещение. Прямоугольная комната. Посреди длинный дубовый (почему-то я решила, что дубовый) стол. С обеих сторон стола такие же массивные старинные стулья. На них сидят...

- Этого не может быть! Что это?

- Смотри, просто, смотри, - отвечает голос и не дает объяснений.

На стульях сидят разные животные. Вернее, наполовину животные. Потому что сидят, как люди. Но человеческих ног, рук и других частей не имеют. Это как муляшки. Во главе длинного стола в большом кресле восседает гном в красной шапочке.

В тот миг, когда мы вошли, вся эта картинка предстала перед глазами в ярких красках, но была неподвижной. А после нашего появления, все вдруг зашевелилось. Они ожили! И, словно, не замечая нас, продолжили какую-то свою беседу. Я ничего не разобрала из того, что там

говорилось. В ушах лишь звенел колокольчик, который был прикреплен к красной шапочке гнома, похожей на шапочку Буратино.

Это выглядело сказочной фигней. Если бы не одна странная деталь. Все стены комнаты представляли собой дубовые шкафы-полки, на которых стройными рядами были уложены тонкие пластины. Спутница меня к ним подталкивает.

- Что это? - рассматриваю заинтересовавшись.

- Библиотека.

- Библиотека?! Таких библиотек не бывает, - удивляюсь и протягиваю руку, чтобы взять одну пластину и рассмотреть.

И в этот миг громче зазвенел колокольчик. И я увидела, как добродушное лицо гнома зло исказилось. И головы всех этих сказочных муляшных милых зверушек повернулись в мою сторону. Но я таки успела одну поддержать в руке. Всего миг. Пластина мне показалась тонкой, но тяжелой. Увидев, как «зверушки» начинают грозно приподнимать свои задницы с дубовых стульев, быстро ложу пластину на место.

- Это охранники, - говорит моя провожатая и увлекает меня вновь в тоннель. Опять цилиндры, сумасшедшие падения, новые тоннели. Страх. Страх провалиться куда-то, откуда нет пути назад.

- Не бойся! Мы возвращаемся.

- Как можно воз-

вращаться, падая вниз?

Вместо ответа, слышу лишь легкое прикосновение к плечам и толчок. Потом свет в глаза! Дневной свет! Но не яркий. Потому что мы стоим в глухом лесу. Это не мой родной и знакомый мне лес. Это джунгли! Рядом со мной женщина. Теперь я ее вижу. Она берет меня за руку. Улыбается. И мне больше не страшно. Просто удивительно.

Вокруг все кишит какими-то заморскими гадами. Кто-то ползет, кто-то стрекочет, шипит, визжит и кричит. Пространство наполнено чуждыми звуками, чуждыми растениями, животными. На этот раз вовсе не муляшными. Но они нас не замечают. Мы находимся в пространстве, которое не взаимодействует с нами. Мы отстранено присутствуем.

Она подводит меня к каменным глыбам, сквозь которые густо пробивается дикая растительность. Такое впечатление, что здесь никогда не ступала нога человеческая.

- Пойдем, - спутница вновь увлекает меня.

Мы втискиваемся в узкую щель между двух камней. Далее низкий проход в полуподземелье. Свет здесь есть, но очень тусклый. Он пробивается в небольшие щели между камнями. Сначала ощущаю затхлый воздух. Вскоре глаза, «акклиматизировавшись», начинают различать внутреннее содержимое. Шок

пронзил сознание.

- Что это?! Что это?! Куда ты меня завела? - пытаюсь повернуть назад, выскочить.

Но она меня удерживает за руку.

- Смотри, смотри.

- Не хочу!!!

- Смотри! Потом пожалеешь, если откажешься.

Мы стоим в каком-то каменном мешке – пещере. В стенах этой пещеры выдолблены небольшие ниши. А в нишах люди, закрытые там решетками. Они находятся в неподвижных странных позах, поскольку в каждой нише места столько, что туда можно лишь с трудом втиснуться.

На них были когда-то белые одежды. Теперь – лохмотья. По ним ползали жуки и грызуны. И все эти люди, вопреки моему пониманию о жизни, были живы. Они смотрели на нас. Смотрели безучастно. Изуродованные тела. Гноящиеся раны. Смерд.

Но это был еще не весь увиденный мной ужас. В темном углу, к которому мы стояли спиной, слышался какой-то металлический скрежет. Поворачиваю голову и замираю. На цепи подвешен человек. Подвешен за одну руку и одну ногу. Это он шевельнулся и звякнула цепь. Рядом с ним еще одно страшное зрелище. На каменном топчане лежало тело. Оно не было привязано. Человек просто лежал. По нему, как и по всем остальным, ползали гады, его

грызли, кусали. Он гнил. Но был жив. И не шевелился, не издавал стонов. Он смотрел на нас. Но как смотрел! Одним глазом. Другой выпал из его глазницы и свисал на какой-то живой нити.

Разве могут люди быть живыми вот так?! Это противоречило всем моим маленьким жизненным познаниям. В моем сознании пронеслась мысль, что их кто-то так наказал, кто-то заточил, кто-то издевается. И надо бы спасти? Или самим спастись? Я вновь дергаюсь к выходу. И меня вновь легко, но настойчиво удерживает спутница.

- Надо бежать, - шепчу ей, - надо сообщить...

- Постой еще немного. Сейчас все увидишь.

Снаружи послышался тихий шорох. В проем протиснулся человек. Худощавый, высокий, жилистый, лысый и в белых одеждах. Было понятно, что он очень крепок и здоров. Женщина обхватила мои плечи.

- Ты его не бойся. Он нас не видит.

Лысый принес с собой небольшую торбочку. Сначала он достал бутылку с водой и какой-то маленький черпачок. Каждому, из находившихся в заточении, влил в рот по одному черпачку воды. Они молча проглотили, не издав ни звука. Далее лысый извлек из своего мешочка рис, и отмеряя его ложкой, вложил этот рис каждому в рот, кроме по-

следнего, который лежал на топчане с вывалившимся глазом. Вернее он собирался и ему запихнуть ложку риса в рот. Но что-то его остановило.

- Он уже отказался от риса, - сказала женщина. - Нас видят все, кроме помощника.

- Какого помощника?

- А вот этот лысый и есть помощник, посвященный в тайну. Это – их храм.

- Храм?! Вот это – храм?!

Лысый нагнулся низко к лицу, вернее, к тому, что ранее было лицом, того, кто лежал на топчане и отказался от риса. Он что-то сказал на незнакомом мне языке. И в ответ, лежавший на топчане, прошептал ему какие-то слова.

После помощник ушел. А во мне кипело негодование.

- Это не храм! Надо сообщить! Надо их освободить!

- Успокойся. Это особые факиры. Для них – это тайный храм. И готовятся факиры к нему много лет.

- Так нельзя с людьми! Уведи меня отсюда.

Мы вышли. Еще раз оглянулись. Но пелена застлала мои глаза. И вновь ее руки у меня на плечах, и вновь толчок, какое-то падение. Кругом мрак. Но я еще чувствую ее присутствие.

- Это были джунгли Брунея. - услышала тихий голос в ухо. - А те-

перь спи.

Проснулась поздно. Меня никто не трогал в тот день. Просто не замечали. Словно я пустое место. Но ремень пропал с того дня навсегда. А я ни на кого не злилась, как всегда. Как всегда быстро забывала обиды. Я ведь

тоже не подарок! В общем, все потекло по прежнему, только без пряжки со звездочкой. И на том спасибо!

Ночное странное путешествие я помнила, как сон, но очень яркий. Только было непонятно, почему мне приснились

джунгли Брунея и ненормальные факиры. В то время я не знала не только о факирах ничего, но и о Брунее тоже, к своему стыду. Ко сну у меня вопросов много, а ответов – нет.

Автор: Абасада

Миг зари

Каждый, или почти каждый, испытывал вдохновение. Так вот, вдохновение – это всего лишь капля от того потока восторга, который обрушивается на человека в миг откровения или озарения. Озарение – подарок счастливым. Как эти счастливицы выбирают из общей толпы, неясно. Миг озарения может прийти к любому, не зависимо от его возраста, пола, образованности, статуса, достатка и даже независимо от его способа мышления – позитивного или негативного. Образно говоря, озарение может посетить даже сидящего в помойной яме. Это выбор свыше.

В одном из советских ВУЗов, в эпоху тотального атеизма, шли выпускные экзамены. Преуспевающая студентка (комсомолка, умница, красавица и, главное, убеждённая атеистка) сдавала последний экзамен по философии. Ей предстояло, согласно билету, разгромить религиозную направленность буржуазной идеологии и раскрыть правильные атеистиче-

ские взгляды на мир марксизма-ленинизма. Своё задание она выполнила успешно и, когда экзаменаторы уже держали в руках её зачётку, чтобы вывести оценку «отлично», студентка решила блеснуть, прибавив к ответу рискованный витиеватый пример. «Вот роза» - она коснулась рукой ярких лепестков розы, стоявшей в вазе на столе экзаменаторов. Сказала... и тут же замерла. Её лицо вдруг мгновенно преобразилось и выражало какое-то блаженное внутреннее сосредоточие. Молчание затянулось. Никто не мог понять, что с ней происходит, и какой пример, она хотела преподнести. И никто не подозревал, что в этот миг ей открывалась особая страничка постижения окружающего, посредством красоты цветка, с которым она пребывала в некоем единстве. Её посетило ОЗАРЕНИЕ. После паузы студентка тихо произнесла: «А ведь её, розу, сотворил Всевышний». И всё... Она, молча, вышла из аудитории. Ей не выдали диплом. Но она его и

не требовала.

Дальнейшая судьба этой студентки не известна. Вряд ли, этот случай добавил в её жизнь материального процветания. Но тот, кто вкусил «миг зари», определяет свой путь в согласии с самим собой. И хоть такой счастливчик не застрахован от ошибок и падений, но полученный мощный ориентир, подстёгивает к преодолению личного негатива.

Что же такое озарение? Это очень индивидуальное ощущение и в каждом отдельном случае, имеет свои краски и свои ориентиры постижения МИРА. Можно только приблизительно пересказать данное тайнодействие...

Лето. Жара. Пыльная дорога. Устало бреду домой под палящим солнцем, а в голове выстукивают тысячи молоточковых проблем. Плохо. В данный момент у меня множество трудностей, одна сложнее другой. Безвыходно. Очень плохо и безвыходно. Внутренне сворачиваюсь в маленький

комков боли. Чтобы никто не увидел накапывающих слёз, опускаю веки и бездумно, отвлечённо впиваюсь взглядом в носки своих босоножек, которые монотонно семенят по дороге. Шаг – носок, шаг – носок, шаг – носок... дорога...дорога... И надо жить. Едко колет слово «надо». Потеряно очень важное «хочу». Чтобы не съехала крыша, гоню все мысли прочь. И только: шаг – носок, шаг – носок, дорога и дорога.

Моё состояние становится похожим на медитацию, хотя такими практиками не занимаюсь. Просто ухожу в себя и при этом стараюсь вытолкнуть боль изнутри, потому что, надо жить. И вдруг что-то происходит. Происходит со мной, внутри меня, но не по моей воле. Маленький комочек разрастается до невероятных размеров и эфирной лёгкости. И это не просто образное сравнение. Я чувствую не столько своё тело, сколько свою энергию и чётко осознаю, что я – не набор костей и мяса, а нечто большее. И это большее в этот миг мне открылось. Словно освобождение из плена. Перед глазами мелькают всё те же босоножки, и бежит всё та же дорога.

Дорога... Охватывает острое понимание, что я иду не просто по дороге. Вот она – дорога, вьётся, ускользает и бесконечно тянется по земле...по Земле. Я иду по планете Земля. Эта доро-

га, бегущая перед опущенными глазами, мои ноги, мои босоножки и я, которая иду по Земле. Я, которая есть на Земле! Земля и Я. Аз есмь. Я – частица Всего. Я – единое целое со Всем. Там, по пыльной дороге, иду, маленькая и измученная я. И Я, которая есть единое целое со ВСЕМ, иду по планете Земля. Аз есмь. Сейчас и всегда, здесь и всюду. Я ЕСМЬ. Проблемы там, во мне маленькой, которая страдала и жалела себя. Сейчас все проблемы не важны и до глупости незначительны. Я их помню, понимаю, но не ощущаю, потому что в этот миг во мне нет негатива. Всё, что случилось со мной – самое тяжкое и страшное, самое непереносимо болезненное, в равной мере, как и самое радостное и счастливое – растворяется в парящем восторге. Всё, прежде происходившее со мной, было оторванным от чего-то, очень важного для меня, близкого и мной забытого. И только в этот миг восторженной эйфории, Я, как часть, сливаюсь с Целым. Вопросов нет. Всё предельно ясно.

Страх нет. Какой может быть страх в Бесконечности. Боли нет. Какая может быть боль в Любви. Это – ОЗАРЕНИЕ. Это соединение со ВСЕМ. Соединение моего индивидуального «кокона» с Бесконечным Океаном. Это слияние наполняет чувством единства и пониманием личной сопричастности с ЕДИНЫМ ЦЕЛЫМ.

Поражает ясность РАЗУМА. Если бы в этот миг возник вопрос, самый сложный, то я сразу знала бы ответ. Но вопросов нет. Всё ЯСНО! Ясно по особому. Знания не выражаются в формулах и расчетах. Знание проявляется из внутренней сущности вещей. Разум становится этой внутренней сущностью, то есть сливается с общим потоком Знания.

Данное состояние длится не долго. И вновь оторванность, и вновь дорога. Но ощущение восторга не проходит сразу. Оно медленно ниспадает, и я пребываю в приподнятом состоянии еще несколько дней. Этот миг, миг озарения – большой подарок. Каждый, переживший его, получает часть знания, которую воспринял его разум от ЦЕЛОГО. Я вынесла для себя ясное понимание бесконечности жизни и осознание сути ОЗАРЕНИЯ. Произошедшее ярко вписалось в память. Ощущения, к сожалению, вскоре прошли. Воскресить их могу только приблизительно. Поэтому, как бы не пыталась живописать об озарении, понять это в полной мере можно, только пережив подобное состояние.

Озарение для каждого носит очень индивидуально-личностный характер. Какая сила руководит этим явлением, и какие цели преследует? Почему оно случается не с каждым? И можно ли его выпросить? Однозначных ответов нет. Практикую

разного рода медитации, можно входить в изменённые состояния сознания, но они, как правило, не несут отражения реально-го состояния вещей. А что

касается именно озарения, можно сказать, что гипотетически его может получить каждый, даже преступник. Потому что это состояние достигается не

усилиями индивидуума, а дарится судьбой.

Автор: Абасада

Привет, Зайка!

Мое детство было сказочным. Вернее, наполовину сказочным. На другой, не сказочной, половине жили недобрые родственники, которые, как оказалось, на самом деле были мне чужими людьми. И еще на этой же половине обитали соседские мальчишки, которые любили «пошутить». Вы знаете, что получится, если лизнуть на морозе кусочек металла? А не замерзнете ли вы в глубоком погребе, если в одних трусах просидеть там больше суток с плотно закрытой крышкой? А не жарко ли вам будет прыгнуть в только что догоревший костер? К пяти годам у меня были ответы на все эти вопросы и на много других, очень «изысканных»...

Но зато вы точно не знаете, как можно побывать в гостях у зайца! Я вам расскажу. Это очень интересно!

Дело было зимой в лютый февральский субботний день. Отпросилась я у мамки после обеда покататься на саночках с горки, что располагалась за нашим домом. Гулять она меня отпускала всегда. А вот саночки жалела

и берегла. Они предназначались не для катания. На саночках меня в садик возили, чтоб быстрее было добираться. Еще на них могли привезти какие-нибудь нужные всячины, чтоб в руках не таскать. Но я их выпросила.

Прихожу на горку. А там весело. Полно малышей. На саночках катаются. Тут же и соседские шутники мальчишки. Несмотря на все пакости, я их не боялась. Скатилась с горочки и прям под ноги одному упырику попала. А он, оказывается, саночек не имел и сразу на мои глаз положил, поскольку я была тогда меньше других и годочками и росточком. И мои мамка с папкой никогда за меня не заступались. Упырики это знали.

- Привет, зайка! – говорит мне он и ласково так смотрит. А я обрадовалась. Думаю, со мной дружить решили.

- У тебя на шапке помпоны торчат, как зайчи уши, – продолжает новоиспеченный друг.

Я улыбаюсь.

- Вот и иди к своим зайцам!!! – он вдруг расхохотался и вырвал у меня мои саночки.

Ухватила я этого упырька обеими руками за ногу, а он хохочет и тащит меня по снегу. Тогда я его укусила. Умудрилась укусить прямо за ногу, которая открылась из-под разорванной штанины. Штанину, вроде как, тоже я разорвала, когда цеплялась. Тут он взбесился и сказал:

- Сваливай к зайцам, а то сейчас принесу ружье и пристрелю! – и оторвав меня от своей ноги, убежал с саночками.

Я заплакала. Без саночек мне домой нельзя показываться. И что делать? Здесь упырек пристрелить пообещал, а дома мамка ремень достанет папкин, армейский, с пряжкой. И пошла я к зайцам... по тропинке в лес. До леса было недалеко, метров двести. Лес был небольшим. Небольшим он оказался, когда я выросла. А тогда, пятилетней девчонке, лес представлялся огромным и бескрайним. Но лучше идти в лес, чем быть пристреленной или битой, так я решила.

Пришла. Петляю по тропинке между деревьев и кустов. Потом тропинка вдруг потеря-

лась. Смотрю, а уже темнеет. И не знаю, куда мне идти. И холодно мне стало, и страшно. Села под деревом и наблюдаю, как луна огромная, круглая, выкатывается над деревьями. И небо звездное. Красиво так... и тело словно растворилось. Я его уже не чувствую. Мне легко и приходит ощущение свободы. Страха больше нет. Все вокруг чудное. Свет разливается лунный... Вдруг к моему плечу кто-то дотронулся. Оглядываюсь. Не поверите. Там стоял заяц!!!

Заяц стоял на двух задних лапах и был моего роста. Уши его торчали. Заяц мне улыбался, сверкая передними резцами. У меня не было ни испуга, при виде сказочного зайца, ни удивления. Невозможного в моем понятии не существовало. И почему не может жить в лесу такой заяц?!

Я ему несказанно обрадовалась. Теперь со мной рядом кто-то был.

- Пойдем, - говорит заяц, - а то ты тут совсем замерзнешь.

Встаю и иду за ним. Приходим к большому сугробу. Только сугроб странный. Вроде снежный, но больно уж ровненький, кругленький и гладенький. А еще в сугробе оказалась такая же снежно-гладкая дверь. Открывает заяц эту дверь и приглашает меня войти. Вхожу не пригибаясь. Все как раз под мой и заячий рост. Внутри светло и бело, аж глаза режет белизной. Домик зайца очень

походил на круглый шар. Не было там ни стульев, ни столов. Разлеглись мы с ним прямо на белом полу. Только я этот пол под собой не чувствовала. Лежу, словно в невесомости. Напротив заяц. Есть мне очень захотелось. А он и говорит:

- Угостить ничем не могу. Нет у меня морковки.

Мне так жалко стало зайца, что нет у него морковки. Но сказать ничего не смогла. У меня слиплись глаза, и я провалилась в уютный сон. Спала сладко.

- Встава-а-ай! - слышу над ухом.

Открываю глаза и вижу все ту же картину: белизна вокруг и улыбающийся заяц напротив.

- Уже утро, - говорит он. - Я тебя провожу, и пойдешь домой.

- Нет-нет, - я чуть не заплакала. - Мне нельзя домой без саночек!

- Саночки твои уже дома. Упырек их вчера еще вернул.

Я облегченно вздохнула и даже не спросила, откуда зайцу это известно. Ясное дело, заяц этот все знал!

И пошел он меня провожать. Когда вышли из его избушки, я ничего не могла видеть. Так было светло и ярко. Казалось вокруг один снег. Я просто шла за зайцем по белоснежной тропинке, шаг в шаг. Вдруг неожиданно споткнулась и упала прямо лицом в снег. Встаю, отряхиваю снежинки с лица. Оглядываюсь. Заяца

рядом нет. А я на том самом месте, откуда он вчера меня забрал. Вижу тропинку домой, потерянную вчера в темноте.

- Зайка, зайка! - позвала.

Никто не откликнулся.

- Может, у него имя есть, - сказала вслух, - а я даже не спросила.

И тут вспомнила про морковку. У зайца нет морковки! Он голодает!

Бегу на всех парах домой. Заскакиваю в дом. Мамка возится у плиты. Думаете, меня искали? Что вы! Меня никогда не искали. Хоть пропадала я часто. Каждый раз, когда возвращалась, мамка встречала меня одним и тем же вопросом:

- Что, явилась?

Так было и в тот раз. Меня это не обижало. Чего обижаться?! В детдом не сдали, хоть и грозились. И за то спасибо!

- Морковку дай! - это первое, что я сказала, влетев на кухню.

Саночки я еще в коридоре увидела. Так что, заяц не соврал. Можно было не бояться ремня. - Какую морковку? - мамка стала в свою любимую позу - руки в бока.

- Ты у кого ночевала?

- У зайца! - говорю. - Ему есть нечего. Дай морковку. Очень прошу. Я отнесу зайцу...

- Совсем спятила! Я сейчас такого тебе зайца покажу!

- У зайца я ночевала! Правду говорю. Поэтому не замерзла в лесу.

Дай морковку. Мамочка! Дай морковку! Заяц голодает, понимаешь?

- Замолчи или получишь ремня!

Я заплакала. И сквозь слезы, как заведенная, повторяла:

- Дай морковку, дай морковку...

Мамка стягивала с меня пальтишко и приговаривала:

- Подожди, скоро отец придет, получишь за все... Ленчик вчера санки, которые ты дала ему покататься, принес и сказал, что ты к подружке пошла. Только он не знал к какой.

А ты мне тут свои сказки рассказываешь!

- Он не Ленчик! Он – упырек! Так и заяц сказал! Я не давала ему санки.

- Вот потому с тобой никто дружить не хочет! Ты ж не понятно, что такое! Навязалась на мою голову! И не избавишься ведь...

Мне, таки, всыпали ремня. Потому что до самого вечера я просила морковку и рассказывала о зайце.

Морковку мне не дали. Говорить о зайце запретили. А где я была

всю ночь – выяснять не стали. Слова Ленчика всех устроили.

Так был заяц, или не было зайца? А если не было, то как в февральский мороз, который ночью переваливал за тридцать по Цельсию, я выжила в том лесу?

Привет, заяка! Хотя я уже знаю суть своих детских сказок, зайца вспоминаю тепло, а мамку – не очень.

Привет, Заяка!

Автор: Абасада

Ведьма

Однажды, поздней осенью, я возвращалась домой из Днепропетровска. В тот осенний день я едва успела на последний рейс маршрутки. В свой город приехала, когда уже было совсем темно и стрелки на вокзальных часах запали на цифру – одиннадцать. Город наш, хоть и провинциальный, но ухоженный. Асфальтированные улицы добротнo освещались до самого утра.

Дом мой располагался в частном секторе в конце географии родной местности. Идти мне предстояло по широкой освещенной дороге сначала мимо кладбища, потом мимо заброшенной в девяностые годы пилорамы. Но самый потрясающий отрезок пути лежал далее... Нужно было свер-

нуть за пилорамой в переулок, который плавно переходил в узкую тропинку, вьющуюся за заборами последнего ряда домов, что возвышались над оврагом. И только миновав овраг, тропинка вновь разрасталась в просторную дорогу. А там уже и мой дом виднелся.

Конечно, можно было пойти иным, более цивилизованным путем, пролегающим по широким улицам. Но это такая даль... А я не из робкого десятка, и за долгие годы привыкла к сокращенному маршруту. Так что и в тот осенний поздний вечер поперлась мимо перечисленных выше достопримечательностей.

Надо сказать, что, несмотря на мрачность пути, он все же был достаточно хорошо освещен.

На улицах горели городские фонари. И даже тропинка вместе с оврагом не исчезли во мраке, а освещались светом окон частных домиков и яркой полной луной.

Итак, иду. На улицах еще попадались прохожие. А переулок встретил глухой пустотой. Слышны только мои шаги. Выруливаю на чертову тропинку, ускоряю шаг, и невольно в моей голове промелькнула мысль: «Хоть бы какой-нибудь гад проводил!» Ну, вот зачем тогда в башке такое слово всплыло: - «гад». Да еще, на той чертовой тропинке. Да еще, при полной луне.

Мне немало всякой всячины приходилось видеть. Так уж сложилась моя странная жизнь. Но сюрприз той ночи был

ошеломительным. Я вдруг увидела, как с оврага, по кочкам и засохшей траве, быстро катились вверх, к тропинке, два странных нечто. С виду это были два больших круглых куста травы перекаати-поле. Ненормально выглядело то, что катились они не вниз по склону оврага, а вверх, при полном безветрии.

Среди ночи раздумывать над тем, что я вижу – желания не было. Срываюсь на бег. Но они меня опережают и выскакивают на тропинку прямо перед моим носом и тормозят. Невольно останавливаюсь. И тут я четко вижу, что это не трава, хотя очень на нее похоже. Это нечто довольно правильной шарообразной формы. Внутри шаров переплетение тонких «веточек», по которым пробегают яркие голубые искорки, похожие на электрические разряды. Я слышу, как они потрескивают и даже шипят.

«Что за ерунда?», – думаю, и слышу, как учащается мое сердцебиение.

Пытаюсь аккуратно их обойти. Шары тропинку мне не перегораживают, но не отстают и продолжают, потрескивая, катиться рядом. У меня возникла мысль, что нуж-

но их проигнорировать, сделать вид, что я их не вижу. Логично ведь не видеть то, чего не может быть! Стараюсь идти быстрее. Но как-то от страха ноги слегка подкашиваются. А «проводчатые» не отставали. И более того! Они переговаривались!!! Слов, обычных человеческих слов, я не слышала. Но почему-то понимала их потрескивание и шипение, как некое общение. Мне стало ясно, что шарики решили меня проводить.

- Она нас слышит и видит, – это «сказал» один из них другому.

Что тут со мной начало твориться! Подробно рассказывать стыдно. Короче, я затопала ногами, начала материться такими матами, которые сапожнику не снились. Мало того, я плевалась и посылала ко всем чертям эту хрень, которая преследует меня всю жизнь. Ну, сколько можно издеваться надо мной?

- Вон отсюда! Вон! – кричала я, и переборов тяжесть в ногах, рванула что было сил.

Домой добежала без передыху. Кому-то такие приключения могут показаться увлекательными. Увлекательно их можно только рассказывать...

Я долго плакала. Уснула лишь к утру.

Спустя какое-то время после этого ночного происшествия, ко мне пришла одна женщина – экстрасенс. Заказала у меня пошив блузки. В то время мне приходилось зарабатывать на жизнь пошивом женской одежды. Об общении с этой женщиной я написала в рассказе «Целительница». Историю о странных «попутчиках» изложила своей заказчице, надеясь, что она поможет разобраться – что же это было. Она покумекала по-своему, экстрасенсорному, и сказала:

- Это были слуги.

- Какие слуги? – я ожидала услышать что угодно, но такое утверждение меня сбило с толку.

- А такие слуги, которые ведьме служат...

- Что за чушь?

- Не чушь! Живет здесь на вашей улице ведьма. К ней они и шли.

Я мысленно перебрала в голове всех соседей. Никаких ведьм не нашла.

А баба хитро заулыбалась и добавила:

- Эту ведьму ты лучше всех знаешь!

Автор: Абасада

Зоопарк

Скандал назревал давно и вечером свершился. Голосов опять не при-

нес домой зарплату и пришел домой грязный и хмельной. Почти все день-

ги он истратил, купив гвозди, доски, замки. Тем более что она у него не-

большая. Терпению

Иры пришел конец. Мало того, ещё до его прихода, она обнаружила пропажу

круп и картошки и поняла, куда уплыли её припасы.

– Всё, хватит, Сережа, хватит, завтра же закажу машину и катись ты отсюда, – заявила она.

Голосов не стал с ней препираться, а сразу лег спать от греха подальше, в надежде, что она покричит-покричит, как всегда, а утром всё обойдется. И все ему простится. Так раньше бывало. Но не обошлось. Утром Ирина начала выполнять свою угрозу. И скандал продолжался.

– Собирайся, Сереженька. Натерпелась я, больше не могу. Кончилась моя терпелка. Ты мне что говорил про этот долбаный зоопарк? Где он твой зоопарк? Где он? Этот кабан Жора твой зоопарк? Да ты у меня всю еду перетаскал. Я что, на твой этот зоопарк должна работать?

Голосов сидел с поникшей головой. А Ира продолжала:

– Ты мне что рисовал, когда тебе охотники кабана подарили? Через год зоопарк будет и прибыль потечет. Где она твоя прибыль? Два года прошло, а у тебя как былдохлый кабан, так и остался.

– Не смей называть Жорудохлым! – взорвался Голосов. – У меня скоро тигры будут, медведи, рысь из Сибири пришлют.

Ты еще пожалеешь, что меня выгнала. Пожалеешь, – погрозились он.

– Да кто твоих тигров кормить-то будет? Твой Жора на мою зарплату живет.

– Они будут приносить прибыль, и все окупится, сами себя прокормят.

– Господи, да ты сам-то скоро от голода помрешь. Всё, всё, надоело. Езжай к своему Жоре и живи там.

Машина подъехала в одиннадцать. На ней приехал и бывший муж Иры, Борис. Он с удовольствием стал таскать вещи Голосова, приговаривая:

– Вали отсюда в свой зоопарк. Молодец, Ирка, давно бы так.

– А ты молчи, – осекла его Ира, – без тебя разберемся.

Но разгружать вещи он не поехал. В машину сели Голосов и Ира.

– Куда ехать? – спросил шофер.

– В зоопарк, – важно сказал Голосов.

– Это в какой: московский или берлинский?

– В свинарник, – поправила Голосова Ира, – в конец города, где подсобное хозяйство завода было.

Ехали молча. Когда въехали на территорию подсобного хозяйства, Ира сказала:

– Вон туда – к пристройке свинарника.

На пристройке висела вывеска, написанная кривыми буквами: «Дирекция зоопарка». Ко-

гда машина подрулила к крыльцу, Ира сердито бросила:

– Давай разгрузжай, директор, нечего машину задерживать.

Голосов молча стал таскать свои узлы. Когда кузов опустел, Ира расплатилась с шофером и выдала Голосову сто рублей.

– На вот тебе на первое житье, живи на свою зарплату и больше ко мне не приходи, – и добавила опять язвительно, – директор зоопарка, – потом захлопнула дверь кабины, и грузовик уехал.

Голосов стал раскладывать вещи. Потом плюнул и прилег на кровать. Полежав немного, он вспомнил, что надо кормить кабана. В углу стояло ведро с корками, которое вчера принесли школьники. Они собирали отходы и приносили их Голосову, а он им за это разрешал кормить Жору. Сегодня, правда, школьники не приходили.

Голосов взял ведро и пошел в свинарник. Это пока свинарник. А скоро сюда заселятся тигры, обезьяны, медведи, но, конечно, надо все перестраивать и ставить клетки. Это Голосов понимает и на все нужны деньги. Зоопарк – это давняя мечта Голосова. Еще в детстве, когда в город летом приезжали зоопарки, он мечтал, что у них в городе будет свой зоопарк. И ходить в него можно будет круглый год. Два года назад он опять заго-

релся своей мечтой и уже не на шутку, когда увидел, что подсобное хозяйство завода «приказало долго жить». Он побежал к начальству на завод. И там ему сказали: «Заселяй своими зверями. Завод все равно не работает, глядишь, у тебя чего-нибудь получится».

Обрадованный, он побежал к охотникам, те поддерживали его и отловили ему кабаненка. Дети, увидев, как он ест, визжали от восторга и называли его Жорой. Бывший тогда глава города тоже одобрил его идею, но сказал: «Давай год подождем, ведь скоро выборы». Но прошел год, и его не выбрали. Тогда Голосов поехал в Москву и там пробился к депутатам, те тоже одобрили его идею, но сказали, чтобы финансовый вопрос он решал у себя в городе. И вот уже много дней он пытается попасть к новому главе, и вчера, наконец, его все-таки пообещали принять.

Голосов подошел к клетке, высыпал в корыто корки и стал наблюдать. Жора как всегда осторожно, подошел к еде, поводил носом туда-сюда, и, почувствовав запах съестного, ткнулся носом в корыто, захрустел.

«Первенец, – подумал Голосов. – А Ирка не понимает, что скоро все у меня будет. Мне бы вот только завтра пробиться к главе».

Когда кабан всё схрустал, Голосов пошел обратно в подсобку. Вечером Жору надо снова кор-

мить, он достал сто рублей, которые ему оставила Ира. Вздыхнул и опять положил в карман.

Ведь он не для себя старается, детям это нужно. Корреспонденты к нему приезжали, и в газете была статья: «У нас будет свой зоопарк». Голосов взял молоток и гвозди, и пошел заколачивать дыры. Пока Жора здесь один, незащищенный. А вот когда пришлют ему тигра или медведя, тогда сюда никто не сунется. Недавно он видел, как алкаши крутились здесь, ему тревожно стало, вот и купил на всю получку гвоздей да досок. Сторожа не наймешь. Кто за бесплатно будет работать? Он и сам работает сторожем в одной фирме, через два дня ходит дежурить, хоть имеет высшее образование. Ирка поначалу верила ему и тоже загорелась этой идеей. И даже от мужа ушла. А тот все вертел пальцем у виска, мол, спуталась с дураком. И вот вчера не выдержала.

Голосов заколачивал дыры до вечера, ему показалось, что он надежно укрепил свинарник. Теперь надо накормить Жору. Он взял ведра и пошел в город поискать чего-нибудь съестного в мусорках. Пока шарил по мусоркам и развязывал пакеты, наполняя ведра съестными отходами, на него оглядывались прохожие. Набрав два ведра, он понес их к себе. Пахли отходы невкусно. Но Голосов терпел, да и Жора его поймет и простит. Бу-

дут деньги – он его накормит досыта. После того, как Жора все съел, Голосов опять обошел вокруг свинарника. Спать не ложился долго. Но ночью, услышав какой-то шум, он взял фонарь и вышел на улицу. От свинарника кто-то метнулся. Наверное, собака, подумал Голосов. После этого он долго не мог уснуть. Утром, проснувшись, он опять покормил Жору и еще раз обошел строение. И обнаружил оторванные доски – кто-то пытался влезть в свинарник. Похоже, ночью Голосов спугнул воров. Он снова заколотил это место, укрепив его дополнительно новыми досками. Сегодня он пойдет к главе. Мысленно он стал репетировать про себя речь, которую он скажет при встрече. И в это время в дверь постучали.

Вошел подросток лет тринадцати.

– Дядь, – сказал он, – вам телеграмма, просили передать.

Голосов взял телеграмму и прочитал:

«Голосову. Встречайте – тигр, слон, медведь, десять обезьян, поезд в 11».

Прочитав, Голосов подпрыгнул от радости, и закричал:

– Вот, вот, свершилось! Едут! Жора, ты теперь будешь не один. Эй, парень, а где расписаться?

Но парень, хлопнув дверью, убежал.

– Едут, едут, – взволнованно повторял он, – а куда же я их дену? –

Опешил Голосов. – Надо же клетки. А слон точно не уместится в свинарнике.

Он посмотрел на часы, время уже было полдесятого, думать некогда. Надо бежать на станцию. Он сунул в карман телеграмму, толком не рассмотрев ее.

– Сначала встречу, потом буду думать, куда их разместить, – решил он.

По дороге на станцию, уже в троллейбусе, он решил позвонить Ире. Вынув мобильник, набрал номер и радостно закричал:

– Ира! Мне зверей прислали! Я еду на станцию, приезжай.

Ира успела переспросить его:

– Что?

И мобильник отключился.

«Наверное, деньги кончились», – подумал Голосов.

На станцию он прибыл за полчаса до указанного времени. И стал ждать поезд. Вот только ни номера поезда, ни какой поезд, товарный или пассажирский, в телеграмме не были указаны. Через полчаса через станцию проследовал товарный поезд с цистернами. А через двадцать минут пошел второй, уже с вагонами, он замедлил скорость, а потом остановился. Вагоны были закрытые. Поезд растянулся на всю станцию. Голосов бежал вдоль состава и в конце увидел вагоны с окнами и решетками, в середине был при-

цеплен пассажирский вагон. В закрытых вагонах явно кто-то находился. Если там звери, то вагоны должны отцепить и оправить на запасной путь. И, точно, в одном вагоне в окне мелькнула морда обезьяны. Но в это время поезд дернулся и стал тихонько набирать скорость.

– Э! Э! Куда! – закричал Голосов. – Куда? Мои звери!

В пассажирском вагоне дверь в тамбур была открыта, и там курили двое: женщина и мужчина. Они обратили внимание на бежавшего вслед за поездом Голосова. Из того, что он кричал они, похоже, разобрали одно слово: «куда?»

В ответ они прокричали ему:

– В Москву, в цирк!

Услышав это, Голосов остановился. Скоро состав скрылся из виду. Голосов стоял растерянный, провожая его взглядом. Он достал из кармана телеграмму и внимательно рассмотрел ее. Она была какая-то странная. Написано от руки и без печати. И ещё: почему ее принесли в свинарник, он же прописан по другому адресу? Голосов дошел до первой почты и показал там телеграмму.

– Это не телеграмма, а записка какая-то. Кто вам ее принес? – спросила его девушка. – Вы расписывались?

Тут до Голосова дошло, что с ним сыграли шутку, если не больше. Голосов разозлился и за-

думался: «Кому это надо было играть такую шутку?»

Время двигалось к обеду. А ему надо было сегодня еще обязательно попасть на прием. Однако пройти к главе было не так-то просто. Его сразу остановили на входе, и только убедившись, что он записан на прием, пропустили, предварительно проверив паспорт.

Однако, перед тем как пройти в кабинет, его еще полчаса продержали в приемной. Затем вышедший из кабинета помощник спросил:

– По какому вопросу?

– По поводу воспитания молодого поколения, – сформулировал правильно свой вопрос Голосов.

– Очень важная тема. Проходите.

Но разговор с главой был короткий. Тот вежливо предложил ему сесть.

– Так вы Сергей Николаевич? Ну, рассказывайте, Сергей Николаевич, какие у вас предложения по воспитанию молодого поколения. Есть какие-то наработки? Ведь нынешнее поколение, ох, не простое. Воспитывать их не просто. Раньше у нас были пионерская, комсомольская организации. А сейчас всё пущено на самотек и это очень важно, что находятся такие люди как вы и берутся за это дело.

– А я, как бы вам сказать, Михаил Иванович, хочу это делать мето-

дом приобщения.

– Так, так,- повторил глава, от чего-то все время морщась.

– Я хочу, чтобы дети общались с животными, то есть создать зоопарк.

– Представляете, у нас в городе будет свой зоопарк.

Глава после этих слов изменился в лице:

– Да, я слышал про вас. И вам, конечно, нужны деньги.

– Да, да, - обрадовался Голосов, что его понимают.

– Очень хорошее дело и мы вам в этом деле обязательно окажем поддержку, вот только деньги, сами понимаете. Денег нет. Бюджет у нас маленький: врачи, детские сады, учителя, дороги. На всё нужны деньги. А вы обратитесь к спонсорам. Предпринимателям. У нас их в городе много. И я думаю: у вас всё получится. Ну, всё, удачи вам, – закончил он, все больше и больше морщась.

Голосов открыл рот и хотел рассказать про то, что ему обещали зверей разные зоопарки, и что у него уже есть один зверь, которого любят дети. Но помощник уже открыл дверь, приглашая его к выходу. Когда он вышел, глава зажал нос и спросил сердито:

– Кто его пустил? От него воняет, как от козла. Проветрите помещение. И больше, чтобы я его не видел.

Помощник пожал плечами:

– Он ведь по вопросу воспитания молодежи. Я думал, какие-то полезные идеи расскажет.

– Думал-думал. Весь кабинет провонял. Проветрите помещение. Надо посмотреть, кого пускать.

Поняв, что здесь ему ничего не «светит», Голосов решил идти сегодня до конца и ловить местного депутата Клюкина, тем более что Клюкин был не только депутатом, но и самым богатым человеком в городе. Офис Клюкина находился в центре. Но Голосов не рискнул туда зайти, там Клюкин никого не принимал. Он стал караулить его у входа, и ему повезло. Клюкин вышел из офиса через час, по бокам и сзади его шли охранники. Голосов бросился к нему, успев крикнуть:

– Виктор Викторович! Дело важное!

И тут же был схвачен охраной. Ему заломили руки. Клюкин обратил на него внимание.

– В чем дело? – спросил он.

– Дело с бизнесом связано, вам удача будет большая. Предложение выгодное.

Клюкин осмотрел его и приказал:

– Отпустите его. Дело какое?

– Крупное, со зверями связано.

Клюкин кивнул ему головой, мол, следуй за мной. Голосов бросился за ним и тот жестом пригласил его в свою машину. И, когда они сели,

спросил:

– Так что вы говорите насчет бизнеса?

– Я, Виктор Викторович, зоопарк органирую в нашем городе.

– Да, ну и какие успехи?

– Успехи есть, Виктор Викторович. Мне выделили место за городом, и у меня есть уже один зверь.

– Так, дальше.

– Мне еще зверей обещали из зоопарков: из Москвы, из Сибири, с юга.

– Чего обещали?

– Ну, зверей: тигра, медведя, обезьян.

– Чего бесплатно, что ль? Непонятно.

– Да бесплатно, им вроде там корма не хватает.

– А у тебя хватит? – язвительно спросил Клюкин. Он посмотрел на часы, – ну что ж давай, показывай свой зоопарк. Полчаса у меня есть.

– Едем прямо, потом налево, потом опять прямо и в конец города, – объяснил Голосов.

Прежде, чем дать команду шоферу тронуться, Клюкин принял решение и спросил:

Чем это у меня пахнет?

Шофер поморщился и пожал плечами, покосившись на Голосова, ответил:

– Не знаю, я машину мыл.

Клюкин морщился всю дорогу, тоже подозрительно косясь на Голосова.

Когда они подъеха-

ли к свинарникам, стали сгущаться сумерки. Они вышли из машины. Ехавшие сзади охранники тоже вышли.

– Ну, где твой зоопарк?

– Вот, вот, - стал показывать Голосов на пустые свинарники.

– Это?- удивился Клюкин. – Все эти сараи и есть твой зоопарк? Чудило, – произнес Клюкин, покачав головой.

– Да нет, не все, пойдёте, я вам покажу ещё Жору.

Он подвел к свинарнику, в котором находился Жора. И с удивлением заметил, что замок на двери сбит. Они вошли в свинарник, и Голосов повел Клюкина к клетке Жоры.

– Света у тебя здесь нет что ль? – спросил Клюкин.

– Пока нет, – ответил удрученно Голосов, предчувствуя что-то нехорошее. И предчувствие не обмануло его. Клетка была пуста. А на соломе виднелись капли крови.

– Ну, где твой зверь?

– Нет. Похоже, украли, а может убежал, – упавшим голосом сказал Голосов.

Он сжал кулаки и повторил: - Похоже, украли. Вон кровь на соломе.

Клюкин рассердившись, пошел к выходу, ругаясь:

– Блин, завел меня в эту вонючку! Где тут бизнес?! Ты хочешь, чтобы я вложил свои бабки и ждал десять лет прибыли.

Вота!– Он сунул кулак под нос Голосову.

Они вышли из свинарника на свет.

– Да у меня будут звери, может завтра даже. Сюда дети будут ходить. Город будет гордиться зоопарком.

– Звери! Дети! – захохотал Клюкин. – Из зверей я тут пока вижу одну обезьяну, вот эту, – он ткнул пальцем в Голосова, – больше тут зверей нет. А детьми пусть власть занимается. Поехали! – крикнул он шоферу. – Только время зря потерял, да провонял весь, – он сел в свой джип, и машины бесшумно удалились с территории зоопарка.

Когда они уехали, Голосов обошел свинарник и внимательно осмотрел сломанные замки. Потом обнаружил следы крови на дороге, которая вела в город. Сомнений не было – Жору украли. И тут до него дошло. Эта липовая телеграмма была нужна, чтобы выманить его отсюда. Значит, за ним следили. Он сел на крыльцо, потом достал сторублевку и вспомнил, что сегодня ничего не ел, кроме чая и пирожка. Дойдя до ближайшего магазина, Голосов купил бутылку водки и на закуску колбасы и хлеба. Потом сел помянуть Жору. Он налил полстакана и произнес:

– Прости меня, Жора. Если бы не эта телеграмма, и не этот глава, и не этот Клюкин, ты бы остался жив. Прости за то, что плохо тебя кормил.

Прости за то, что держал тебя в клетке. Прости за все.

После первого полстакана он захмелел, и из глаз его полились слезы. Он наливал себе по полстакану. И, перед тем как выпить, каждый раз повторял, поднимая стакан:

– Прости меня, Жора. А ты, Ирка, меня предала.

Так он выпил всю бутылку, а затем завалился на кровать. Проспал он долго. Утром его разбудил стук. Стучали в дверь. Голосов привел себя в порядок, открыл дверь, и увидел перед собой женщину, а сзади еще трех человек.

– Здравствуйте, нам нужен директор зоопарка Голосов, – потребовала она строго.

– Он перед вами, – сказал, вздохнув Голосов.

– Так, очень приятно. Мы – комиссия из администрации. На вас поступила жалоба о бесчеловечном отношении к животным. Хотите почистить?

Женщина в этой группе, похоже, была главной.

– Не надо, и так верю, – отмахнулся Голосов.

– Тогда показывайте ваших животных, – потребовала она.

– А чего показывать, жалоба правильная, – согласился Голосов, – у меня был кабан Жора и я, действительно, не по-человечески относился

нему. А относился как к кабану. Но вчера кабана украли. И больше у меня животных пока нет. Так что показывать нечего.

Члены комиссии переглянулись.

— Где акт, вы милицию вызывали? — спросил молодой член комиссии в форме ветеринара.

— Еще нет, украли вчера вечером, сегодня вызову.

— Что будем делать? — задала вопрос женщина.

— А что? Нет животного — нет проблем. Вот только не сам ли он его съел? — вставил своё

слово мужчина в форме егеря. — Пусть пришлет нам акт.

— Пришлю, — пообещал Голосов.

Когда комиссия уехала, он сел писать заявление в милицию, понимая, что даже если найдут воров, Жору не вернешь. Он так увлекся, что не слышал, как в комнату вошла Ира. Она встала сзади и положила ему на плечи руки. Голосов не оглянулся, но понял, кто это.

— А у меня Жору украли, — сказал он тихо.

— Я знаю, — ответила она.

— Откуда?

— Кровь на траве видела. След идет отсюда.

— Ты думаешь, зоопарк не будет?

— Будет, Сереж, будет, но не скоро. Ты был у них вчера? И ничего не получил. Я же тебе говорила. Но они не вечные, придут другие. Заменят этих. А они придут, а мы подождем. А сейчас собирайся, поехали домой, я позавчера погорячилась.

Автор: Алексей Кнутов

Праздник

Стоял конец октября. Вечерело. Пенсионер Илья Худышкин взял сумку и пошел в магазин за продуктами. Магазин находился в середине деревни. Илья ходил в магазин в одно и то же время: в конце дня. По дороге и в магазине он встречал кого-нибудь из деревенских, беседовал, узнавал новости. На этот раз он заметил у магазина Стешу. Стеша у магазина судачила с какой-то бабой. Илья подошел поближе, поздоровался. Стеша тоже поприветствовала его. Илья купил хлеб, банку селедки и, дождавшись, когда в магазине никого не осталось, попросил у продавщицы:

— Маш, налей сто грамм.

— Дядя Илья, у тебя совесть есть? — возмутилась Маша, — Ты знаешь, сколько уже мне задал?

— Да ладно, Маш, отдам, запиши там еще, вот пенсию принесут и отдам.

— В последний раз, дядя Илья, — предупредила продавщица и налила ему из початой бутылки полстакана водки.

— Все отдам, отдам, — поклялся еще раз Худышкин, закусывая конфеткой водку.

Он вышел из магазина и опять наткнулся на Стешу. Она ждала его у магазина.

— Ну что, Илюшк, выпил? — насмешливо спросила она.

— Да так, каплю, —

сознался Илья.

— Она тебе, Дарья-то, даст «каплю», — снова поддела его Стеша.

— Ну испугался, — захорохорился Илья.

— Ладно, Илья, дело у меня к тебе. Порошенка бы надо зарезать.

Илья почесал затылок:

— Давай в четверг, моя в больницу в город поедет.

— В четверг, Илюх, мне не с руки, мне бы в пятницу, а в субботу я бы на базар.

— Ну давай в пятницу, — согласился Илья.

— А не боишься?

— Кого? — будто не понимая, спросил Илья.

— Ее, — снова напомнила Стеша.

– А чего мне бояться, я чай не раб у неё.

– Ну-ну, жду, Илья, приходи поговорим, – на прощание сказала Стеша, – нам, чай, есть о чем поговорить.

В четверг утром, собираясь в город, Дарья, жена Ильи, строго наказала:

– Смотри тут у меня!

– А чево мне тут смотреть?! – огрызнулся Илья.

– Сам знаешь чего, – железным тоном повторила Дарья.

– Да ну тебя, – отмахнулся Илья.

– Домашешься у меня, – погрозила она.

Вечером Дарья домой не вернулась, заночевала в городе у сына. На следующий день Илья, переделав домашние дела, пошел на другой конец деревни. Поросенка он разделал до обеда. Стеша нажарила картошки с печенкой, достала бутылку. Илья выпил. Стеша тоже пригубила чуть-чуть. Пока он закусывал она, подперев рукой подбородок, смотрела, как тот пережевывает жареную печенку. Она налила ему вторую рюмку, третью и четвертую Илья наливал сам. Илья раскраснелся и ослабился.

– Ешь, ешь, Илья, зашпыняла она тебя, зашпыняла.

– Ну что это? – пытался возразить Илья.

– И что ты тогда на ней женился? На добрейшее позарился?

Илья на миг пере-

стал жевать, задумался и грустно согласился:

– Позарился, Стеша, твоя правда.

– Бросил меня тогда. Знаешь, как я тогда плакала, когда ты женился. Я до сих пор тебя жалею.

– А я, Стеш, всегда иду к тебе как на праздник. И увижу тебя – в душе всегда праздник.

Стеша налила ему еще одну стопку.

– Да, Илья, как бы мы с тобой жили, ведь ты с ней не живешь, а существуешь.

– Твоя правда, Стеша, – согласился Илья, – существую.

– А ведь ты ее, Илья, тогда ни разу даже не провожал: всё со мной и со мной. Я все помню, все, Илья, все. Как ты из армии пришел. А я тогда из малолетки в девку выросла. За мной многие тогда ухлестывали. Помнишь, как ты с Валентином из-за меня подрался?

– Я помню, Стеш. Красивая ты была. Я ему тогда напорол, чтобы не подходил к тебе.

– Помнишь, а сам на этой женился. Ты и глядеть-то на меня тогда перестал.

– Да глядел я, Стеша, да не своя воля.

Стеша достала вторую бутылку и налила себе и Илье.

– Знаешь, Илья, давай выпьем за нас. Мы с тобой за нас никогда не пили, не за неё, а за нас.

– Давай, – согласился Илья. – За нас, Стеша.

– Илья, а ты давай переходи ко мне жить, брось ее. Ты же ей всю жизнь отдал. Ты ведь раб у нее.

– Эх, Стеша, – вздохнул Илья, закусывая, – ведь мне уже за семьдесят. Ну, куда я, у меня вон внуки какие. Скоро туда уж, на тот свет, а ты говоришь. Жить осталось годок другой.

– Ну и что, Илья, годок проживем и тот будет наш. Годок у тебя будет как праздник. А у тебя ведь сегодня праздник? А тут год будет праздник.

– Праздник, Стеш. Давай споем.

– Пой, Илья, и я с тобой.

Они просидели до вечера. И когда совсем стемнело, Илья вышел на свежий воздух и пошел домой. Душа его пела. Ему редко бывало так хорошо. У самого дома он потерял бдительность. И во все горло запел песню: «Парней так много холостых!» С песней он вошел в дом, позабыв про все на свете и даже про свою жену Дарью. Но она его не забыла. Как только Илья открыл дверь – увидел её. Она стояла в боевой позе посреди избы, со сковородником в руке и первое, что он услышал от нее, было:

– Я тебе что наказывала, проклятый! Песнегодный! К этой проститутке ходил!

– Тебя не спросил, куда мне ходить. Расфуфырилась тут. Да не боюсь я тебя. Да, ходил,

поросенка резал, – произнес Илья прежде, чем получить первый удар сковородником по голове. Второй удар пришелся по руке. Третий удар он предотвратил, вырвав у ней сковородник. От такой дерзости Дарья сначала оторопела, а затем, разозлившись еще больше, побежала за ухватом и, совсем взбесившись, начала крушить все в избе, стараясь ударить Илью. Илья, получив еще два удара, отнял у нее и ухват.

– Дура бешеная! Дура! Все, ухожу я от тебя, развожусь с тобой! Ухожу к Стеше! Дура, всю жизнь мне испортила! Всё, кончилось моё терпение! – кричал он.

– Да ори, ори, вот придет Колька он тебе покажет Стешу!

Илья не стал ее больше слушать, развернулся, громко хлопнув дверью, вышел на улицу. И, не оглядываясь, пошел обратно к Стеше.

У Стешки было хорошее настроение но грустное и она, конечно, Илью не ждала. А когда он постучал, подумала: «Вернулся еще выпить». Но Илья вошел и решительно заявил:

– Все, Стеша, ушел я от нее. Вот смотри, – он показал на голове шишку, – сковородником сейчас огрела.

– За что она тебя?

– За тебя, Стеша, за то, что у тебя был. Вот. Стеш, в чем пришел, все на мне. Пятьдесят лет с ней жил, больше не могу. Видеть ее больше не могу.

– А я, Илья, пятьдесят лет ждала.

– Вот только вся одежда там осталась, – опять повторил Илья, показав на замызганную фуфайку.

– Я тебя, Илья, одену с ног до головы. Все тебе куплю: и штаны и рубаху. Все у тебя будет, Илья. Одену с ног до головы.

Илья еще выпил. Стеша постелила ему чистую постель и он сразу уснул.

Проснулся он, как обычно, рано. И поначалу не понял, где он находится. Но потом вспомнил весь вчерашний день. Он встал и присел на кровати. Стеша уже хлопотала по хозяйству.

– Лежи, лежи, Илья, у тебя теперь другая жизнь. Сейчас тебе пирогов напеку. На рынок сегодня не поеду. Успею, съезжу.

Илья полежал еще немного, но уснуть больше не мог. Он встал, оделся, осмыслил свое непривычное положение. Привыкший с утра заниматься делами спросил:

– Чего делать-то, Стеш?

– Ничего не делай, Илюх. Сейчас сготовлю завтрак, а там баню истоплю. Ты теперь мой, чай назад не побежишь.

Скоро завтрак был готов. За завтраком Илья выпил и, поставив рюмку, спросил:

– Стеш, а если бы я тогда на тебе женился, у меня был бы праздник?

– У меня, Илья,

был бы, а ты сам себя спроси.

– Был бы, Стеша, был бы всю жизнь, – ответил на свой вопрос Илья. – Эх, Стеша, не свою я жизнь прожил, – печально произнес он.

После завтрака Илья вышел во двор и пытался найти себе какое-нибудь дело. Но Стеша тут же пресекла его намерения и тогда он сел смотреть телевизор. А Стеша готовила обед. Обед у них был царский. И день у Ильи был тоже царский. Никогда за ним так не ухаживали и не обращались с ним так. Ему было очень уютно, но в тоже время он чувствовал неловкость и неуверенность в, пока еще чужом ему, доме. Они без конца говорили со Стешей, вспоминая ту далекую и такую близкую им жизнь, и те счастливые моменты, когда они были совсем молодыми и были вместе. Казалось, это было вчера. Они смеялись и поминали добрым словом поросенка, который вот так сблизил их. Все было хорошо, но в душе у Ильи все-таки было беспокойно и это беспокойство усиливалось, и даже выпитое вино не заглушало его. Но это и понятно. Он прожил с Дарьей пятьдесят лет, а со Стешей всего один день, который уже подходил к концу. Вечером Стеша сходила в магазин, а Илья – в баню. И они сели ужинать.

– Ох, Илья, и все – таки мне не верится, что ты со мной. Вот ты си-

дишь рядом, а мне кажется, что это сон. Скажи, Илья, ты не уйдешь от меня? Я все думаю, что ты сейчас соберешься и уйдешь. Я и ночью не спала, все об этом думала.

– Да что ты, Стеша, я и представить себе не могу, как я к ней вернусь. Меня теперь к ней только под конвоем вести.

Только он это сказал и даже поднял рюмку, как на улице раздался какой-то шум и крики. Они оба замолкли и переглянулись. Стеша подошла к окну и все поняла. К дому подходили двое. Скоро они затопали по ступеням. Дверь открылась, и в избу ввалились Дарья и сын Ильи Колька, приехавший, похоже, по этому случаю из города. Первой разразилась бранью Дарья:

– Проститутка! Паразитка! Чужого мужика пригрела. Бесстыжая! – Закричала она. Стеша то-

же в долгу не осталась:

– Это ты, бесстыжая, отбила у меня его тогда! Он мой, мой! Не пушу!

Илья сидел ни жив, ни мертв и молчал. Настала очередь Кольки:

– А ну, собирайся! – скомандовал он. – Расселся тут.

– Ты чего, Кольк, ты чего, – пытался урезонить его Илья. – Я чай отец твой. Чего на меня так? Ты, чай, уже тоже отец, понять меня должен.

Колька, не внимая его словам, решительно подошел к Илье схватил за воротник и поволок к двери:

– Марш домой, козел паршивый, за рюмкой сюда прибежал! Мать одну оставил! Дома дел полно, а он здесь прохлаждается! Рюмошник!

Стеша пытаясь защитить Илью, стала у двери, преградила дорогу и закричала пронзи-

тельно:

– Не трожь его!

Колька легко оттолкнул её, выволок Илью по ступеням на улицу и швырнул на землю. Илья упал лицом в грязь, попытался встать, но не смог. Колька снова схватил его за воротник, поднял и скомандовал:

– Домой! Позорник!

Уже совсем стемнело. Илья шел по пустой деревенской улице, сгорбившись, вытирая грязь с лица. А сзади, как два конвоира, шли Дарья и сын Колька, подталкивая его в спину, ругая всяческими бранными словами. А вслед им из окна смотрела, подперев рукой подбородок, Стеша. По щекам ее текли слезы. Праздник кончился.

Автор: Алексей Кнутов

Сказка

Созвездие капитана с арбалетом любила каждая аквамаришка. Оно было для них мистикой, загадкой, тайной, мечтой, сплотившей их узами искренней и безоглядной дружбы.

Аквамаришками себя называли девочки, учившиеся в школе №35, в 7-Б классе. Аквамаринок было не очень много: чаще всего их было три - Юля, Маша и Влада, ино-

гда пять – появлялись Оля и Света.

7-Б в начале учебного года водили на экскурсию в краеведческий музей. Так и образовалась группа аквамаринок: на почве глубочайшего интереса к минералу зеленовато-голубого цвета. Согласно теории вероятности-невероятности, во время таких тоскливых мероприятий и возникают необъяснимые интересы

и привязанности.

Однажды девочки собрались в гостях у Маши и, по согласию родителей, остались на ночь. Это была суббота, завтра не нужно было в школу. И девчонки объедались вкусностями, сплетничали про свой 7-б, и даже рисовали. Маша ходила в художественную школу, и по всей квартире были развешены ее рисунки. У нее было много

разнокалиберных кисточек, всевозможные краски, карандаши, фломастеры и тушь. Вдохновленные Машиным творчеством гости усадились рисовать. Акварелью цвета аквамарин подружки рисовали небо, моря и реки. В Машином альбоме оставалось около семи чистых листов. И они неизбежно должны были закончиться к полуночи, так как без черновиков не обошлось. Девочки старались, чтобы выходило правдоподобно и реалистично, ведь они были в гостях у художницы. Аквамаринки делали первые шаги во взрослую жизнь, маленькие, несмелые шаги, но все же - полные вдохновения и восторга. Такие выходили и рисунки: легкие слабые линии образовывали-таки действительность, и эта действительность была безоблачной и радужной, а нерешительные мазки обрачивались нежностью полутонов. Вдруг пробил полночь – и Светина река так и не впала в море, а Олиного неба не коснулись солнечные лучи. Наступила полночь, и аквамаринки побросали кисти и прилипли к окошку, пытаясь высмотреть падающие звезды.

Какое было небо в ту весеннюю ночь. Черное-черное небо, испещрённое звездами. Небо дышало звездами. У девчонок дыхание перехватило от волнения перед необыкновенной красивой вселенной, в вис-

ках заняло, как от головокружения. Их ощущения в этот момент слились. Они будто стояли перед озером, в котором вот-вот отразится что-то важное для жизни, откроется тайна тайн. Непонятное, космическое чувство. Девчонки стали вспоминать и высматривать знакомые им созвездия. Ночь будоражила. Мало того, что было весело от того, что они собрались все вместе и не спят; так еще и небо поделилось созвездием, о котором девочки не знали. Даже Маша его не знала. Все сошлись во мнении, что созвездие напоминало атлета с луком. Но «атлет с луком» - не звучное название для весеннего открытия. Свете очень нравился вариант – «индеец», Оля предлагала «Амура», но тут Юля сказала – капитан. И девочки захлопали в ладоши – 7 «Б» недавно прошел «Капитанскую дочку» Пушкина. И лук у аквамаринок вскоре стал арбалетом. Потому как «капитан с луком» напоминал им капитана с овощем. Падающих звезд в ту ночь не наблюдалось.

Это была священная тайна аквамаринок. Про капитана с арбалетом они говорили только между собой. Они больше не видели этого созвездия. И на очередном собрании аквамаринок был вынесен вердикт: созвездие им явилось неспроста. Оно может исполнить желание. Так как небо лишь однажды явило

«капитана», желание – одно, одно на всех. И распорядиться им – сложная ответственная задача. Данную теорию, выдвинутую Марией, необходимо было проверить. Но случай еще не представился.

Девочки, вспоминая ту ночь и то небо, чуть не рассорились. Так расходились их описания. Они не договорились даже о масштабах созвездия. Спорили так, что иногда слышались девчачьи повизгивания. Мудрая не по годам Маша сумела остановить это безобразие. Она предложила всем нарисовать То небо. И только после этого продолжать споры. Ведь, вероятно, что говорят о небе они по-разному, а представляют его совершенно одинаково.

С января в школе №35 подняли плату за обучение. Светиным родителям было это не по карману: двое ее братьев тоже учились здесь. Света сказала аквамаринкам, что, скорее всего, она будет ходить в другую школу.

Света любила школьные постановки, дух соперничества. Когда класс делили на группы, каждая из которых должна была показать сценку. Света была и режиссером, и актрисой, и сценаристом. Ей все это давалось с легкостью. Она любила купаться во внимании. И когда между собой соревновались

классы, 7 му «б» не было равных. Класс бы просто осиротел без Светы.

Девочкам было очень грустно. И они решили, что их общее желание, чтобы подруга осталась с ними. Аквамаринок собрались у Маши, и, дождавшись полуночи, стали искать на небе капитана с арбалетом.

Закончился учебный год. Света ушла учиться в другую школу.

В новом учебном году у аквамаринок возникло еще одно общее желание. А дело было так. У Влады была собака, колли по имени Лиса.

Она была с Владой с самого рождения, собаке исполнилось 15 лет в этом году. Лиса за эти годы ни разу не пропустила семейной трапезы. Изю дня в день она соблюдала свой собачий ритуал: сесть и смотреть главе семьи в рот, истекая слюной, и преданно моргая. Лиса была большим другом. Лиса была всегда рядом. И вот она заболела в начале января, и врачи сказали, что нужно ее усыпить. Опять собрались аквамаринки. И в полночь попросили капитана об исцелении собаки. Родители Влады лелеяли еще надежду на выздоровление Лисы, и нашли другую ветклинику. Собака прожила еще четыре месяца. И девочки подумали, что это не считается исполнением желания. Влада так сильно переживала. Она не про-

стила этого капитану. И однажды сказала девочкам, что больше не верит в него и его силу.

А жизнь тем временем шла своим ходом. В жизни девочек было много радостного и хорошего. Были мелкие неприятности, но на то она и жизнь. Они оставались все теми же аквамаринками, чистыми и добрыми.

Тринадцатого июля, в год собаки по восточному календарю, была обнаружена страшная болезнь у Олиной сестры.

Марина – старшая сестра Оли. Красивая девочка с русыми короткими волосами, сероголубыми пронзительными глазами и жизнерадостными ямочками на щеках. Марина была такая улыбчивая и энергичная, никто не мог поверить в случившееся.

Девочки помогали Оле, чем могли. Они установили график дежурств между собой: готовили и носили еду Марине в больницу. Потом Марину выписали из больницы домой. Она уже самостоятельно не могла вставать. Девочки приходили помогать. К сестре их Оля не пускала, так как Марине тяжело было разговаривать. Таяла как свеча. На глазах и на руках родных.

В четверг пришел врач, и сказал родным – осталось не больше недели. Когда Марина спросила Олю, что сказал врач. Оля ответила:

«Врач сказал, что все хорошо, и ты пойдешь на поправку». И когда Марина лежала в полузабытьи, Оля сидела рядом, держала ее за руку, и читала ей сказки. А в голове стучало: пятница, суббота, воскресенье, понедельник, ну, пожалуйста, пусть у Марины будет много понедельников и вторников. Аквамаринок очень переживали за Олю и предложили ей собраться в полночь. Оля отказалась – ведь каждый день был на счету. И она не верила больше в капитана. За четыре дня, каждый из которых становился все дороже и дороже, детство исчезло из ее глаз, она не верила больше ни небу, ни людям, особенно врачам.

Аквамаринки собрались в полночь вторника. Они и просто молились, и выискивали капитана в небе. Но больше – плакали всю ночь. Маше даже показалось, что она снова видела капитана с арбалетом. Но глаза были уставшие и опухшие, таким глазам нельзя было доверять, и она ничего не сказала подругам.

Созвездие капитана с арбалетом любила каждая аквамаринка. Оно было для них предчувствием, чудом, надеждой, сплотившей их узами бескорыстной и безоглядной дружбы. У Марины было еще много понедельников и вторников.

Автор: Юлия Лощинная

Люблю тебя одну

У меня два сына, и оба уже задавали мне вопрос: «А что такое любовь? Как узнать, когда она придёт?» Я отвечал всегда, что сердце подскажет, что сам поймёшь, но вот уже вчера внук спрашивает: «Деда, а что такое презерватив? Восемь рублей стоит.» И по телевидению, и в газетах уже всю понятия любовь и секс стали одинаковыми, даже взаимозаменяемыми. Вот чтобы не путали сыновья мои и внук любовь и секс, я и хочу написать свой рассказ, я хочу уйти туда, в детство своё светлое, чтобы вновь почувствовать то, что я пережил тогда впервые. Как получится - не знаю, но как было, так и расскажу.

Купались мы с друзьями на Сакмаре, под ярком, ныряли как поплавки, соревнуясь, когда на яру появились две девочки. Одна соседка моя – Наташа, вторую не знал и не видел никогда. В зелёном, с красными цветами купальнике, беленькая, худенькая, она громко смеялась над чем-то. А я остолбенел в воде и глядел на неё, не моргая. И что-то ударило в груди, там, где сердце, и из воды я выйти не успел, как девочки убежали.

Вечером была игра в семь камней. Прямо у дома её и играли. Оля, так девочку звали, я узнал у соседки, была одета очень

нарядно, не по – нашему: вышитая кофточка, вышитый же по-украински передничек, какие-то ленты цветные. У меня, чем-то ударенным на Сакмаре (тогда – то я не знал - чем), появилось любопытство: кто это и что из себя представляет?

Играют в семь камней две команды, по семь человек. Строится пирамидка из камней, одна команда разбивает эту пирамидку мячом, другая команда не даёт им её собрать опять в пирамидку, выбивая того мячом, кто рискнёт положить камушек в пирамидку. Я всегда и в первую очередь стремился выбить мячом новенькую, да ещё пошибче ударить мячом. А если они нас выбивали, то первым бросался собирать пирамидку, всячески изворачиваясь, чтобы не попасть под её мяч. Оля оказалась не из робкого десятка, быстра, подвижна. Она издевательски громко и весело хохотала, если я промахивался, или если она попадала в меня мячом, что ещё больше раззадоривало меня.

В школе мы оказались в одном, шестом классе. Оля училась хорошо, отличница. Мы сначала усмехались: «Конечно, чего ей отличницей не быть – отец - директор школы, мать – учительница русского языка и литературы, дома подсказыва-

ют ей всё, да и учителя боятся ей плохие отметки ставить.» Со временем поняли, что зря мы так думали. Девочка очень аккуратна во всём: дневник заполнен красивым подчерком, в тетрадках порядок, одета она всегда опрятно и чистенько. Если требуется помощь – подскажет, объяснит всё, на контрольных даже списывать даёт, хотя трудно ей это делать – на первой парте сидит, прямо перед учителем. Пришлось и мне почаще сидеть за учебниками – надо же подтянуться к отличнице. Стал ногти стричь, следить за собой, галстук пионерский гладить. Девочка всё больше и больше подчиняла меня себе, и, что самое интересное, я и не сопротивлялся. Да и не было такого, чтобы она говорила, что бы я сделал то-то и так-то. Само собой всё происходило, внутри меня, Оля и не замечала меня, я тогда был маленьким, щуплым мальчиком, с несуразно большой головой «как у Ленина правый ботинок» - издевались надо мной друзья. Учиться я стал резко лучше, в общем положительным становился, а ей хоть бы хны – ноль без палочки я для неё. Охо-хо, если бы я знал тогда, сколько мне ещё нулём этим быть суждено! Прекратилось бы тогда восхождение моё, но я не знал, и упря-

мым был, слава Богу. Решил внимание обратить на себя озорством, лихо-стью, бесшабашностью, чего мне было не занимать. Вечером пел под гармошку непристойные частушки:

По деревне мы
пройдём

Шухеру наделаем
Кому окна разо-
бьём

Кому робенка сде-
лаем.

Ух-ха ха да ух-ха
ха!

Сады стариков зори-ли, яблоки ещё зелёные рвали. Получил граблями по горбу от деда, когда неудачно повис на заборе, но, сбросив телогрейку, убежал. Слух пошёл – отчаянный, ох отчаянный. С обрыва высоченного вниз головой в Сакмару нырнуть – нате вам, пожалуйста, только смотрите и восхищайтесь героем. А когда один стоял у обрыва этого: «Да чтобы я ещё раз! Да не в жисть! Да куда же это меня черти понесли, шея вон до сих пор болит, аж хрустит там что-то.» Но проходило время, рядом, на том самом обрыве, Она, и я снова прыгал, аж трусы под водой слетали, едва успевал подтянуть.

Как выяснилось намного позже, завоевал я уважение у неё тогда, но и только. А пока – пока приближалось очередное восьмое марта. Дарить Оле подарок (или игрушку какую, или поделку свою), досталось брату моему двоюродному Сашке. Мне, по жребии, дос-

талась другая. Стал думать, как бы мне к Сашке подлизнуться, чтобы объектами поменяться? Я и белочку рыжую уже купил, специально с пацанами в Сакмарск ходили на лыжах. Братан плохо учился – я шефство над ним взял, дома помогал ему уроки делать, списывать давал, даже навоз у коров с ним чистил – ничего не помогает, он упёртый Сашка-то, не соглашается на обмен. Пришлось приоткрыться, приподнять занавес, тогда только и согласился Сашка – поменялись. Он молодец! Никому не растрепал об обмене, и, что самое важное – о занавесе. Его и в живых нет давно, утонул пьяным, и жизнь он прожил бурную, да и не судья я ему, а только одной вот этой маленькой детской уступкой, благородным поступком (понял меня тогда, уступил, да ещё и не разболтал), и вспоминаю его с благодарностью до сих пор.

Пришло время в комсомол нам вступать. На крыльце райкома комсомола то и дело спрашивали друг друга: «Тебя о чём спрашивали?» - Про третий съезд ВЛКСМ, а тебя? – Про план ГОЭЛРО. Но не тем мне запомнилось событие это, не тем. Фотокарточка Олина у меня появилась, маленькая, три на четыре, такие в билеты комсомольские приклеивают. Как уж я её раздобыл – не помню, но хранилась она у меня долго, пока большие она мне дарить не стала, а это уже

после школы было. Кстати, спустя много лет, я у Оли в альбоме увидел свою, такую же. А тогда, через год, на следующее лето сажу на рыбалке, на Сакмаре утречком, рядом транзистор тихонечко поёт:

В кармане маленьком моём

Есть карточка твоя!

Так значит мы всегда вдвоём!

Моя любимая!

Вон оно чего! Вот и выяснилось всё – любимая! Ну а как же! Карточка есть? Есть! Олина? Олина! Со мной? Со мной! И в кармане! Значит – лю-би-мая! Вот оно как! Любимая! Любовью боженька меня ударил тогда, здесь, на Сакмаре! Сердце выпрыгивало от теплоты внутри, от радости открытия, от того, что это происходит, произошло со мной, от того, что всё то чистое и светлое, что бурлило во мне, когда рядом Оля, да и когда не рядом, тоже бурлило – обрело наконец чёткое обозначение – я её люблю.

Не знал я тогда, что любовь бывает и безответная, я был просто твёрдо уверен, что я добьюсь,воюю её сердце. Боженька уже тогда подарил мне и эту радость – я душою почувствовал, не понял, а почувствовал, что он наградил меня, не обделил, величайшим из чувств на земле – любовью.

Про любовь говорят, с умным видом изрекают, что любят за то-то и то-то, имея в виду качества человека (ум, красоту,

честность, и многое другое), даже и про физиологию речь заводят (запахи, строение тела, самцы и самки, и прочее и прочее). Ну какая чушь! Я то теперь знаю - там, на Сакмаре, где физиология? Где качества моральные? Я же в первый раз её увидел только и сразу ударило. Так что нет ни физиологии, ни качеств моральных – есть Бог, есть воля его! И всё! Нет больше ничего! До открытия этого ещё далеко –далеко! Мне ещё долго – долго завоёвывать её придётся, а уж страдать-то, страдать-то сколько – ужас! И ещё ужаснее – её тоже заставлять страдать. Но мы сейчас с удовольствием пострадали бы снова. Видите, как хорошо – я тут же спросил Олю, можно я в этом месте напишу «мы», вместо «я», она кивнула, даже не задумываясь. Закончили мы восемь классов в Гребенях. В среднюю школу два пути: в Сакмарск и в Оренбург. Оля – в Оренбург и я туда же. Жил я на квартире, учился в 22-ой школе. Во дворе нашем, в другой квартире жил мальчишка, Серёжа, позже мой друг, он учился в 51-ой школе: и ближе, и школа считалась лучшей в Оренбурге. Там же училась и Оля. Ну какой же я дурак! В Оренбург, в Оренбург! Номер школы надо было узнать сначала: прямо и спросить у неё про номер. Но с какой стати, я же для неё хоть и уважаемый, но ещё ноль. Надо было - унижаться ещё я буду! Столь-

ко лет прошло с тех пор, и вместе мы большую его часть, а мне так жалко тех потерянных двух лет, что мы не вместе были. Могли даже и за одной партой сидеть – ну а куда бы она делась – земляки ведь, в чужом коллективе. Не случилось! Но мы виделись по выходным, вместе ехали на поезде в понедельник, и даже три остановки на седьмом троллейбусе вместе ехали. Да и Сергей мне регулярно рассказывал о делах в их школе. Но что - рассказывал, не то. Вот вместе бы, да за одной партой!

В десятом классе, на весенних каникулах, умудрился я сломать ногу, как раз первого апреля. Пошёл в обед поить скотину: быка корову, овец. Всех напоил, остался бык-полуторник, его поить – каждый день испытание господне. В нём весу около тонны, ндраву он буйного, любит, когда я за ухом у него почёсываю. А в тот день я закружился, забыл за ухом почесать у него, он и обиделся, поддал ведро рогом, я едва успел отскочить от него, он хвост трубой и сиганул через забор. Одолеl, вражина, забор-то высокий. Устал я за ним гоняться, чтобы назад загнать. И к хитростям прибегал, посыпкой любимой его заманивал и сеном душистым – не идёт зараза, бегают вокруг сарая. Решил я быка перехитрить, наперерез ему через крышу полез. Вот он бежит, я прыгать приготовился на встречу ему. И ещё не до-

летел я до земли, ещё там, на крыше, почувствовал, что хрустнуло что-то в ноге, болью ударило. На сыром снегу сижу, встать пытаюсь, не получается, от боли аж искры из глаз, а бык рядом стоит, смотрит на меня удивлённо-укоризненно: «Ну что? Догнал? Может ещё попробуем?» - Уйди с глаз долой, вражина! – замахиваюсь на него снежком. Девчушка-соседка увидела меня, с быком беседующего, побежала за помощью. Долго помощи не было: не верят дома – шутка – первое апреля сегодня. Только когда Надюша в слёзы ударилась, тогда поверили. В больнице я, двух сторонний перелом левой ноги. В гипс заковали ногу, в палату привезли, хорошо, тепло, ничего не болит. Спать советуют братья по несчастью, предупреждают, что укол отойдёт – будет не до сна. Не послушался, а зря. Ночью, чтобы я уснул, отдохнул от боли, мне собрали со всей палаты снотворное. Мне на ночь дали полтаблетки анальгина всего.

Я возмутился: «Я дома от головной боли пью целую таблетку, иногда и две, а тут от перелома, да ещё от двухстороннего и всего полтаблетки?» - напрасно возмущался, ничего не добавили. Выпил я снотворное, закурил втихаря, хорошо, боль куда-то ушла, и я куда-то провалился. Проснулся я от булькающих звуков воды. Вода лилась мне на голову, грудь, вся

палата была в дыму. Выпала сигарета у меня из рук на матрас ватный и тлела долго, пока сосед мой, до этого не встававший после операции, не схватил графин и с криком пожар, героически потушил вату. Быстренькооткрыли окна, форточки, проветрили всё, пепел смели, запрятали следы бедствия, никто так и не узнал о пожаре. После обеда медсестра сообщила, что девочки ко мне пришли, ждут там в коридоре. «Симпатичненькие!» - подмигнула сестричка мне. Оля пришла! Оля пришла! Я был уверен, что она это внизу там ждёт. Нашли мне костыли быстренько, пижаму, в пожаре пострадавшую заменили, и я бегом вниз, Оля же ждёт! Ну бегом это я по привычке загнул. Боль от страха пожарного хоть и притупилась, но присутствовала, и плёлся я как старая больная кляча. Сердчишко только мое бежало, летело: пришла! Всё-таки пришла! А почему «всё-таки» и сам себе объяснить не мог. Приковылял и застыл в изумлении и робости. В изумлении - от свежести, чистоты, красоты её весенней. И в робости - а что говорить? Как говорить, слово нету? Обнять бы, да как? Хотя бы просто - дотронуться! А она ещё розы мне принесла! Удумала чего! Цветы - мужику - в больницу?! Я же не девушка, куда я их дену? Как мужикам-то объясню, засмеют ведь! А душа бы-

ла в облаках, сердце ушло в пятки - как бы не увидела чего. Это были первые цветы в моей жизни. И вовсе никто меня не засмеял в палате. Напротив, все по очереди, и не один день меняли воду в банке, иногда и по два раза на дню. Больница ремонтировалась, и в одной пустой комнате обнаружил я пианино. Оно покрыто было материей, я убрал её, крышку поднял, пристроился на ящике каком-то, закрыл глаза и ударил по клавишам. Оля была! Я с ней разговаривал! Нечаянно, будто бы, даже дотронулся! Завтра опять придёт, роман-газеты читать принесёт! Минут десять я ликовал с закрытыми глазами. Устало убрал руки с инструмента и услышал сзади... аплодисменты одинокие. Пожилая медсестра хлопала, глаза вытирала: «Это где ж ты так научился?» - Чему? - Ну играть - то. - Да не умею я. С чего вы взяли, я так просто бил по клавишам. - Нет, милоч, так по клавишам не бьют, так играют, Молодец! Почаще бы девочка эта светленькая к тебе приходила, ты бы быстренько поправился. - Я покраснел. Во как! Я ведь действительно не умею играть ни на чём, папа играет на гармошке, а я так только учусь. Оказывается, и на такие чудеса способна любовь!

Целый месяц после больницы проходил, или вернее, проносил я гипс.

Пятнадцатого мая пошёл снимать его в поликлинику. Большущими

блестящими ножницами доктор разрезал гипс, освободил ногу. Батюшки! Какая же она тоненькая да лохматая. Я смело встаю с кушетки сразу на обе ноги. И сразу же падаю назад, на кушетку, так больно вдруг стало, опять искры из глаз. Ничего себе - вылечили! «Ишь ты, быстрый какой! Чуть отвернулся, а он уж убежать норовит. погоди маленько, ещё с месяц на физлечение к нам походишь, парафинчиком ногу твою погреем, физзарядку поделаешь.» - ворчал старый доктор. С негнушимися суставами ноги и с такими не радушными перспективами, освобождённый от выпускных экзаменов, приехал я в Гребени. Оля тоже приехала. Спустился я с насыпи на просёлочную тропинку, полегче чтобы идти, бреду, тихонько, опираясь на палочку. Оля решила почему то характер показать, а может и себя испытать. Идет, покачиваясь по рельсу, а сзади поезд ход набирает, гудит, чтоб путь освободили. А она не освобождает, качается всё, идёт, гудок уже захлёбывается, а ей хоть бы хны. Треснуть бы палкой по одному месту за такие испытания, а как снизу дотянешься? Сердце застучало глухо, забухало тревожно, кинулся было, а она прыг и внизу уже, рядом, весёлая, смеётся, глаза горят каким-то блеском особенным. Машинист кулаком грозит сверху, слова нехорошие кричит. Я про себя тоже кричу: « Тоже мне,

Печорин в юбке нашлась!» А в слух-то - что? Ничего, тихо только вздохнул, чтоб не заметила.

Худенькая, светло-волосая девочка превратилась в стройную, с вьющимися льняными волосами, весёлую, привлекательную, жизнерадостную девушку. Всё, что она носила, платья, юбки, брюки, было со вкусом, подобрано, было уместно и красиво на её стройной фигуре. Заметили тоже, о чём это я речь то повёл? До фигуры уже добрался, а то всё про душу, да про сердце. Ну, а что же, кровь играла, молодые же! Но поцелуи, объятия и всё остальное никогда не были главными. Нечаянным, неуклюжим движением, словом ли боялся обидеть, оскорбить то светлое и чистое, что было внутри. И потому, наверное, запомнившимся ощущением от первого поцелуя у меня остался только стыд и разочарование: «И всё?» Это уже когда во вкус вошли поцелуев и всего остального, тогда на такую высоту чувства взлетели – до сих пор голова кружится, хоть опять за пианино садись. Этим же летом, когда я уже ходил нормально, а Оля сдала экзамены в школе, пригласил я её в кино. В первый раз набрался смелости и пригласил. Мы и раньше ходили в кино, дома, в Гребенях, но толпой всей, не всегда рядом с ней и место мне выпадало. А тут вдвоём в городе, в самом

«Космосе», рядышком, даже дотронуться можно. Потом в кафе «Отдых» пригласил, мороженое поели. Она теперь вспоминает, что только дома поняла, что на свидание я её приглашал, а тогда... да, такой фильм надо обязательно посмотреть, он учит тому – то и тому – то. А мне по барабану кто, кого и чему учит, я и фильм-то не помню, главное – свидание было, она пришла и даже не опоздала! И ещё, она знала теперь, что зря, просто так на свидание не приглашают, что-то значит это. А про меня что говорить, я как в омут холодный бросился и слава тебе Господи – искупался, то есть открылся. Оля даже сейчас удивляется тогдашнему открытию своему: «Я считала, что ты весь такой идейный, всё войнушки у тебя да общественные дела на уме, а тут вдруг раз и свидание.»

Но свидание ничего не значило в судьбе нашей общей, в моей значило – я таиться перестал, а в её – ну сходили в кино, делов-то, но нулём для неё я быть перестал, и то – достижение. Это я к самым тяжким мукам того времени подступаю – к мукам ревности. До того они тяжкие и рубцом легли на моё сердце, что даже сейчас, когда мы уже тридцать пять лет вместе, и за всё это время даже повода она мне не дала ни малейшего, я как вспомню их, завожусь опять. Завожусь, зная теперь, через столько лет, что любить

из - за измен, если бы они даже и были, я бы её не перестал – выше и чище то, что Господь мне дал, наградил меня, послав встречу с ней. Может быть, ушёл бы, обидевшись, но надолго ли – не знаю. Но это я теперь такой умный, а тогда ну прямо умирал по пустякам. Да и если уж честно, не знаю, были бы мы вместе, ослабь я тогда упорный свой натиск, осаду многолетнюю.

Появилась надпись у неё на парте в седьмом классе – Оля + Ваня П. Я обалдел: меня ударило на Сакмаре, а тут Ваня, да другой, как же так, я вроде бы не замечал подлости такой от друга своего? Да ладно бы надпись, она её скрыть старается, не убирает, а как уберёшь, ножичком вырезали, да глубоко по дереву. Сказала бы, да хотя бы и мне, я бы выскоблил, выгрыз бы слова те, а она молчит, только книжками прикрывает. Ага, значит не против, чтобы плюс. Да и Ванька важничать стал, нос задирает, вроде бы и сторониться меня начал, опасность чувствует с моей стороны, боится. А куда от меня денешься – путь домой у нас вместе, всегда втроём ходим из школы. Это в школу я с Олей вдвоём наловчился ходить: высматриваю в окно, когда калитка её открывается, и сам спешу к своим воротам: «О! Привет!», вроде бы случайно. А соперник туповат, не додумался до хитрости такой. Зря он важничал,

перешли в восьмой класс, парты смешали, покрасили, надпись исчезла, Оля на него ноль внимания, всё путём, как говорит мой папа.

Тут другой мой друг Коля знаки внимания начал оказывать. Ему хорошо, Коле – то, у него, у отца его, есть мотоцикл «Иж-Юпитер», он и катает девчат, какая же откажется. Оля тоже не отказывается, но вот беда – больно уж подолгу катаются, уедут и нет их и нет. Когда повзрослели чуть-чуть, я решил и эту проблему: стал выпрашивать у отца своего грузовик, будто бы за травой, ну и естественно, у Оли в семье тоже корова была, мы вместе и ездили. Благодарить, какой уж тут мотоцикл сравнится.

Но это всё мелочи, а вот когда старшие ребята на танцах её стали приглашать, да ещё и до дому провожать, тут уж капец полный. Не буду копаться дальше, трое таких было, да сплыло. Я тоже, назло ей двоих провожал, ну и что же, всё вспоминать теперь?

Поступила Оля в университет, в городе Куйбышев. Я не прошёл по конкурсу в военное училище, всё как у Высоцкого: «Куда мне до неё, она была в Париже!» Работал слесарем на шёлкокомбинате. Узнал адрес, написал письмо, получил ответ, с первой же поездки я был в поезде «Оренбург - Куйбышев». Московское шоссе дом №23 нашёл уже ночью, с

трудом. И была встреча, да только так и скажу и была встреча, та самая, решающая, где и сказал я ей, что жизни без неё мне нет. Потом Оля приехала на каникулы, после первой сессии. Это было уже счастьем! Мы допоздна бродили и по родным Гребеням, целовались у её ворот, всё не могли расстаться, другим вечером вместе сидели в кино, держались за руки, она даже голову мне на плечо прикладывала – мы никого уже не боялись, да и не замечали попросту. Весной и летом я опять ездил в Куйбышев, мы гуляли по Ботаническому саду, сидели на крутом берегу Волги и целовались, и целовались. Летом ходили на рыбалку, когда у меня выходной, а в будние дни гуляли до рассвета. А я же работал, хорошо, хоть учеником пока, на окладе. Спал, спрятавшись от мастера, в кузнечном участке, спал и даже молота не слышал. Наставник у меня был хороший человек, вручал меня, прикрывал. Потому прикрывал, что когда Оля училась, и была далеко, я за те же шестьдесят рублей пахал уже на шефа, он на сделыщине был. На праздник 23 февраля мужики накрыли стол в раздевалке, после работы. Они мужики, им наливают по стакану водки, а мне что делать, я рюмку стараюсь за глоток выпить, если придётся когда, чтобы вкуса гадости этой не ощутить. А тут целый стакан поставили передо мною, и шеф смот-

рит внимательно, даже жевать перестал. Я готовился, готовился, а тару держать нельзя долго, да как жажну стакан в два глотка, у шефа и колбаса из рук выпала: «Вот так ученик! Ёлки маталки!» А уж когда я его до дома довёл, да в руки жены сдал, он меня ещё больше зауважал.

Субботний вечер на корабле. В который раз (больше десятка уже), пока зываю фильм «Командир счастливой шуки». Я выхаживаю по коридору, всё думаю об Оле (письмо получил тревожное, что-то там не важное случилось), а как, чем помочь? С верхней палубы, из рубки дежурного, почти бежит капитан-лейтенант Попов. Дневальному приказывает кого-то вызвать с фильма.

- Что случилось, товарищ капитан-лейтенант? – я интересуюсь.

- Срочная работа на лодке, замена теплообменника и перегрузка фильтров (работа в реакторном отсеке).

- А что же Вы Рогачёва вызываете, он же молод ещё, разве сможет сделать всё это? Давайте я пойду, со своим отделением?

- Нет, ты своё уже отходил, хватит с тебя. Не зря говорил слова эти офицер: на третьем году службы берегли нас офицеры от излишней радиации, которой мы и так уже иногда сверх меры перебирали.

- Я всё сделаю с

ребятами своими, а Вы мне поможете?»- и я всё рассказал капитан-лейтенанту Попову про письмо. Неделью почти сидели (работали, конечно) мы в подводной лодке, спал даже в реакторном отсеке, но всё сделано было в срок. Девятого января 1976 года офицер сам пришёл сообщить, что я могу собираться в дорогу: объявил командир отпуск. Позже уже узнал я, что атомная лодка попала в аварию у берегов Африки: пробил корпус, затопила первый отсек и в таком состоянии сама пришла на базу. Срочно вернуть лодку на боевое дежурство – это и было главной задачей, в которой мне со своими ребятами пришлось поучаствовать. Отпуск объявили ещё одному матросу, всем остальным из моего отделения присвоили очередные воинские звания и объявили благодарности командира. Отпуск ещё и потому так важен был для меня, что позволял, хотя и с опозданием, но сдержать слово, данное любимой девушке; я так был уверен в поступлении в военное училище, что обещал Оле встречу через полгода: хотел заехать по пути в Ростов - на - Дону. Тогда, осенью, мы целовались на школьном крыльце, строили планы на будущее. Оля уже училась на втором курсе университета в городе Куйбышеве, а я мечтал попасть служить куда –нибудь на Запад, поближе к Куйбышеву, да и к Ростову тоже. Но судьба

распорядилась по своему, и оказался я на самом Дальнем, дальше некуда, Востоке, в посёлке Рыбачьем, где была база второй Камчатской флотилии атомных подводных лодок, на корабле обеспечения, плавучей мастерской, и заниматься пришлось межпоходовым ремонтом атомных лодок. С корабля не было даже увольнительных, некуда ходить в Рыбачьем: десяток пятиэтажек, базовый дом культуры, да сопки, сопки кругом и вода, пирсы с пришвартовавшимися лодками, катерами ракетными и другими кораблями. Железо кругом! Хоть отбавляй!..... Ещё и в училище выехать не смог, не прошёл медкомиссию, хотя до этого четыре раза проходил. Слишком велики расходы посчитали местные бюрократы в погонах.

Всю дверцу моего рундука (шкафчика для одежды) украшали фотографии Оли. Во время одного из смотров командир, увидев их, изумлённо сделал мне замечание:

-Сколько их у тебя много! Надо бы убрать! Ты посмотри, и все пишут, вон писем какая стопка огромная.

- Это всё одна, товарищ капитан 1- ого ранга.

- Как одна? Да, верно, в разное время только снята. Ну что же, тогда оставь, пусть висят.

Добрый и строгим был командир корабля, капитан 1-го ранга Гамов,

участник войны, добровольцем, в 17 лет попал он на фронт, знал и понимал пожилой офицер, что значат эти фотографии и письма для матроса.

Читателю может показаться, что дорога любви нашей была ровная да гладкая. Нет, не была. Ещё до призыва с поезда я выпрыгивал, когда, после ссоры очередной, собрался уезжать из Куйбышева. Увидел её из тамбура уже, стоит она какая-то потерянная, заплаканная и молчит, сказать ничего не может, только идёт, бежит за поездом уходящим – ну как уедешь? Я и не смог, выпрыгнул из тамбура. А в отпуске, в феврале, опять поругались, и я досрочно, раньше на день, улетел в Хабаровск. Разбирались долго, я один всё что-то говорил, а она опять молчала. К самолёту меня одного везли, по трапу иду, а чемодан мой выносят из самолёта, еле уговорил назад вернуть. Из самолёта-то не выпрыгнешь, но я уже из Хабаровска хотел назад, в Куйбышев, улететь. Ладно, друзья отговорили, а то бы первый же патруль отправил меня на «губу» - отпуск закончился. Первая открытка пришла аж к майским праздникам, до этого даже не писали друг другу. В открытке было всего два слова: «Люблю и жду!» Я понял тогда, что прощён. Открытку храню до сих пор. А письма её все утопил в море, перед самым дембелем и утопил: за три долгих года в них много чего нако-

пилося, неверие, что мы выдержим всё, тоже было. Вот я и не хотел тащить неверие это домой, на встречу нашу, чтобы не омрачать её, такую долгожданную.

Четвёртого ноября мы встретились, а двадцать первого января была свадьба наша. Иван Алексеевич, отец Оли, убеждённый коммунист, не стал возражать против свадьбы в день смерти Ленина: «Ничего страшного, Ильич бы только рад был.» А мы так пострадали от долгой разлуки, что больше жить рядом, но не вместе, уже не могли. Я вернулся с флота осенью, а уже весной мог получить однокомнатную квартиру в Степном, от комбината шёлковых тканей, на котором я полтора года работал. Даже дом показали, наставник мой, Владимир Яковлевич Чуркин, показал, после того, как восстановил справедливость – в очереди на жильё стал я первым. Ещё до свадьбы нашей мой будущий тесть советовал опять устроиться на работу на комбинате, получить квартиру, а потом учиться. Я уже к тому времени знал себя, если не сделаю что-то сразу, потом не сделаю никогда. Сразу после службы стал учиться на рабфаке сельхозинститута (теперь ОГАУ), и квартира уплыла. По-другому мы с Олей решили этот вопрос: на те деньги, что нам подарили на свадьбу, купили комнату в доме на четырёх хозяев, с отдельным вхо-

дом и даже с клочком земли. Мы на нём помидоры летом выращивали, а зимой заливали его водой и играли в мини хоккей с маленьким нашим сыном.

- Какой у меня сын! Мне всегда кажется, что он лучше всех, умнее и красивее. Оля моя! Я век свой обязан тебе за него, ведь только ты могла родить такого парня! Когда нет рядом тебя, я смотрю на Алёшу, и радостно, радостно на сердце становится от того, что он ТВОЙ и МОЙ сын!- это строчки моего письма в Саратов, где Оля заканчивала университет. Кстати, я и туда летал, когда уже сил не было дожидаться её. Саратов – не Петропавловск-Камчатский, да и я вольный человек, захотел увидеть – и полетел. Красота!

Я уже говорил о преимуществе своём, вот и сейчас я спрашиваю свою Ольгуню:

-Как же мы устояли три года? Ладно, я. Мне-то что, среди сопок, железа и воды увидеть женщину – уже событие, а ты? Тебя окружали сотни парней в университете, неужели никто клинья не подбивал?

- Да как же, всё было! Но меня берегли сокурсницы, да и парни знали, письма-то на виду лежали, на вахте, что пишет мне все три года из далёкой Камчатки матросик, уважали тогда чужую любовь. А я? Я письма тебе писала, твои караулила, спать в твоей тельняшке, которую ты мне прислал,

ложились, ждала тебя, молилась, чтобы приснился.

Письма мои все целые, Оля их сберегла, и каждое из них - с комментариями её тогдашними, которые я сейчас с удовольствием перечитываю.

Что увидеть женщину – событие, это точно. Прибыл к нам на корабль молодой лейтенант после училища, с женой прибыл. Жить молодым негде и жила некоторое время жена лейтенанта Кутырева на корабле. Командир даже объявление делал несколько раз по громкой связи: «Товарищи матросы и старшины! На борту женщины, прошу не выражаться! Поймаю кого – «губа.»»

Алёша родился 23 октября 1977 года. Накануне, вечером, я вызвал скорую, и Олю увезли в больницу. В роддом на улицу 8-е марта её увезли. Я позвонил в деревню, приехала утром мама Оли, Людмила Ивановна, позже, я тоже считал её своей мамой. Пришли утром 23-его в роддом, мама-то наша опытный человек, посмотрела на листочек, повешенный на доске и говорит: «Поздравляю тебя с сыном! Вес 4кг. 200 гр., рост 55см. » - и приобняла меня. Я стою, как дурак: «С каким сыном? Так быстро всё? » И буря чувств: я теперь отец? Я теперь отвечаю за жизнь какого-то неведомого мне человечка? » Первый курс мехфака дружно откликнулся на рождение Алёши: они скинулись и ку-

пили нам коляску детскую – мой сын был первенцом не только у нас, но и на курсе. Потом всё было как положено: встреча у порога роддома, такси, хотя идти было метров шестьсот, торт, сухое вино. И вот ушли все. Мы сидим с Олей и смотрим на маленький комочек, шевелящийся в кроватке. Он крихтит, плакать намеревается. И мы растерялись, когда развернули пелёнки: что делать-то, как взять на руки это хрупкое создание? Я решительность показал: свернул все пелёнки, одеялки, Олю заставил одеваться и поехали мы на поезде к моей маме, Клавдии Тимофеевне. Приехали, мама воды накипятила, ванну приготовила новорождённому, положили его туда и Алёша наш затих, ему явно нравилась эта процедура. Потом он пару раз взбрыкнул ногой, обдал нас всех брызгами, пососал грудь и удовлетворенный, крепко уснул. Алёшей мы его назвали в честь того, помните: «Алексей – Алёшенька сынок! Словно сын её услышать мог.» – пела тогда София Михайловна Ротару.

Человек я консервативный, и потому долго не мог называть родителей Оли папой и мамой. Так и звал долго, года два, по имени отчеству – Людмила Ивановна и Иван Алексеевич. Да ещё и то помнил, что они учителями моими были в школе, а учителей в деревне тогда уважали, а тут вдруг раз и папа и мама. Но со

временем всё пришло само собой, и я сам того не заметив, стал их мамой и папой называть: таких умных и тактичных людей мало на белом свете. Все про тещу анекдоты рассказывают, ругают их, а мне и тут повезло, повезло, что у меня появилась вторая мама, ставшая мне родным человеком. Протестя и говорить нечего, с ним мы быстрее общий язык нашли. После очередной баньки в субботу, напарившись, садились за стол с ним, он всё время говорил, что Суворов рекомендовал портки продать, но после баньки стограмм принять, вот мы и садились для этого. Мама борщ ароматный ставит нам, выпиваем, папа крикает, хрумкает огурцом, я уплетаю борщ. «Ой, Ваня, лук-то я пережарила! Да и свёклы много положила.» Зачем она всегда так говорила, до сих пор не пойму, всё всегда было вкусно, сытно. Забота видно такая была – угодить, но она не из угодливых была? Уехать от них в понедельник сложно: автобус как всегда не вмещал всех желающих, потому – давки, ругань при посадке. Папа вставал пораньше и занимал нам места: он был директором школы, и уважали его в селе, потому и места ему доставались всегда. Алёша даже в ясли пошёл в их селе, когда Оля уехала на очередную сессию в Саратов. Сколько жить буду столько и помнить их доброту и заботу о нас, ещё и сыновьям накажу, потому что всё

кажется мне, что не успел я при жизни сполна отблагодарить их за всё.

Вот на этом месте я надолго задумался. Сельский период жизни пришёл, окончил я институт, Оля – университет, и мне надо было ехать в деревню – работать по специальности. Задумался вот почему. Описывать всю деревенскую жизнь? Это, наверное, скучно и неинтересно. Думал я неделю или две, и вот что решил: я расскажу только об открытиях своих, о том, как я глубже и всё больше узнавал Олю, и всё больше и больше любил её. Нет, любить всё больше и больше нельзя, тут – или – или. Восхищение стало появляться, от узнавания, познания Человека. Не умею я, как великий наш Лев Николаевич Толстой, описать обделанную пелёнку Димы, которую она показывала бы всем с восхищением, как Наташа Ростова, не умею. Да и Оля не показывала никогда (считаем мы, что делать это – показывать с восхищением всем, не нужно – не всем ведь понравится, поймут не все), но дети всегда были ухожены, вовремя накормлены, уроки у них всегда вовремя сделаны. В доме всегда чисто и уютно, огород наш, а это лицо хозяйки в деревне, всегда приводил в восхищение всех, кто его видел. Я всегда чисто и аккуратно одет, хотя при инженерной профессии это, иногда, выходило мне боком. Приезжает как-то первый секре-

тарь райкома со свитой проверять готовность к уборочным работам. Свита шествует вдоль комбайнов, секретарь недоволен: стоят на линейке, а комбайнёры ремонтируют, а не стоят по стойке смирно перед комбайнами. Начал ко мне придирается, один угодник из свиты поддакивает: «Да где же комбайнам-то быть готовыми – инженер в чистенькой рубашке и брюки со стрелочками.» Откуда же им было знать, что я полчаса назад бегал домой переодеваться: облило меня маслом дизельным из прибора (шланг лопнул), когда искали поломку в тракторе. Председатель видит, что я завожусь, что в котле закипает, кулачок мне показывает тайком: «Молчи! Ради Бога! Молчи!» Но я угоднику ответил, не сдержался: «Да и Вы, Василий Лаврентьевич, не шибко грязный!» Он не раз потом напоминал мне об этом, не мстил, правда, но и не забывал, когда сам стал большим начальником. Оля моя, умница: «Да ладно! Успокойся! Живи дальше, ты же не для них одеваешься, иначе – что о жене твоей подумают?» Поставили Олю заведовать садиком детским, и родители диву давались, узнавая, какими умными становились их дети. Председатель колхоза на себе испытал упорный характер Ольги Ивановны, и садик колхозный отремонтировали, клумбы цветов, затейливые фигурки сказочные украшали

дворик садика. Пошёл Алёша наш в школу, мама вместе с ним стала учительницей. Предложили ей стать директором школы, но её родители, сами учителя, а папа ещё и директор школы в другом селе, отговорили её от такого назначения: Оля всё делает на совесть, не отступит, пока не будет результата, и мы все побоялись, что слишком уж тяжела будет нагрузка такая.

В те годы, да и сейчас, приходилось часто встречаться с коллегами: инженерами, председателями колхозов, директорами заводов, в общем – с начальством. Многие, да большинство, назначали встречи вне дома: на природе, в кафе, в гараже, а когда уже совсем быстро надо, то и прямо в машине выпьем по рюмке чая, проблему решим и всё путём. Отговорки всегда разные «да без баб лучше, мешать только будут» и ещё всякую ерунду несли – не осуждаю я никого, берегли они своих женщин, или боялись, не мне судить, но два, три случая подсказали мне, что всё-таки боялись.

Когда встречи случались на моей территории, я всегда всех приглашал в дом. «А баба твоя не выгонит?» Я просил гостя выбирать слова, говорил, что у меня жена – женщина, а не баба! И ещё говорил, что не всегда уместно опускаться до базарной брани людям с высшим образованием.

Никогда и никого

Оля не выгоняла. Самым быстрым и надёжным блюдом в семье нашей были и есть пельмени, в холодильнике всегда свежие. Оля не хотела показаться доброй, она всегда добрая, она не показывала, будто бы ей человек интересен, он ей на самом деле интересен, она не показывала радость, она рада гостю искренне. Чувствуя заботу настоящую, теплоту настоящую, гости мои на следующий раз ехали прямо к дому нашему: «Хоть с Олей поздороваюсь!» А если я у них бывал – всегда не забывали приветы, иногда и подарки ей передавать. Отец мой, Фёдор Иванович, любил сноху: «Хороша сноха досталась! Экономна, всех обслужит!»

Совсем своим человеком среди моих друзей мужчин Оля стала после курьёзного случая. После встречи однокурсников на берегу Урала, на другое утро, заехала компания ко мне. Чайку крепкого попили, здоровье поправили, стали разъезжаться. «Миша! Возьми носки вот эти, смени свои.» Миша, известный бабник среди нас, смотрит на свои ноги и только и нашёлся: «Да как же это я так?» Носки разные, один даже цветной, женский. «Да ладно, ладно, не смущайся, я же не жена, Надя бы тебя точно прибила» Всё это естественно между ними двоими происходило, но Миша сам всем рассказывал, приговаривая: «Вот это женщина, наш человек! Своих не

продаст!»

«Неужели за все годы на других женщин ни разу не посмотрел?» - спрашивают друзья мои. Смотрел, почему же, я же не каменный совсем, да и других, красивых женщин в России ох как много. Пытался пару раз даже поухаживать, как сейчас говорят «чисто» из-за любопытства. Ничего у меня не получалось – не мог я перешагнуть какую-то внутреннюю черту, за которой жизнь моя, наша жизнь, была бы уже не моей и не нашей. Давно это было. Нам многое пришлось пережить вместе; и нападение бандитов на наш дом, и беды уже взрослых сыновей, и серьёзные болезни друг друга, нет уже и родителей наших, но за все эти долгие годы мы стали одним це-

лым, нам не нужно тратить лишних слов, чтобы что-то объяснить друг другу, достаточно посмотреть в глаза, подержаться за руки и без слов нам всё понятно. Течёт жизнь, последнее время прямо бежит, и я об одном только буду молить Господа, когда придёт срок, чтобы забрал меня раньше её, чтобы она мне глаза закрыла. Я без неё не проживу и дня.

Проверено: как ударило тогда, на Сакмаре, так вот с того времени и не жил я без неё ни часу, а это уже почти полвека. Прочитает человек строчки эти и подумает: «Вот эгоист какой! Только о себе и думает.» Нет, не эгоист, и у суждений таких есть ещё одна причина – она лучше меня детям, внукам поможет, с

ней светлее и добрее, надёжнее мир для них будет, дай Бог, чтобы подольше!

С радостью и какой-то неудовлетворённостью заканчиваю я рассказ свой; с радостью оттого, что побывал там, далеко-далеко теперь уже, и с неудовлетворённостью оттого, что слов светлых и высоких не нашёл, чтобы люди поверили, что жива ещё Любовь на свете. Ну что же? Как сумел, так и написал, я об этом предупредил в самом начале. А сейчас я беру трубку телефонную, чтобы позвонить ей и сообщить, что закончил рассказ. Сердце моё то замирает, то бухает, как колокол - я сейчас опять услышу её!

Автор: Горюнов
Иван

Предлог по усмотрению

Самолет приземлился. Калининград встретил нас прекрасным сентябрьским полуденным солнцем и полным штилем. Я впервые ступила на землю бывшей Восточной Пруссии.

Через два часа мы вышли на набережную Верхнего озера, и нас накрыло одновременно, мы с мужем влюбились в это место.

Через два месяца мы приехали сюда жить

навсегда.

Узнавание этого края было увлекательным, приятным, но иногда болезненным. Диссонанс вносили современная топонимика и архитектура. Старые постройки, сады, форты, парки вызывали безусловное почтение и уважение как престарелые родственники. Они так же хрупки перед новшествами нашего мира.

Для открытия мира Восточной Пруссии поя-

вился странный стимул. Я, считавшая себя всегда трезвомыслящим и скептически настроенным человеком, вдруг начала видеть особенные сны.

Почти полвека я прожила в центральной России, много, где побывала. Все мои предки родились, прожили жизнь и умерли там же. Только один дедушка, по известным причинам, дошагал до Праги в 1945-ми, будучи победителем, пронес

горечь и боль до конца жизни.

Второй дед дойти не сумел.

Сны шли ко мне безо всякого повода, и без запросов «хорошо бы приснилось...», совсем нерегулярно, каждый раз изумляя и потрясая. Это сгустки эмоций, очень концентрированных, выразительных и неповторимых. Это краеугольные моменты, с высокой степенью проникновения в мое сознание: не могу забыть ни запахов, ни тактильных ощущений, ни сердечных ритмов. Это - этапы жизни, не моей.

Каждый сон – толчок к идентификации, поиск.

Ситуации во сне накладывались на реалии, места становились узнаваемыми и объемными, картина динамичной во времени. Только люди оставались людьми.

Описываю сны в той последовательности, в которой они приходили ко мне.

Яблоки

Прекрасный полдень завершающегося лета. Сады благоухают ароматом созревших яблок, деревья клонят к самой земле обильные ветви, во всем разливается уверенность и удовольствие: урожай, достаток, благополучие...

Иду домой по брусчатой дороге, на мне легкое платье из простой темной ткани с белым кружевным воротником и парусиновые светлые туфли совсем без каблука.

Побежала бы вприпрыжку от удовольствия, но я - взрослая дама. Вокруг все знакомое и родное – охристые черепичные крыши соседских домов, аккуратные живые изгороди, из-за которых со мной здороваются давно знакомые и добросердечные люди, я отвечаю кому кивком, кому добрым словом. У нас общая радость – урожай. Улыбка не сходит с моего лица. Я ее чувствую и не могу перестать улыбаться. Подхожу к своему крыльцу, оно одно такое в штатной застройке маленькой улицы – высокое и белое. Напротив калитки стоит новенький автомобиль – удивительно элегантный серый «Мерседес-Бенц». Прежде, чем зайти в дом, перебрасываюсь с соседкой через дорогу ничего не значащими и такими важными в этот миг словами: «Тоже сейчас на лестницу-стремянку залезу, главное только, чтобы банок хватило, СТОЛЬКО ЯБЛОК!» И мы смеемся, смеемся...

Просыпаюсь от смеха.

Понимаю, только что я четко и громко разговаривала на немецком, которого совершенно не знаю, как, впрочем, не знаю и кто я в этом сне.

Знаю точно – улица, на которой я живу сейчас, в реальном мире, и дом с белым крыльцом, стоял на месте того, в котором у нас квартира.

Рассказала близким, посмеялись. Но ощущение реальности сна еще долго не проходило. Тем

более, что яблоня из сна все еще растет во дворе и даже плодоносит удивительными яблоками, вкус которых просто создан для штруделя...

Попробовали поискать старые карты, обнаружилось множество сведений и архивных данных. К сожалению, точной планировки места пересечения существующих улиц не прорисовано, хотя близкая по очертаниям уличная сеть есть на карте 1931 года. А какие сочные названия! Смысл переименования многих непонятен. Зачем улицу Гоффмана, например, надо было переименовывать в Озерную, там и озер не бывало никогда, нет и вряд ли появится...

Яблони и ныне цветут и плодоносят на нашей улице, только на вопрос о сортах, владельцы садов отвечают: «Мы определенно знаем два сорта – белые и красные!».

Сумерки

Поздняя осень или предзимье, влажно, моросит дождичек или уже мокрый меленький снежок, пахнет сырыми стволами, землей, полуразложившимися листьями. Холода не чувствую, все мои нервные рецепторы напоминают кроличьи или другого маленького зверька, стремящегося быстренько прошмыгнуть в свою норку.

Я почти бегу через парк, это парк Макса Ашманна. Деревья молодые еще, дорожки гравийные, а кое-где краснокирпич-

ные. Еще совсем недавно я здесь каталась на велосипеде с друзьями и рисовала. Я пересекаю парк с северо-запада на юго-восток, от ферм, что за городом, бегу домой, очень спешу. Уже начинается смеркаться, а в это время темнеет очень быстро. В парке я ничего не боюсь, я знаю здесь каждую травинку, не то, что куст или уж, тем более, дорожку. Это мой парк. Вот сейчас - горбатый мостик через канавку, он прекрасен, изящен, с коваными перильцами. Не, перильца тоже не устояли перед этим временем. Какие-то две тени уже отвинчиваются вторые, и тихо растворяются в сумерках.

Я осматриваю себя, не привлекаю ли ненужного внимания? Вряд ли. Ужасного грязно-серого цвета короткое полупальто и бесформенные башмаки, не сапожки и не ботинки...

На груди я несу сверток, и он привлекателен! Он пахнет копченым мясом и свежее испеченным ржаным хлебом. Он очень «громко» пахнет, хотя небольшой, и запакован в бумагу, а поверх еще и в тряпку.

Я БОЮСЬ...

Пробегаю Главной аллеей к самой развилке на Парковую и слышу женский голос: «Подождите! Помогите мне!».

Останавливаюсь, мой страх зашкаливает. Начинает дергаться жилка над глазом. Женщина приближается со стороны

Квендау, ей тяжело идти, в руках у нее необъятные узлы, а в подмышке еще и ваза.

- Подскажите, как к кинотеатру пройти?

Кинотеатр рядом с трамвайной остановкой, скоро комендантский час, а темнота опуститься еще раньше. Я показываю ей жестами, что идти прямо, никуда не сворачивая, до трамвайных путей. Она спрашивает - «А чего не разговариваешь? Немая?» Я многократно киваю, я ВРУ. Я все понимаю, что она говорит, и могу объяснить, но только по-немецки, а она говорит по-русски...

А еще я боюсь, что она услышит запах моего свертка.

-Вот ведь, что война сделала, проклятая! - ее следующая реплика.

А потом происходит невозможное и абсурдное, с моей точки зрения.

Она достает вазу и протягивает мне.

- Ну... ты мне помогла, на! Заработала. Продашь!

Я механически беру вазу, жду, пока она отойдет на невидимое в сумерках расстояние, и ставлю прямо на землю у перекрестка.

Я не могу ее взять.

Я знаю эту вазу, ее владельцев, и что с ними стало...

Сворачиваю в свою улицу, вот он - мой дом, мое высокое белое крыльцо. Во дворе домов по другую сторону улицы - мои соседи, все стараются

быть незаметными, беззвучно кивают и отворачиваются, и растворяются в сумерках. Нам взаимно неудобно и неуютно в наших дворах и на улице.

Но это все пустяки, потому что я почти дошла. Меня ждет мой самый любимый человек в доме с белым крыльцом. Открывается дверь, и я погружаюсь в запах родного дома...

Просыпаюсь от дикого липкого страха, слезы душишат, дыхание перехватывает, я плачу навзрыд, рыдаю. Кошка смотрит на меня жалостливо и лижет руку. Господи, как же такое пережить!?

Это уже слишком. Ладно еще, сон про яблоки, а переживать настоящий ужас...

Прошло уже больше года с того первого сна, а все сразу связалось, и стало понятно, что это тоже из ЕЕ жизни. Хотя до сих пор даже не знаю, кто я в этих снах? Да и вообще, это просто совпадение...

Не могу не рассказать сон близким, им тоже не смешно.

Такое не может быть смешным.

Боже, какие драмы и трагедии помнят эти деревья, камни, земля!

Помнят и рассказывают?

Всем?

Илзе

Я радуюсь тишине.

В доме тихо.

На улице тихо.

Не слышно ухающих взрывов, бегущих людей и тому подобно-

го... Я помню и почти постоянно думаю, что вот сейчас...

Покоя нет.

Есть необходимость очень сильно сосредоточиться и сделать важную работу.

Стою посреди не то кладовки, не то чулана, весь пол заставлен ящиками, коробками, еще какой-то «тарой». Один за другим беру в руки предметы, составляющие мою жизнь, имеющие каждый свой характер, историю, ценность. Столовое серебро, моя гордость и достоинство, требует заворачивания сначала в белую, на четверть с уголков кружевную, салфетку, затем в упаковочную бумагу. В фанерный ящик укладываются заварной чайник, кофейник, молочник, сахарница, затем сразу всей компанией ножи с тяжелыми, приятными на ощупь, всегда, кроме сегодняшнего дня, обнадеживающими ручками. Вилки и столовые ложки следуют за ними. Я опасаясь за их судьбу, но не очень.

Потом в руки попадает уже заранее приготовленный сверточек, особенный, самый сокровенный. Его надо уложить как следует. Я задумываюсь, куда бы надежнее его убрать, спрятать.

В этот самый момент меня окликают из-за двери женщина, я успеваю заметить у нее только темные сатиновые нарукавники:

- Илзе!

Просыпаюсь с неразрешенной проблемой

маленького сверточка. И вдруг меня пронзает – ВО СНАХ Я – Илзе! Или Эльза?

Я даже ни разу не слышала в реальной жизни такого имени.

Странность снов начинает беспокоить.

Муж гуглит и «Илзе» и «Эльза». Оказывается – это, практически, одно и то же имя, самое распространенное в 30-40 годах прошлого века в странах Балтии и Восточной Пруссии.

И что же хочет мне сказать или передать Илзе, которая жила здесь до и во время войны? Молодая влюбленная женщина, определенно брюнетка, работала в парке, дружила с соседями. Строила свое будущее и надеялась на лучшее. Что с ней произошло?

Пытаемся найти хоть какие-то архивные данные, подключается дочь, присылает скрин-шот странички, где найдены три Илзе, жившие в Кенигсберге с 1940 по 1945, НИ ОДНА по возрасту не подходит...

Но это ведь не все. У нее могло быть второе имя, так бывает.

И архивные данные только те, что доступны, есть же наверняка и нераскрытые, и не востребованные никем, лежащие в надежных немецких архивах.

Есть надежда!

И не одна она здесь жила, ведь у нее был возлюбленный, возможно муж.

И та женщина, ко-

торая ее позвала. В таком доме, который видится во снах, вряд ли жила одинокая молодая женщина.

Это почти азарт.

А вдруг больше ничего не приснится?

Фридрих

Упоительно пахнет цветами, вся округа кипит цветущими вишнями, сливами, алычей и уже яблонами. Удивительное освещение чуть вечеряющего весеннего неба. Красные крыши невысоких домиков утопают в бело-розовой пене цветущих бескрайних садов. Городсад достойно встречает очередную весну.

Мы стоим на высоком крыльце, только что вышли к друзьям, они разделяют нашу радость, наш праздник. Столы стоят прямо во дворе, под яблоней. Наши гости шумят, громко смеются, замечают нас, и, сговорившись, хором кричат что-то, а я разбираю только «Фриц! Фридрих!» Скользящее «р», родное и близкое.

Мой возлюбленный – герой дня в новехонькой «с иголки» военной форме и просто зеркальных сапогах. Безусловно хорош, и серое с черным ему определенно к лицу.

Я трогаю сукно и блестящие пуговицы, и знаки отличия на отложном воротнике, а другая моя рука в его руке. Я думаю: «хорошо, что серый, а не черный, а то было бы очень мрачно».

Шелковый шарф щекочет мне щеку и шею, но я не поправляю его, не

хочу вынимать руку из его руки... Голова кружиться от весеннего воздуха, надежды, ожидания прекрасного уверенного завтра.

Поверх всего этого сумасбродства и веселья как благословение — колокольный звон, разносится из кирхи Квендау. Вот и шпиль чуть-чуть виден с нашего крыльца.

Просыпаюсь на самой высокой точке счастья, на самом гребне хрустальной счастливой волны, улыбка во все лицо.

А потом меня накрывает: возлюбленный то — солдат Вермахта, и, ЗНАЧИТ, скоро ВОЙНА...

Себя я ни разу не видела во сне, только руки, волосы, одежду и обувь, так сам себя видит человек, а вот возлюбленный — это мой настоящий муж, только в молодости, тридцать лет назад, и очень блондин....

С друзьями совсем интересная история. В жизни такой дружбы, единомыслия, общности ожиданий и вообще душевного расположения ни с кем не удалось пережить.

Может, это все-таки шутки подсознания?..

Брат

Осенний солнечный день, Альтштадт, иду по направлению к реке. Чувствуется запах воды, рыбы, еще какие-то портовые запахи. Я не вижу его, но знаю, что за домами — Королевский замок. Мой путь лежит на остановку общественного транспорта ближе к гол-

ландскому кварталу.

Я одета по последней моде: коричневый шерстяной костюм, пиджак с огромными ватными подплечиками. Ощущение такое, что плечи стали шире в полтора раза, на голове малюсенькая шляпка, которая крепится непосредственно к волосам огромной булавкой, волосы убраны в тугую прическу. В одной руке — дамский ридикюль с мелочами, в другой — кожаная большеформатная папка. В ней моя гордость, итог многомесячной работы, «моё всё». У меня отличное настроение, официальный день вполне удался. Сегодня я получила полное одобрение моего портфолио, эскизы не просто одобрены — они взяты за основу для разбивки цветников и парковых посадок, есть несколько проектов маленьких скверов в условиях плотной жилой застройки. Я сегодня победитель!

День уже клонится к вечеру, люди начинают собираться со службы домой, на улицах становитсялюдно.

Навстречу мне идет юноша пятнадцати — шестнадцати лет, светлые волосы, удивительно мягкие серые глаза. Опрятная форменная куртка то ли с молоточками, то лис ключиками в углах воротника, очень ему к лицу. Он начинает разговор задолго до приближения ко мне, и как будто продолжает давно начатый спор со всем миром.

Мы, наконец,

встречаемся, я улыбаюсь ему в ответ. Это мой младший брат Дитц. Я смотрю в его чистое и задорное лицо, я вглядываюсь, ловлю себя на стремлении запомнить каждую черточку, выражение. А он все продолжает настаивать на своей правоте.

Мы не спорим, нам хорошо вместе, я ведь тоже разделяю его стремление быть полезным и рационально относиться к жизни. Мы оба БОИМСЯ НЕ УСПЕТЬ сделать все, на что способны уже сейчас...

Что-то внезапно меняется, еще нет ни звука, ни движения, только состояние воздуха. Люди бегут к стенам домов, криков нет, только выражения глаз!

Я не сразу отрываюсь от лица Дитца, задерживаюсь на месте. И вдруг что-то чиркает по стене дома, что напротив, гул двигателя самолета, крики. Я как в ступоре, за воротник костюма попадают мелкие кусочки штукатурки.

От неожиданности я роняю сумочку, а папку прижимаю плотнее к себе, пытаюсь свободной рукой обхватить и защитить брата, но он выскальзывает. Он поднимает мой ненужно модный ридикюль.

Когда он вновь смотрит на меня — это совсем другой человек, другой — стальной — взгляд, жесткий рот, который демонстрирует его убежденность. Он больше ничего нам, его родным, доказывать не станет, все реше-

но...

Подходит пожилая женщина в тирольской шляпке с трепещущим перышком, а глаза спокойные и сочувствующие, я ее не знаю, но мы теперь все «в одной лодке». Она успокаивающе поглаживает меня по плечу, ободрятельно говорит, что общественный транспорт все равно ходит, и надо добираться домой.

Я держу брата за руку, мне надо довести его в Марауненхоф во что бы то ни стало, и понимаю, что у него абсолютно зеркальная мысль – довести домой меня, целой и невредимой.

Подходит наш трамвай, мы взбираемся внутрь...

Просыпаюсь от того, что левой рукой пытаюсь залезть за ворот пижамы, а правую прижимаю плотно ДО БОЛИ к груди. Я ВСЕ ЕЩЕ БЕРЕГУ портфолио.

Что это было?

Как всегда, осмысление занимает больше времени, чем сам сон. Мы пережили налет, физически не пострадали, и даже не видели никого из пострадавших. Какой это

год?

Это первый налет, или уже были?

Дитрих, безусловно, решил идти на фронт, а, вернее, фронт пришел к нему.

И тут, кажется, я начинаю понимать, ПОЧЕМУ... прозреть.

Вопрос, который меня мучает, начинает проясняться.

Душа своя, не чужая.

Душа не своя, чужая.

Предлог - по усмотрению.

Как выбрать, как помочь?

Как успокоить и успокоиться?

Не могу назвать себя верующим человеком, но и атеистом никогда не была. Сугубо материалистический Закон сохранения энергии не может не распространяться на эмоции, поскольку ни в чем больше человеческой энергии не сконцентрировано. Есть какая-то среда, особая аура, в которой безо всяких секретных ключей можно получить доступ, если захотеть.

Не отпускает чувство ответственности и

вины, а еще незнания выхода.

И совсем нет виноватых и виновных. Есть только пострадавшие, пережившие...

Да, ведь еще есть и выжившие, но НЕ ПЕРЕЖИВШИЕ, а до сих пор переживающие...

А еще есть неуспокоенные души... неуспокоенные души...

Одна из них – Илзе. Она стучится ко мне, прямо в душу, она проникает в нее, вместе со своей болью, с воспоминаниями радости, счастья, благополучия, достижений, промахов, неудач.

Из моих глаз льются ее слезы, ее улыбкой озаряется мое лицо.

В парке я своими ладонями трогаю листья посаженных ею деревьев, вдыхаю аромат ее цветов, трав, и чувствую вкус посаженных ею яблок и слив. В реальной жизни.

Потому что деревья живут дольше людей, и даже дольше их воспоминаний и воспоминаний о них.

Автор: Мария Пухова

Жизнь-маскарад

Кажется, этот день никогда не закончится, думал я, мучительно стараясь досидеть последние часы рабочего дня в душном офисе в пятницу. За окном не прекращая, уже 4 часа подряд лил дождь,

а я без машины, да еще и зонт забыл купить. Да-да именно купить, ведь времени кроме как на работу ни на что больше не оставалось, а мой старый друг, столько раз, спасавший меня от мокрой смерти,

сломался еще в прошлом году, не устояв под порывами ветра. А осень, как обычно, пришла внезапно, так же как и зима для коммунальных служб, для которых снег-вроде сюрприз под новогодней ёл-

кой и всегда самого неожиданного.

Сегодня я приехал на работу позже необходимого времени, упал по дороге на мокрый асфальт, ободрав колени как ребенок, получил выговор от начальства, после чего, со спокойной совестью, приступил к выполнению своих должностных обязанностей – так начался мой трудовой день. Мой день после пробуждения дома, также начинался не с самых радостных новостей: вся техника в доме будто сговорилась в желании насолить мне, в тот момент мне именно так и казалось. Сначала сломался чайник, потом кофе машина, могу перечислять дальше, но думаю, не стоит.

Продолжая погружаться в мрачные мысли, я не заметил, как в моей руке оказался билет на бал, который в задумчивости, теребил уже последние 10 минут. – Ведь он будет уже сегодня, нужно постараться пораньше слить с работы, – чуть ли не вслух, от нахлынувшего волнения, прокричал я. – А еще надо заехать домой и переодеться. Как же долго у меня не получалось куда-нибудь выбраться и отдохнуть, развеяться наконец.

Как только таймер показал 17:50, я схватил свой кейс и был уже одной ногой на улице. Добравшись до дома в рекордные 40 минут, чего практически никогда не случалось, даже в отсутствии дождя на улице, я на-

чал быстро приводить себя в порядок и стараться подавить все более проявлявшееся на поверхности волнение. Я не хотел, чтобы оно становилось таким же очевидным для окружающих, как для меня влажные ладони. Заказав такси на 8 часов вечера, я с пунктуальностью, присущей представителям немецкой нации, стоял около парадной в ожидании машины уже в

19:55.

Водитель также был человеком ответственным, и мы приехали на место точно к началу вечера.

Зайдя в зал, я был буквально опьянен той красотой, богатством и роскошью, которые мелькали перед моими глазами; еще не в силах собраться в цельный образ. Обилие золота, больших зеркал, картин известных художников, резной мебели, все то, что раньше я видел только в журналах, или бывая в исторических местах, красивых, таинственных, необычных, сохранивших даже, казалось бы, еле уловимые ароматы прошлых эпох, теперь передо мной. Но, чувства, которые ты испытываешь, придя в музей или прогуливаясь по залам, где раньше были приемные комнаты императорских особ, не сравнить с тем, что я ощущал в этот самый момент. Время как будто ожило, я перенесся в ту эпоху, эпоху 18 века, которая еще со школьных времен манила меня своим романтизмом. Музыка,

люди, все было пропитано императорской Россией.

Я поспешил опустить на лицо маску, забыв это сделать заранее, перед входом, ведь это был костюмированный бал. Конечно, можно было обойтись и без нее, это не было обязательным условием, но некий элемент таинственности, казалось, прибавлял шарма.

Когда я подошел к столу и взял бокал шампанского, то поймал на себе взгляд девушки, даже под скрывающей почти все лицо маской, казавшейся миловидной. Придя к выводу, что внимание незнакомки ничего не значит, а я любил додумывать за других, продолжил рассматривать веселящихся гостей. Но как только я осознал, что интерес неизвестной дамы был неслучайным, то поспешил попытаться счастье в знакомстве.

– Добрый день, ле-ди, – подражая манерам гусар, и будучи галантным, скала я.

– Здравствуйте! А Вы здесь один?, – поинтересовалась в ответ незнакомка.

– Да, и хотел бы ангажировать Вас на танец. Если Вы, разумеется, не против.

Улыбнувшись мне в ответ, девушка подала руку, пронзительно заглянула в глаза и мы начали наш первый танец. Кружась под музыку вальса, я все больше хотел погружаться во времена пышных платьев с кринолином, белых перчаток, дос-

тающих до самых локтей, камей, так изысканно украшавших дам. Но все хорошее, как известно, быстро заканчивается. Подошел к концу и наш танец.

Даже не узнав имя спутницы, я принялся танцевать с другой, не менее очаровательной особой.

Не успев опомниться от головокружительных впечатлений вечера, я понял, что в зал, хоть и с большим опозданием, зашла девушка, образ который уже больше не покинет мою голову. Это была юная особа, лет 20-25. Ее платье обнажало красивые щиколотки ног, скрытые у представительниц женского пола в этот вечер под пышными нарядами, неизменно расширявшимися к бедрам. На манер дам 19 века, ее прическа была короткой, в память об осужденных на казнь женщинах, которым делали короткие стрижки.

Подавив в себе робость и пытаясь скрыть предательски влажные ладони, в очередной раз подводившие в ответственный момент, я предложил девушке свою компанию. Нет, мне не хотелось выпить с ней шампанского, или танцевать, как с другими дамами на балу, мне было просто необходимо находить рядом с ней, неподалеку, продолжая наслаждаться ароматом ее духов. Она вызвала во мне чувства, мало имеющие отношения только к внешней составляющей привлекательной девушки. Конечно, она

была безумно хороша собой, но не только этот факт так притягивал к ней, словно, магнитом. Даже на маскированном балу, месте, где казалось сложно чем-то выделиться в отношении одежды и аксессуаров, так как все дамы были, теперь я уже понимал, чересчур вычурны, и уже виделись слишком пестрыми, ей удалось сохранить ту гармонию и плавность линий, так недостающих остальным. Она выглядела в тон времени, и в то же время ее фигура выбивалась из всех эпох. Ни в одной из которых, я думаю, больше нет, и не будет, такой привлекательной особы.

Эти мысли в моей голове промелькнули за считанные секунды. Но вот, я держу ее руку, дотрагиваюсь до белой перчатки. И мы уже танцуем. Все, кажется, плывет перед глазами. Ее платье, даже ее платье, отличается от остальных, за счет кринолина, оно более подвижно и поддается движениям тела. В этот раз разговор было начать сложнее.

-Можно узнать Ваше имя?,- слегка неуверенно начал я.

-Да, меня зовут, Елена.

-Мне безумно приятно, Елена, что Вы согласились со мной потанцевать. Я Дмитрий.

-Мне тоже, очень приятно, Дмитрий,- сказала в ответ Елена. По ее голосу казалось, что девушка смущена. Но из-за маски я не смог разгля-

деть румянец на ее щеках. -Как вы отнесетесь к тому, чтобы пройти на балкон и подышать воздухом? Дождь уже закончился и еще должен остаться запах озона.

-С удовольствием,- продолжила девушка.

После того, как мы остались на балконе наедине, все, что происходило вокруг, представлялось неважным и незначительным.

Мы разговаривали обо всем: о работе, увлечениях, хобби, домашних животных, затрагивая даже те темы, которые казались неинтересными и скучными, если, конечно, не обсуждать их с Леной. Первый раз за всю свою жизнь, я встречаю человека не только прекрасного внешне, но и производящего переворот внутренних органов. Именно переворот, я ощущал это даже на физическом уровне.

После двух часового разговора, мы поняли, что бал подходит к концу и хорошо бы нам переместиться в комнату к гостям. Но я не мог оторвать свой взгляд от Лены, ее манеры, жесты, улыбка, завораживали навечно. Но вдруг я обратил внимание, как она снимает белые перчатки с рук, несмотря на прохладную осеннюю погоду.

-Кольцо на правой руке, золотое кольцо на правой руке, на безымянном пальце кольцо. Да что такое со мной?,- Я буквально как вкопанный продолжал стоять около нее... даже не поднимая

глаз. –Ты замужем?,- уже не рассчитывая на отрицательный ответ, сказал я.

-Далее я ожидал услышать вполне стандартные для таких ситуаций фразы: Да, я замужем или: конечно нет. Это просто память. Первый вариант был более вероятен. Но вместо ответа, Лена с сестринской нежностью положила руку мне на плечо и только хотела начать разговор, как вдруг я понял: она специально оголила руки, чтобы я мог разглядеть это украшение, так завуалировано выдававшее в ней занятую девушку или как минимум девушку в отношениях. Я хотел перебить ее, извиниться, сбежать, да мало ли еще каких дел могло накопиться, но не успел. Лена продолжала смотреть мне прямо в глаза и первый раз, первый раз за этот вечер, я увидел бледный румянец на ее щеках, так подчеркивающий красоту кожи. Мы сняли маски, как только зашли на балкон, но я и представить себе не мог, что главная маска, маска, которая нам помешает, скрывается совсем не на лице, а на руке, той руке, которую я с трепетом носильщика, переносящего фарфоровые изделия, боялся ра-

нить, или разбить.

-Да, ты все правильно понял. Я в браке и очень сильно люблю своего мужа. Как только я поняла, что понравилась тебе, я посчитала невозможным скрывать это. Прости, если дала тебе надежду. Дима, у тебя все будет хорошо. Сейчас это звучит глупо и даже наивно. Но поверь, если ты продолжишь идти к своей цели, так и будет, рано или поздно ты будешь счастлив.

После этой фразы Лена ушла, больше я ее никогда не видел. Наверное, самым логичным выходом из ситуации было бы как минимум впасть в депрессию или на неделю запить, а потом с еще большим пессимизмом смотреть на вещи. Но окружающая реальность для меня заиграла такими красками, которых я даже на картинках никогда не встречал. Те чувства, которые я испытал тогда впервые, и то знание, которое ко мне пришло, окрыляет меня и по сей день. С момента нашей встречи прошло уже 5 лет. Я до сих пор помню Лену, но сейчас в моей жизни появилась прекрасная девушка, мы живем вместе 2 года и собираемся поже-

ниться. Я понял, что нельзя быть постоянно заикленным на себе эгоистом, настоящая любовь безусловна. Когда я отпустил Лену, мне было тяжело, но вместе с тем я понимал, что она счастлива, счастлива с другим. Значит и я должен быть счастлив от этого. Ведь, что может быть прекраснее любви? Любовь приходит к нам не тогда, когда мы ее ждем, а тогда, когда мы готовы отдавать что-то взамен, делиться. Осознав это, я обрел свое истинное счастье. Теперь я уже не смотрю на мир, через черные очки. Да и через розовые не смотрю, потому что незачем. Потому что все, что мы имеем, мы т в о р и м с а м и . -Ну вот, очередной рабочий день закончился. Подписан важный контракт. Здорово. А за окном идет дождь, а я без зонта. Ничего, когда еще будет возможность побегать по лужам и вспомнить детство?

P.S: Теперь я понимаю, что каждый день должен быть ярким и неповторимым. Ведь праздник случается не только раз в год, когда Вы идете на бал.

Автор: Мария Усова

Сорчинка

Верить или не верить в сны? У меня нет однозначного ответа. Сказать, что верю – не прав-

да, сказать – не верю, не правда тоже. Верить настолько, чтобы считать сонники настольной кни-

гой, это, конечно, слишком. Но вот в вещице сны – верю, и чем больше живу, тем больше

верю.

Сегодня 40 дней со дня смерти мамы, и ночью, накануне, мне приснился необычный сон. Мама со мной заговорила. Раньше, во сне, а бывает это очень редко, они, родители со мной не разговаривали, я был сторонником наблюдателем, и не в каких действиях не участвовал. А тут вдруг первый раз мама во сне и сразу с просьбой: «Мне соринка в глаз попала, ты убери ее, сынок» – и взгляд ее, внимательный, внимательный, но не просящий, да и в голосе просьбы не было. Я слышу ее, знаю, как соринку убирают: надо влажным кончиком языка под поднятым веком провести, соринка на языке и останется, а сам сижу и ничего не делаю. Даже думаю: «а как же я у мертвой-то буду соринку вынимать?». Так и проснулся: и не сделал ничего, и не понял ничего.

Мысль, еще даже и не мысль, а скорее намек на догадку, мелькнула утром, но оформилась она, и понял я всё, когда молился с бабушками, которых я привёз накануне из Гребеней. Это очень громко сказано – молился. Стоял, слушал, держал свечку в руках. Да еще неприятно удивлялся маленькой детали: квадратик бумажки прорезался в центре, и надевалась та бумажка на свечку. Свеча горит и руки чистые, не испачканные воском. Практично очень, но не могли такого

русские люди придумать: когда молишься, о чистоте рук не думаешь, о чистоте души думать надо. И потом, как я могу молиться? Бабушки поют что-то и читают на старинном языке, я ничего не понимаю, сколько не стараюсь вникнуть. Хотя и крещенный я, крещён своей бабушкой, как и все старообрядцы, дома, но воспитывали нас как атеистов. Да и какие у нас знания о Боге? Только детские первые самые, светлые самые чувства-воспоминания.

... Весна. Пасха. По деревне тропинки сухие, кое-где травка зеленая, но есть еще и грязь. Ходил я с друзьями христосоваться. Начинали с родных дядей и тетей, а так как родными были почитай все вокруг, то и получалось заходить в каждый дом. Много чего в тот день нахристосовали: и конфет разных, даже шоколадных, а кое-кто и деньги давал (потом на кино сгодятся). В то утро мама одевала меня в новенькую рубашку и в новенькие же сандалики, в которых так приятно ходить по сухим тропинкам. Бывало и в грязь наступишь, тогда горе, но с ним быстро справиться друзья помогали: помыли в ближайшей луже, и опять чистый, да еще в брючках новых, как у больших с карманом и шириной. А по радио в это время играли Гимн СССР. И на многие годы вперед у меня так и сохранилось к Гимну это

пасхальное чувство: чистое, уютно-теплое, пахнущее цветочным мылом, новенькими сандаликами и ванилином, что кладут в куличи.

А мысли, первые осознанные мысли о Боге, начали появляться, когда в школу пошел...

Был у меня дедушка, мамин отец – Иванов Тимофей Петрович. Любил ли я его, я не знал тогда, маленький был. Дедушка был надежным человеком, всегда выручал и давал пять копеек на кино. Но брать без отдачи, даром, мне было неудобно, стыдно, и я стал ловить сусликов. Дедушка, дедака, как мы, внуки, его называли (и было нас душ 15 только в деревне) работал заготовителем: принимал шкуры животных. Поскольку убивать сусликов, а тем более обдирать их потом, я не мог, жалко мне их, я приводил сусликов к дедушке живыми. Первый раз привел суслика на веревочке, а тот уже обсох, шерстка стала золотистой, она мокрая, когда из норки водой суслика выльешь, не красивая. Суслик упирается, сбежать норовит, даже свистеть начал. Мне его опять жалко стало, но в кино охота. Зашел во двор, молча стою у крыльца, суслик рядом, на веревочке, тоже успокоился. Дедака вышел, седой весь, борода белая, большая, лопатой. Смотрит на меня, молчит, долго молчит. Потом понял всё, усмехнулся, нет,

улыбнулся хитро в бороду, взял веревочку, а мне протянул заветные пять копеек. Я пулей в клуб: пока оба молчали, кино-то началось уже.

И еще любил я пить чай у бабушки. Садились за большим столом. Обычно в праздники, на Рождество, на Пасху. Чай пили и в другие дни, но что это за чай? Забежишь и на ходу, бегом с пирожком бабушкиным, быстрее, быстрее, обожжешь весь рот – ребята ждут в войну играть, да и чай из чайника. А на праздник – из самовара, он стоит посреди стола, еще пыхтит. Это только называется – чай попить, а на столе чего только нет: и пироги и лепёшки сладкие, и с калиной и с черёмухой, их почему-то «грязными» у нас называли. Кокурок гора, горкой же и розонцы, и варенье всякое, масло сливочное. А бабушка берет в руки головку сахара, большая такая пирамида, килограмма на 1,5 - 2, она аж голубизной отдает, и блестящими щипчиками откусывает маленькие кусочки сахара, и раздает нам, внукам, опять хитро улыбаясь в свою большую бороду. А мы и про чай с пирогами забудем, глядим на эту головку и на щипчики в руках у бабушки: всем ли ровно, одинаковые ли кусочки.

И вот бабушка умер...

Я смотрю на могилку, которая заполняется землей, и горько-

горько плачу. Крест поставили, холмик оправили, на кресте я читаю: «Под сим крестом покоится Раб Божий Иванов Тимофей Петрович 1888-1965». «Какой же дедушка Раб? Он ведь большой и добрый, а Раб – это ведь слуга. Так в школе учат. Кто же тогда тот, чей Раб дедушка?». Обо всем этом я у бабушки спросил. Бабушка моя, Ефросинья Перфильевна, тоже не отличалась многословием: «Господь Бог, внучек» – был мне ответ. Уязвленный таким коротким объяснением, через несколько дней я поддел бабушку, поняв, что Бог – на иконах. «Если он Господь и мы его рабы, чё же ты над ним штаны повесила» – кивнул я на иконостас, перед которым висели занавески. Правую и левую половинки занавесок сверху перекрывали поперечная шторка, ну совсем как штаны.

«От ведь зараза! Чё не ндравится! Новеньки занавески! К Троице только сшила».

И вот нет уже никого в живых, ни отца, ни матери, ни бабушки с бабушкой. Иконостаса тоже нет. А был он на диво богатым и красивым. Икон с десятка два и больших и маленьких, в серебряных окладах, на полках стояли и на стенах висели. Маленькие медные и медные, складывающиеся как книжечки. Но больше всего я запомнил огромный медный крест с крас-

ным камнем, рубином, наверное. Сейчас этот крест в городской старообрядческой церкви, отдали его на помин души одного из внуков бабушки. Иконы по внукам разошлись, мы сохранили, но были и такие, что продавал и, это уже праправнучки бабушкины, она бы их «антихристами» назвала и поделом. Бабушка наша была ревностным хранителем старообрядческой веры. Был у папы друг, много лет уже прошло с тех пор, а он даже на меня обижался: «Я чё, сынок, заразный, аль больной? Попросил у нее попить, она мне вынесла кружку с водой, я попил, а она кружку выкинула. Это как? Все вы кержаки хреновы! С другой стороны чёсделаешь? Я ведь партийный... был».

И я тоже был «партийный», и вот теперь ни Креста, ни Знамени. Пытаюсь прислониться к кресту, в церковь пошел. Что-то туда толкает? Вековая вера предков? Пришёл, поставил свечку у иконы Богородицы, пытаюсь молиться. Приходит женщина со шваброй, с иконы паутину что ли обметать? Мельтешит перед глазами, икону закрывает, всем своим видом показывая, как она тщательно, добросовестно делает свое дело. Показывает мне и еще двум женщинам, молящимся рядом.

Молиться мешает, трудно сосредоточиться.

Неужели нельзя убирать-ся, чистоту наводить, когда нет никого. А как убирают свечи! В некоторых церквях только поставишь свечку, вот она, бабка в черном вся, свечку пальцами тушит и забирает. Зачем? Я один раз даже не сдержался и говорю: «Вы хотя бы подождали, когда я уйду». А ей хоть бы что, даже взглядом не удостоила. Во всех церквях торгуют. Господи! Уже и церковь стала Учреждением. Всё-таки права моя бабушка, Ефросинья Перфильевна, чище наша старая вера: нет в ней такого стяжательства и показухи, и между Богом и человеком нет посредников: те же бабушки, что читают кануны, в жизни были доярками, поварихами, продавцами, перенимая умение своё от своих бабушек. Молитве, разговору твоему с Господом, у староверов никто не мешает. Случилась беда в моей жизни, заболела тяжело жена, в реанимации 8 дней. Землячки мои, бабушки каждый день за её здоровье молились, и я с ними в два самых тяжелых дня. Приходили соседи, их дочери, сыновья, молились мы подолгу 2-3 часа, но никто не посмел громко разговаривать, даже войти в переднюю, сидели тихо-тихо и молчали, а соседка с дочкой молча же и плакали. Зато сколько искренней радости и слёз искренних было, когда мы с женой спустя три месяца, в пер-

вый же вечер после больницы приехали к ним с благодарностью: Да миленька ты наша! Живая! Слава те Господи! Живая!

А верить в то, что чудо всё-таки случилось, настал и мой черед. В первый трудный день закончили молитву в половине седьмого вечером. Запомнил, потому что на электричку надо было бежать. Приезжаю утром в больницу, а врач-реаниматолог, который дня три мне твердил, что положение тяжелое, делаем всё возможное, крепитесь, радостно сообщил мне: «В половине седьмого вчера вечером ваша жена пришла в сознание и сама села на кровати». Казалось бы, всё хорошо, но появилась какая-то опухоль. Изучали, исследовали еще с неделю. Лечащий врач уже областной больницы почти не оставил нам надежды. Поехал я к землячкам второй раз и мы опять молились.

А утром заведующая отделением в своем кабинете сообщает: «Выкиньте из головы всё, что Вам наговорили лишнего. Опухоль не злокачественная, это побочный итог болезни. Всё хорошо, теперь мы её вылечим!». Вот так! Было! Было! И до сих пор звучат во мне слова этой молитвы: «Сохрани от скорби, от болезней, от недуга тяжкого болеющую Рабу Божию Ольгу! Подыми её с болящего одра! Мило-

стивый Господи! Яко усердно Все к тебе прибегаем, к Милостивому избавителю и всех Владице Господу Иисусу. Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

А какие это женщины! Землячки мои! Сразу же вспоминается тетя Клава, Полушкина Клавдия Архиповна! Одна из таких бабушек, знавшая молитвы и читавшая псалтырь. Муж её погиб в 41; на руках у неё остались четверо детей, одна дочка и три сына. Она всё сделала и за мужа и за себя: и дом лучший в деревне построила, и детей всех вырастила, все получили образование, стали нужными и уважаемыми людьми. Ни одна грязная, похотливая сплетня к ней не пристала. Всегда чистая и внешне и внутренне, без единой соринки в жизни, всегда добрая к людям, она и до сих пор солнышком мне светит по жизни из вечности своей. Когда она заходила в наш дом, в нем становилось светло и радостно. Она всегда приносила кучу новостей, знала или догадывалась о всех моих болячках и бедах, никогда ни чему особо не учила, но мне всегда хотелось быть на неё похожим. Так и слышится её веселый голос: «Не получится, Ванечка! Ты же мушшина!».

Увлёкся воспоминаниями и не заметил, что молиться уже закончили. Накрывают на столы. По-

минки. Мы сидим, ждем. Обычные житейские разговоры между приглашенными бабушками. Бабушка Наталья: «Уезжала, свет везде включила. Така крыша в сарае толста, из бревен, а на провода течет. Видать крыса дыру прогрызла, вот и капат на провода. Боюсь, замкнёт когда-нибудь, и своим сказать забываю, совсем памяти нет, ничё не помню!».

Другая землячка поясняет соседке своей: «У деда Володи поминки-то 7 декабря, у Бориса Петровича – 3 апреля, а у Матрёны – 4 мая!».

Бабушка Наталья, поворачиваясь в их сторону: «Ты говоришь 4го, 4го – это у Пани, а у Матрёны-то 14го». - «Твоя правда, Васильевна!»

Я спрашиваю Наталью Васильевну: «На провод капат, и он может замкнуть, ты своим забываешь сказать, а вот что поминки у Матрёны, которая умерла лет 40 назад, 14 мая, ты помнишь. Так есть память или нет?».

Наталья Васильевна возмущенно, даже со стула привстала: «Да ты чё, Ваня! Я за всех убиенных на Куликовом Поле родичей кажну пятницу молюсь. Так и молюсь, за родичей! Имён-то кто знат? А остальных всех родных, и всех кого я помню, завсегда в молитвах поминаю кажну субботу. Они же у меня в синодиках записаны, а дыра в сарае – нигде не записа-

на!».

«Записана!» – прямо кольнуло меня это слово. У меня же записана, «соринка» мамина записана! Какие у нас бывают «соринки» с родителями? У маленьких.

«Ты чай куришь, Иван?».

«Не-е».

«А чё же от тебя табачишем прёт! Мотри! Получишь!» – грозит мама полотенцем. Я неловко уворачиваюсь, и пачка «Памира» выпадает из-за пазухи. Хотя я и убежал, но вдогонку полотенцем она меня достала.

А запись та сделана, когда мне уже пятый десяток, а маме за 80. это как раз те времена, когда ваучеры, приватизация, когда старенькие, казалось бы, дома родителей стали вдруг стоять бешеных денег. О наследстве я не думал, хотя отец часто говорил об этом. «Живите дольше Вы, а я сам наживу себе всё» – был мой ответ. Но бумаги нужные отец всё-таки мне оставил. Вот видимо это и обидело маму. То, что отец один всё решил. Вот на этой почве мы и поссорились. Обиделся и я на несправедливые упрёки и записал много чего, но последняя строка такая: «Откуда в человеке, моей маме, фронтовичке, столько зла в 80 лет?! Она, что же, в жизни так ничего и не поняла?». Я тогда не за наследство переживал, а за это неприятное открытие. Вот она и «соринка»! не писа-

ла тогда рука, как будто держал меня кто-то, но я пересилил себя и записал.

А теперь еду назад, домой. Отвёз бабушек в Гребени, а сам еду и думаю, что вот теперь, на сороковой день, Господь попрекает её этой соринкой. Тут опять мама, её просьба не просьба и взгляд внимательный передо мною. И я понимаю, я вдруг по-ни-ма-ю тебя, мама: «Соринку убрать у тебя- мне важнее, для меня важнее, для моей жизни оставшейся перед Господом и людьми! И как током ударило! Господи! Не её прости! Меня! Меня! И ты, мама, прости меня! Что теперь значат те злые и мелкие слова мои, когда тебя уже нет, и никогда не будет, а мне надо жить с виной моей вечной!». Я лежал на руле и слёзы, обжигающие слёзы душили меня. Слёзы эти и строчки эти, я надеюсь, уберут ту соринку, и, надеюсь, что придёт срок, кто-то уберет и мои соринки.

И вот, чем дольше живёшь, тем отчетливее понимаешь, что надо делать добро людям живым, а неживым уже не сделаешь. Вот и жалеешь, что ведь мог тогда сделать что-то доброе, но за бытовой текучкой не сделал, забыл, на потом всё откладывал, опоздал! А так хочется жить, не соря и не опаздывая!

Автор: Горюнов Иван

А смерти, сынок, я не боялся

Писать о войне тем, кто на ней не был, нельзя: не хватит никакого воображения, сердца не хватит. А написанное без сердца - макулатура, оскорбление воевавших солдат. Именно поэтому я просто записал рассказы своего отца, ничего не комментируя, и не меняя ничего. Рассказы эти собирались не один год, всю жизнь я пытал отца, он рассказывал редко, чаще всего после баньки, под сто грамм, трезвый он молчал. А что воспоминания эти являются для него пыткой, было видно: он плакал, когда говорил о гибели своих друзей, голос его дрожал, он переживал всё снова и снова. Ещё добавлю, что мой отец, Горюнов Фёдор Иванович, закончил войну в Праге, в составе 38-ой армии 1-го Украинского фронта, в 12 отдельной Киевской, Краснознамённой, орденов Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского бригаде РГК, в 204-ом Пражском миномётном полку, командиром расчёта. Награждён орденом «Красной Звезды» и медалью «За боевые заслуги.» Воевал с декабря 41-го по май 45-го года. Ранен дважды.

**-На Курской дуге это было, меня туда из

- под Ленинграда перебросили, я ещё в пехоте был. Фронт там уже встал, войны почти не видели, штаб дивизии охраняли, да конину ели. Трупы убирали весной, прямо штабелями складывали, как дрова. Землю взрывали и в эти ямы складывали. Жили в землянках, а там вода близко, так и ходили в окопах по воде. Один раз утром встали все, а сосед мой лежит, не встаёт, я позвал его, он молчит, за плечо тронул, а он от стенки отвалился, не живой уже. Осколок прямо в лоб попал. Как он сумел ровнёхонько между брёвен попасть? А мы и не слышали ничего, мины визжат да рвутся, к этому уж привыкли.

А тут! Сначала танки увидел, считать начал, 47 насчитал, сбился, быстро идут, далеко, пехоту тоже видно. У меня винтовка, скатка через плечо, обмотки на ногах. Переглядываюсь с ребятами, боимся, все молодые, мне тогда 20 лет было, в таком бою первый раз. Ну и испугались-побежали. Из всего взвода один командир-то и воевал, он наганом машет: «Назад, мать-перемать, расстреляю всех!» Куды деваться, опять в окопы прыгнули. Винтовку на бруст-

вер положил, прицелился, их видать хорошо уже, стрельнул раз, другой. Гляжу- упал тот немец, в которого метился. Успокоился, а тут артиллерия заработала наша, да так хорошо, дружно, смотрю, а танки-то горят, да много! Эх, говорю себе, это ерунда, чё так не воевать, стреляй себе, да стреляй!

Меня на срочную в мае забрали, во Владивосток попал, в береговую артиллерию Тихоокеанского флота, а как же! У меня же 7 классов образование, маме спасибо, выучила нас всех. А в декабре 41 года привезли под Москву, в Ногинске построили нас, полковник идёт вдоль строя и на кого покажет, те из строя выходят. На меня тоже указал, так я в десанниках оказался, 6-ая воздушно-десантная дивизия. Стали нас переодевать. Новёхонько всё сымам, флотское, а выдают солдатское, застиранное, заштопанное, с раненых, аль с убитых что ли. Жалко было добро такое отдавать. С парашютом прыгать не довелось, только с вышки успел. Немец так п.....л, что мы и парашюты бросили и другоимушество, так шибко бежали.

Что испытываешь, когда в атаку поднима-

ешься? Страшно! Но все поднимаются и бегут и ты бежишь. Мне, когда провозжали, баушка Данилична сказала, чтобы я Богородицу не забывал, а она за меня молиться будет, вот я и не забывал. А смерти, сынок, я не боялся, не то, что не боялся, а всё равно было, сёдни ты есть, а завтра нет, столько убивало, что привык. Да и холостой, ни жены, ни детей. Один раз бежим, я гляжу, наш солдатик убитый и винтовка снайперска лежит около него, я её подобрал, чё добру пропадать. Бежим вместе с Мишей Криворучко, он из Саратовской области, всё пел: «Я саратовский мальчишка, у меня брюхо на боку.» На бегу стрелять из винтовки не удобно: грудь ходуном, дышать трудно, он догадался, плечо подставил, я на плечо винтовку положу, стрельну, ловчее. В очередной раз прицелился, а ствол стал опускаться, к земле уходить. Миша, Миша! Что с тобой? А Миша хрипит, язык вывалился, он воздух хватат, хватат, я ему рану рукой зажал, чтобы кровь остановить, бинт достал, а Миша всё тише, тише и всё ... затих. Пуля в лёгкое попала, наскрозь, и нету Миши. А мне чё? Мне бежать надо, своих догонять. Вернулся, но Мишу не нашёл, подобрали похоронщики, а он ведь мне ровесник.

Я котелок никогда не таскал. Зачем лишний груз? У каски подкладку

вытащил, вот те и котелок. На Курской дуге, после боя сижу на бугорке, ем из каски. Чую, запах. Повернулся, а рядом солдат лежит наш, связист, катушка с проводами около него, он уж припухать начал, мухи зелёные по нему ползают. Ничего, пересел, чтобы ветерок в другую сторону дул и дальше ем. Срочно строится, вперёд пошли, каску помыть не успел, а жара, так и шёл, всю дорогу пот гороховый по лицу вытирал.

Сколько я из миномёта немцев убил, я не знаю: там ведь по координатам стреляшь. А вот когда в пехоте был, уже командиром отделения, нашли мы немцев в овраге. Овраг как у нас на задах, большой, а выход из него один. Зачем они туда набились? Наверное от артогна нашего спрятались, рота, не меньше. Мы пулемёт ручной на выходе поставили, ещё с автоматами двоих, остальные по краям, и давай их х...ть. Они и руки поднимают, орут, а мы всех перебили. Зачем? Ты бы видел, чё они творили! К тому времени мы уже насмотрелись. Я себе сапоги офицерски подобрал, да пистолет какой-то блестящий.

Я тогда ещё в пехоте был, идём маршем, лето, жара. Я сержант, иду рядом со строем, разговариваем с Колей Кревским. Его тогда орденом Красной Звезды наградили и Коля меня спрашива-

ет, правда, что фамилию его теперь в газете напечатают? Я ответил, что правда, Коля обрадовался: мама теперь узнает, какой он герой! «Айда искупаемся, вон и речка рядом?»- Колю я зову. Он не хочет: долго раздеваться, да и пыли потом больше прилипнет. А я пошёл. Пока разделся, искупался, колонна уж далеко ушла. И тут самолёты, много. Я всё своё в охапку и под сбитый наш кукурузник залез. А они всё на колонну заходили, отбомбились, ушли. Нашёл я потом Колю, лежит на животе. Осколок его вскрыл, точно как мы свиней разделываем, только со спины, все внутренности видно. Я его перевернул, а сам думаю, вот теперь-то мама точно узнает, как тебя наградили. Семь человек осталось от нашей роты. Пошёл бы купаться со мной, живой бы был Коля.

Это уже ближе к границе было. Забежали в деревню белорусскую, а огонь сильный был, я в подвал в одном дворе спустился, ступеньки как у нас, каменные, лежу, слышу, кто-то плачет внизу. Спустился, спичку зажёг. Сидит не старая ещё женщина, на коленях ребёнок, уж не помню, девочка или мальчик, с годик ему, а во лбу дырка маненька. «Немец был до тебя, застрелил и убёг.» Ручной пулемёт у меня был, поднялся я по ступенькам, а они вот, прямо на меня бегут, ну я и да-

вай их х...ть.

Бежим по поляне, вдруг копна сена опрокидывается и немец с поднятыми руками подымается, на шее автомат. Чё с ним делать? Убить? Он же меня не убил, автомат – то вон болтается. Снял с него автомат, махнул рукой на тылы, иди комрад туда, кто – нибудь подберёт.

На Сандомирском плацдарме огневые у нас прямо у Вислы были, неудобно: сделаешь выстрел, плита в песок уходит, опять надо устанавливать. Ищут добровольцев на ту сторону плыть, огонь корректировать, я возьми да согласись. Нашли лодчонку с напарником, гребём на ту сторону, а плацдарм небольшой был, мы половину переплыли, нас сносить к немцу стало. Мы назад повернули. А он давай по нам из пулемёта строчить, главное, когда туда плыли, не стрелял, а как повернули, он и давай поливать. Уже почти до берега добрались, ранило напарника, в живот. Ташу его на себе, а пули по галькам вжик-вжик. Долго умирал напарник, всё катался по берегу и корочку хлеба просил, так с ней и помер.

У меня наводчик был Митя Сухарев, с Архангельской области, маленький такой, финагентом до войны работал. Команду передадут из взвода управления, я считаю на бумажке, буссоль, ещё что-то, а Митя пле-

чом миномёт подтолкнёт и кричит: «Первый готов!» Он грамотный был, Митя, финагент, одно слово.

В 43-ем году, теперь уж и не помню, где, построили полк буквой П, на серёдку вывели двоих солдат и расстреляли. Сказали, что дезертиры. А они в родную деревню, километров за восемь, сходили, и всего делов-то.

Нас тогда с конной тяги перевели на американские студебеккеры, едем колонной, где-то в Польше, уже после Вислы. Слышу от машины к машине команду какую-то передают, оказалось мне: «Гвардии старший сержант Горюнов, на обочине, справа, вас ожидает брат!» Смотрю, точно, стоит Гриня мой! Обнялись, расцеловались. Нашлись и спирт, и гармонь, хорошо посидели, а на утро Гриня мне говорит: «Не поеду к себе в часть, хочу с тобой остаться, всё равно войне конец скоро.» Упёрся и ни в какую. Гриня, нас четверо у матери, Кольку и Полину подымать надо, мать старенькая, будем вместе, обоих и убить сразу могут. А ты уедешь, кто-нибудь, да останется живой. Этим только и убедил, уехал Гриня. А видишь, как вышло, оба в живых остались, да и по правде сказать, к тому времени нас уж беречь стали: ни каждую дыру нами затыкали.

Стоим в колонне.

Долго стоим, пойду посмотрю, в чём дело. Иду, смотрю минёры возятся на дороге, какие-то ящики валяются. Метров 20-ть не дошёл, как рванёт. Потом вскочил на ноги, ничего не слышу: контузия. А на деревьях, сбоку дороги куски висят, парят, где рука, где нога. Вот у меня в ушах-то и стрелять до сих пор.

Я ведь тоже партийный был. В 43-ем перед форсированием Днепра приняли. Я тот партийный билет в рожу колхозному парторгу бросил: молокосос, жизни меня учить начал: «Вы партию позорите.» Это он насчёт баб. Ну, раз так, обойдёмся без партии, она и так о.....сь.

Трофеи я не собирал в Германии. Ребята подорвались в ювелирном магазине, не охота из-за какой-то херни в конце войны погибать. Домой вёз, правда, аккордеон, пистолет и полный сапог патронов к нему. Не довёз, всё дорогой пропили, больно долго ехали.

Мама моя, Горюнова Клавдия Тимофеевна, участница боевых действий с ноября 1943 по июль 1945 года, связистка 34-го отдельного зенитно-прожекторного батальона, о войне не вспоминала, она только плакала всегда, когда слышала марш «Прощание славянки» и песню «День победы». Но кое-что я запомнил:

«Стою я на посту, а мимо девчат несут хоро-

нить. Самолёты налетели, фонарей навешали прошлой ночью, светло, как днём было. Бомба угодила прямо в госпиталь, много девочек погибло, и наших тоже. Вот их и хоронили, а я стояла и плакала.»

«С фронта когда вернулась домой, а тятя меня обнял и шепчет: «Дочка! Во сне аль наяву это? Ты живая вернулась!»

«Я за войну столько убитых детей видела, что поклялась сама себе, сколько даст Господь детишек мне, столько и ро-

жу. Поэтому я Ваську так поздно родила.»

«Нет, Ваня, пиво в Польше вкуснее было. Мы пойдём в парикмахерскую, кудри навьём, поляки нам пани, пани, так у них девушек называют. Мы у пана попросили луку, деньги предлагаем, он целое беремья нам принёс, а денег не взял.»

«В 45-ом году нам выдали новое обмундирование, юбки, гимнастёрки, сапоги. Мы с подружкой бережём всё, старьё штопаем, в нём и ходим, войне скоро конец, домой охота в новом явиться. А

перед демобилизацией всем всё новое дали, а нам нет: у вас есть. Ну не дуры были?»

«Когда косу обреза-ли, я полгода плакала. Командир даже жалел: «Сказала бы лучше, оставили бы тогда.»

«Я, сынок, на фронт могла и не ходить: мне уборщицей в военкомате предложили быть, а я отказалась, так что считай меня добровольцем.»

Автор: Горюнов Иван

Просто разминулись

В мире всё примитивно просто- либо есть, либо нет. Почему же так сложна жизнь, и так сложно порой принять правильное решение. Творец даёт нам право выбора, но как трудно им воспользоваться. В мире людей, мужчины перекладывают самые сложные вопросы на хрупкие плечи женщин, говоря при этом - я тебе предложил выбрать, вот и выбирай, а за одно и бери ответственность за свой выбор. А какой выбор вы ещё нам предложите, дорогие мужики. И есть ли он у нас? Сделав этот выбор, мы женщины вместе с этим и взваливаем весь груз обязанностей. Вот только я не знаю, как иначе получить желаемые минуты или часы, а может и мгно-

вения счастья. Ничего в этой жизни не держит, так крепко, как право выбора.

А в жизни многое случается помимо нашей воли или желания. Я благодарю судьбу за то, что всегда сводит меня с замечательными людьми. Дает мне шанс общаться с ними и помнить об этом.

Вот так и случилась неожиданная встреча с моей подругой, имя по понятным причинам называть не хочу, но очень хочется рассказать о ней.

Потому, что свою книжку я хочу так и назвать – «Я же женщина – значит мудрая». Книжка обо мне, моих родных и близких женщина, и их не простых судьбах. Я благодарю всех их за доверие

и понимание, а еще за то, что дарите мне свои откровения. Обещаю, что всё останется в тайне, но я сумею рассказать об этом.

Маринка позвонила мне вся в слезах, она не могла ни говорить, ни плакать. Я

ничего не поняла из ее не связного рассказа. Только сказала, чтобы не ревела, выпила коньячку и ждала меня. Мы живем в соседних городах в пределах 100км. Для меня это не крюк. Я быстро села в машину и прилетела к подружке. Почему прилетела? Это, так меня брат называет – «летунчиком». Он говорит, что я низко летаю, а не езжу. Люблю скорость, и водить автомобиль. Получаю от этого, истинное

удовольствие.

Я долго звонила в дверь, но Маринка мне не открывала и не брала трубку.

Вдруг на мой очередной стук в дверь, я услышала легкое шуршание за дверью и дверь открылась.

- Боже мой! Маринка, ты с ума сошла, так напиться. Совсем с катушек слетела - говорила я, глядя, как моя подруга сидит у дверей на корточках, не в силах встать на ноги и ничего путного произнести.

- Ольга, ну чт как долго... Я напилась... Весь бренди вылакала, и тебе не оставила... тошно на душе...

Пока я добиралась, она напилась, для анестезии приняла почти пол литра бренди. Я вошла, реанимировала ее и стала выяснять причину, что случилось и почему позвонила и напилась. Я знаю, Марина редко вообще что – либо спиртное пила, а тут сразу столько...

Хочу сказать, что часто судьба дает нам подсказки, только нужно их постараться заметить и вовремя ими воспользоваться. Но, увы такова жизнь. И не было бы этой главы, если бы «Ее Величество судьба», так не распорядилась. Это еще раз доказывает правильность моего выбора темы - эти непростые судьбы

моих близких, любимых женщин.

Вот, что я узнала

от Марины...

Маринка не помнила, как дошла до дома. У нее в голове случилось просто затмение.

- Господи, неужели такое может быть в жизни? Почему именно со мной, а не с кем то другим – дробью отстукивали мысли в ее мозгу.

- Почему? Почему? Почему? Что со мной не так. Нет в жизни счастья. За что, так со мной судьба за что?

Она пришла села прямо в прихожей на стул и не могла поверить, что она просто его не узнала. Все предельно просто. Просто была без очков и не узнала. Сколько раз себе твердила:

- Носи очки, смотри на людей, а не мимо, но так сложилось в жизни, что ж теперь делать?

В жизни Маринке все давалось трудно. Училась с трудом. Рано уехала из дома. Мы вместе приехали сюда в Вятку, после окончания учебы. Вместе получили должности заведующих производств в заводских столовых, только я вышла замуж и уехала, а она осталась. Наши пути лет на 20 разошлись, и я только из редких писем знала о её судьбе.

Она долго не выходила замуж, потом вышла, но неудачно. Родила двух сыновей и вырастила их, практически одна. Но что – то не сложилось, пришлось разойтись с мужем. Она не любила об этом говорить. Я и не

спрашивала. Я всегда умела слушать и не задавать неудобных вопросов. И сейчас её прорвало. Она ревела, вытирала слезы, которые градинами скатывались по ее щекам.

- Господи, ну почему, почему я такая не счастливая? Почему, всё это происходит только со мной? Почему? Чем я провинилась перед тобой, Господи? Господи за что? - повторяла, как заклятье она.

Я сварила кофе, плеснула в бокал бальзамчику и отдала ей. Она пила его мелкими глотками и всхлипывала. По комнате витал аромат выпитого с вечера бренди, сырости, свежесваренного кофе и травного бальзама. Стояла какая - то неприятная, натянутая тишина. Мы сидели на кухне – это наше излюбленное место встреч с подругами, как правило туда мужики только изредка заглядывают чего - ни будь слямзить из холодильничка.

Такой обычай мы завели с юности. Поздние посиделки на кухне и разговоры по душам... Я или подруги приезжали с ночёвкой, накормив и уложив мужей и детей, мы садились на кухне и под маленькую рюмочку коньячка или бренди, под кофеек - сплетничали...

И вот мы уютно сидим на кухне. Маринка пьет кофе, всхлипывает, шмыгает носом, и икает от горячего. Я потихоньку потягиваю зеленый

чай, улыбаюсь сию, и жду ее рассказа.

Мы с ней почти одновременно купили компы, пошли на курсы. А потом нашли друга друга в «Одноклассниках»... Марина была счастлива. У нее началась своя новая жизнь. Она с упоением общалась с друзьями, захлёб, пила эту энергетику, которую получала от общения. Она еще надеялась изменить свою судьбу. Пацаны выросли. У них свои семьи, а она осталась одна. И это случилось...

Завязалась переписка, и ей нравилось писать и получать знаки внимания от этого человека. Ее женское существо вдруг среагировало. Да так, что мне пришлось ее отговаривать... Я ей говорила, чтобы не верила, они все там не реальные, и у каждого свои заморочки и, что будет страшно больно и неприятно, когда все это выяснится. Но это было бесполезно, она меня не слышала.

Маринка никогда не рассказывала мне об этом человеке, я знала, просто, что он существует, где-то там, в нереальности, на сайтах интернета...

Конечно, каждой женщине хочется большой и красивой любви. Маринка — влюбилась, серьезно и всем своим недолюбленным женским существом. В кого? И сама не знала.

Однажды она ре-

шила поехать в санаторий полечиться, побыть наедине с собой и поразмыслить. Она не хотела общаться ни с кем, она ждала, что он приедет, хоть на один день. Ей очень хотелось его встретить и поговорить. Она сама не понимала,

зачем это ей нужно? Просто очень хотела этого. Увидеть, почувствовать его реального и просто прижаться, обнять, уткнуться носом в шею и запомнить его запах. На что надеялась и сама не знала.

Он приехал, но приехал на неделю раньше, поселился рядом через три номера и развлекался по полной, с удовольствием общаясь с дамами и принимая большое количество горячительного.

А она ждала... И вот однажды они встретились, она даже пригласила его на чай. А поговорить, так и не удалось.

Почему? Потому, что, так много накопилось у обоих и, так хотелось, каждому выговориться, а винные пары мешали все высказать и очень мешали. И он ушел, просто встал и ушел. Правда бросил на прощанье:

—А еще чаем хотела напоить, так и не напоила...

Она долго сидела в номере. Только потом сообразила, кто это был и зачем приходил. Человеческая глупость... Зна-

комство по интернету... Обыкновенная трусость и неумение общаться в жизни и слушать и слышать других.

А вечером, он сидел в столовой за своим столиком и громко, чтобы она слышала, говорил своим соседкам:

- Да она странная какая - то, я так и не понял, сам не понял ни чего, зачем приглашала меня на чай, а так хотелось поговорить и не только...

Его соседки смеялись и недвусмысленно поглядывали на неё.

Маринка сделала вид, что не слышала, да и что оставалось делать ей. Он потом несколько раз подходил поговорить и останавливал ее, но так и не случилось еще одной встречи. Она не смогла забыть его слова, сказанные, там в столовой, в запале, хвастаясь перед другими женщинами, выставив всё напоказ. Она не могла ни спать, ни есть, и никуда не ходила, сидела в своём одноместном номере.

Одиночество вдвоем самое страшное, что может случиться... Удивительная штука жизнь...

Но судьба готовила ей еще один шанс. Вот сегодня — это и случилось.

Шла она по улице в банк и вдруг увидела, вернее не увидела, а почувствовала, что он рядом, вот здесь, вот стоит через дорогу рядом с машиной и в его руках букет. Сердце забилося, она

увидела автомобиль и его улыбающегося, и шагнувшего ей навстречу... Но увы, впереди шла девушка, и ей показалось, что он поспешно направляется к ней. Ей просто показалось, она была без очков, и от волнения

обозналась. Она не оглянулась, перешла на другую сторону улицы. Пришла в банк, взяла справку, как друг до нее дошло, что он шел к ней навстречу и ей улыбался.

И цветы нес только ей одной, а она просто струсила и испугалась, что ей сделают опять больно. Она быстро вернулась. Но его уже не было. Она не помнила, как добралась до дома. Как долго сидела без сил. Как потом ревела в голос. Как позволила мне.

И вот мы сидим на кухне. Она говорит и хлюпает носом, а я

сiju и слушаю, а в голове мысли свивают

свое кружево. Кажется простая, банальная история, а из жизни не выкинуть. И здорово, что она была. Думаю, если судьба, то они еще встретятся. Два без трёх не бывает - так в народе говорят. А еще, думаю, какое счастье, что есть такая возможность вот, так просто сидеть и слушать, говорить и пить кофе...

Автор: Верещагина Ольга

литературное **Карма**

Она просыпается от боли, которая сухим пламенем распространяется из груди по всему окоченевшему, одеревеневшему телу.

- Что со мной? - спрашивает она и пугается силлого стона, который слышит вместо своего голоса.

- А вы не помните? - над ней склоняется испуганно-вытянутое лицо неизвестного, чем-то отдаленно знакомого ей юноши. - Вы только не волнуйтесь! Вам нельзя...

Она с трудом поворачивает глаза в сторону, в глазницы будто насыпан песок. Рядом с кроватью, накрытой синезеленой накрахмаленной простыней, мерно пикает медицинское оборудование. Она слабо морщится от неприятного, лезущего в мозг, зву-

ка.

- Вы попали в аварию. Ну, типа. Вас машина сбила. Не помните?

- Вы кто?

Парень запускает обе пятерни в свои взлохмаченные грязные волосы.

- Ну, я, типа, это... Скорую вызвал.

- Давно я... Сколько... - не может выговорить она.

- Часа три-четыре, - догадывается парень. - Я хотел подождать, пока очнетесь. Доктор сказал, все будет okay, волноваться не о чем.

Она прислушивается к своему телу, к пульсирующей, растекающейся боли в груди, ноющей тяжести в правой ноге, чувствует набрякшее, словно чужое лицо.

- Что... со мной?

- В смысле, какие, типа, повреждения? - парень суетливо шаркает, присаживается на стул, привстает, снова садится, он не находит себе места и все дергает окровавленный заусенец на пальце правой руки. - Точно не знаю, это к доктору, но кажется, у вас перелом ребер и нога... тоже сломана. И еще, голова... Ну, типа, гематома.

Она откашливается и пытается пошевелить ногой, скованной во что-то холодное и неживое.

- Я, типа, пошел? - испуганно спрашивает парень. - А то это, времени много уже, а мне в институт. Завтра.

Он задом пятится к двери.

- Зеркало, - просит она.

- Что?

- Хочу посмотреть. Есть зеркало?

- У меня нет... - он озирается по сторонам в поиске зеркала. - А хотите, я сфотографирую на телефон?

Она устало закрывает глаза, но через некоторое время открывает и ждет.

- Да, да! - парень достает из кармана телефон, настраивается. - Ага! Снимаю! Вот, сейчас покажу, - он открывает фотографию и сначала сам долго и испуганно смотрит. - Может, не надо вам ... Зачем расстраиваться? Живет же. Я лучше вам свою девушку покажу, ну, типа, девушку. Так то вообще она бывшая. Я ее бросил.

- Покажи!

Он отлистывает на смартфоне фото и подносит к самому ее лицу.

- Вот!

Она равнодушно смотрит на улыбающееся белокурое существо, морщится и отворачивается. Она хочет сказать, что ей нет до этого никакого дела, она хочет увидеть себя, свое уже немолодое, больное тело, от которого в последнее время и так много беспокойств. А теперь еще вот это... От боли глаза ее быстро наполняются влагой, и две мутные слезы скатываются по сухим щекам.

- Блин! Вы плачете? Я так вас понимаю! Скажите, а вы когда-

нибудь делали аборт? Нет, я не то что, типа, наглый, лезу с неприличными вопросами. Вы как женщина в возрасте должны знать. Я просто не могу об этом поговорить с матерью, она не поймет. Что я вам рассказываю? У вас же, наверное, свои дети есть.

Она смотрит в сторону, на окно, на голые ветки деревьев, которыми, как трещинами, расколото хмурое небо, а слезы размазывают, смягчают эту жесткую, бессердечную красоту. Ей становится легче, будто со слезами выходит то невыносимое, что волнами накатывает вместе с болью.

- Моя девушка, ну, типа, бывшая, - говорит парень. - Она, понимаете, сделала аборт. Как бы убила нашего ребенка. Не задумываясь. Будто это не ребенок там у нее внутри, а какая-то опухоль, типа, которую нужно удалить. Может я чего-то не понимаю, но я видел фильм про развитие эмбриона. У него сердце бьется на третьей неделе. Вы понимаете? Когда его скальпелем или чем-то там оттуда извлекают, сердце уже бьется! Я не могу даже представить, что она, будущая мать, на такое способна.

- Я делала аборт, - тихим голосом говорит она.

- Что?

- Двадцать лет назад.

Он вскакивает со стула, отрывая, наконец, заусенец. По пальцу струится кровь.

- Да вы! Вы - не женщина! Не человек даже! Вы - убийца, как и она! А вот знайте, что я мог бы быть вашим сыном. Представляете, у вас такой сын как я? У вас есть сын?

- Нет у меня детей, - она смотрит на него перекошенным кровавым синяком вместо лица, - вам лучше уйти.

- Я...

- Уходите!

- Ладно, ладно, я понял! Сейчас уйду. Только после ваших слов меня не будет мучать совесть. Вы такая же, как она. Заслуживаете смерти.

Он замолкает и испуганно смотрит на нее. В ее влажных, заплавленных глазах появляется догадка.

- Это ты!

Он делает несколько шагов назад, выставляя перед собой руки.

- Я не хотел. Я не вас. Ее! Убийцу моего ребенка. Просто у вас оказалось такое же пальто! Бежевое, широкое. Я сам купил это пальто, когда узнал, что она беременна. А после ... У меня крыша поехала. Я не соображал ничего! Понимаете?

- Помогите! - сипло зовет она, не в силах повернуть голову в сторону двери. - Убийца!

Он хочет убить меня!

- Тише вы! – ему хочется зажать ей ладонью рот и нос, чтобы она задохнулась. Но он никогда не сделал бы такого, он только хочет, чтобы она успокоилась, он хочет все объяснить и исправить. Медицинский монитор испуганно плачет, красная линия мечется вверх-вниз, и вдруг выпрямляется, оглушая комнату механическим, пробирающимся под кожу писком.

Женщина лежала в чьей-то чужой квартире. Это был не ее дом. Впрочем, у нее никогда не было своего дома, только квартиры, снятые для нее мужчинами. Было темно, но она узнала комнату, на которой когда-то давно, скрюченная на скрипучей стальной раскладушке, прижимала руки к каменеющему спазмирующему животу. Сквозь окно, как и тогда, равнодушно светила Луна. Если женщина смотрела на нее долго, ее диск превращался в туннель и куда-то затягивал спокойным холодным светом. Женщине хотелось туда, к лишенному всего человеческого свету, нырнуть в него и отдаться безвольно, медленному падению в самую его глубину, где уже не нужно бороться с этой болью и отчаянием. Но что-то держало ее - огромный холодный ка-

мень внутри нее приковывал ее к раскладушке, которая жалобно всхлипывала под тяжестью, будто и сама была живым и бессмысленно измученным существом.

Женщине стало жалко себя. Почему она должна лежать здесь, придавленная камнем? Должна же быть причина? Какая-то страшная догадка, как мотылек, билась где-то совсем рядом в темноте. Женщина слышала сухое, едва уловимое стрекотание крыльев, видела боковым зрением быструю тень. Это он, мотылек, был причиной и следствием ее боли. Она всматривалась, ожидая чего-то страшного. Несколько секунд было тихо и темно. Но вот привычно заворчали трубы, запиликал будильник в соседней комнате. Все стало так же, как тогда. Только вдруг из темноты с громким цирканьем вылетела тень и ударилась об ее лицо.

Сухо стрекоча крыльями, мотылек все сильнее бился о женщину. Он все разрастался и яростнее врезался в нее. Удары становились жестче, крылья царапали ее лицо, как что-то ненавистное. Это была уже не бабочка, а большая железная машина, которая подминала своим металлическим корпусом несчастное тело женщины, дробило колесами ее

ноги. Женщина кричала. Даже после того, как все поняла - это он, мотылек, душа, которую она убила, сам превратился в...

- Убийца! Он хочет убить меня! Через несколько дней после недолгой клинической смерти она пришла в себя. Растрепанный парень снова был здесь, рядом с ее кроватью.

Он держал в одной руке пакет апельсинов, в другой - букет белых, растрепанных, как он сам, хризантем.

-Я пришел чтобы еще раз, типа, извиниться. Я понимаю, как вы, должно быть, злитесь на меня. Но я... Не знаю... Я... Не знаю, что на меня нашло.

- Как тебя зовут? – медленно спросила она.

- Миша.

- Миша... Я видела сон, страшный сон. Мне снилась та ночь, после аборта. Ты был там.

- Не понимаю...

- Ребенок, которого я убила... Не знаю, как это возможно, но это был ты. Я убила тебя.

- Что это значит?

- Это значит, я тебя прощаю.

- Правда? Это так... Вы не представляете, как обрадуется моя мать,- он хотел ее обнять, но только размахивал растеряно букетом.

Автор: Косовская Мария

Рождение Настоящего

С у б б о т а . Она, устав от ежедневно чего-то требующего социума, решается побыть одна. Но это не значит - сидеть в четырех стенах бетонной коробки, это значит- побыть наедине с великим, например, сходиться в музей! Взять аудиогид, и, чтоб не ощущать лишних шумов и звуков, полностью погрузиться в мир прекрасного, раствориться в искусстве, морально отдохнуть. И вроде бы все шло по плану: уединение с аудиогидом, прекрасное настроение, прекрасные картины, тяжесть бытовой рабочей пошлости потихоньку отступала. Она села на скамейку, чтобы немного передохнуть, осознать увиденное, как вдруг...

"Добрый день!" - несмотря на официальность, фраза звучала весьма легко и непринужденно. С ней рядом шел высокий молодой человек, просто, но элегантно одетый - в черной водолазке и брюках, его правую руку украшали массивные часы. От него шел приятный аромат - помимо ненавязчивого парфюма, от него пахло мужественностью, интеллектуальностью. Она любила этот запах, он-то и стал решающим, когда она, прежде чем ответить, задалась вопросом "стоит

ли разрушать столь прекрасные планы на сегодняшний день".

"Здравствуйте!" - доброжелательно ответила она.

- Как Вам выставка?

- Вполне интересно. Я люблю живопись. А Вам?

- А мне больше нравится наблюдать за людьми, которые сюда приходят! Знаете, они как книги. И у каждого своя цель. Вот, например, видите тех двух девушек? Не задержались больше минуты ни у одной картины, все ищут взглядом кого-то. От них веет поиском и ожиданием. А та женщина внимательно всматривается в каждый экспонат, ее муж переносит себя от одного к другому, для него это многочасовая пытка. А вон та почтительная дама с надеждой вглядывается в каждую картину, будто ищет в них ответы на свои вопросы.

- А тот молодой человек, в высоких брюках и больших очках, уже три раза пытался познакомиться с девушками.

- К Вам подходил?

- Нет. Видимо, я далека от его идеалов, она улыбнулась мягкой, легкой, нежной улыбкой. В этот момент и он и она, где-то очень глубоко,

на подсознательном уровне, моментально с чем-то согласились.

- Чем Вы занимаетесь? У Вас весьма утонченный вид, Вы наверняка связаны с творчеством? - ненавязчиво, выбрав располагающий такт, без лишней любопытности в интонации, спросил он.

- М-м, предположим, я студентка. А Вы?

- А я..

- Подождите, давайте и Вы будете студентом!

- Почему? - с улыбкой спросил он.

- Потому что, так между нами стираются границы социума, общение будет более искренним и непринужденным. Представьте, к примеру, Вы - успешный бизнесмен, а я - уборщица. Не думаю, что каждому из нас будет так же комфортно общаться, как сейчас, пока мы студенты.

- А пожалуй, Вы более чем правы. Как Вас зовут? Или имена тоже...

- Нет уж, имена оставьте. Женя, Евгения.

- Очень приятно! Слава, Вячеслав!

И им на самом деле было легко и комфортно общаться друг с другом. Непринужденно они открывали друг другу душу, не сразу вынося чужие моданы информации о

себе и своих увлечениях, стремлениях, обидях, жизни, нет, они делали выводы исходя из мироощущения друг друга. При этом, эти выводы не озвучивались, а где-то в голове, где в самом укромном месте припрятана давно сформированная анкета соискателя, ставились плюсики. Один за одним. У каждого. Несмотря на взаимное одобрение, в данный момент они не воспринимали друг друга как мужчину и женщина, фантазии не рисовали варианты, пульс был ровным. Если бы кто-то наблюдал за ними с самого начала, то обязательно увидел бы, как два, на вид совершенно разных человека, заполняя пространство вокруг себя, становятся одним целым.

- Женя, не хотите после выставки посидеть где-нибудь?

- С удовольствием! Безумно проголодалась. Идем?

- Как? Уже? Впереди же еще четыре зала?

- Я здесь уже в пятый раз.

- Идем.

Быстро собравшись, они двинулись в ближайшее бюджетное кафе, при выборе которого ориентировались на свои студенческие возможности.

Им нравилась эта игра с стиранием границ, когда о тебе не делают выводы по месту работы, не запрашивают справку 2НДФЛ, не мучают во-

просами. У каждого из них была уникальная возможность представить собеседнику себя таким, какой он есть сейчас, настоящим, живым. С полным багажом знаний и опыта, о которых ненужно было кричать, они демонстрировали себя сами, когда приходило время.

Кафе было уютным, без излишеств, присущей саморекламы, навязчивого персонала, дорогой мебели. Оно было душевным. Возможно, в любой другой день, в другой компании, каждый из них даже не обратил бы на это заведение внимания, не уловил бы ту тонкую атмосферу искренности, которой было наполнено все вокруг; но сегодня, кафе было важным дополнением их общения - оно располагало открывать друг другу потаенные уголки своей души, о наличии многих из которых, до сегодняшнего дня, они оба даже не догадывались. Не замечая времени, не обращая внимания на предательски остывшие чай и пирожки, они, не пытаясь казаться лучше, выбирать правильные темы для обсуждения, говорили ни о чем и о многом. Они много говорили о состоянии души в различные времена года, и, как и, как оказалось, оба любили осень, не за то, что это время грусти, уединения, наоборот, это время перемен, разряженного, многообе-

щающего воздуха, теплого, дружелюбного дождя. Самое продуктивное время для того, чтобы начинать жить, работать, любить, менять что-то в стабильной летней обыденности.

- Уже слишком много времени. Пора расходиться, - спокойно, без нотки грусти сказала она.

- Да, конечно. Я могу довести тебя..я могу проводить тебя на метро.

- Ты можешь проводить меня до метро, а на метро покатаемся в следующий раз.

Мысль о том, что они увидятся снова была настолько естественной, что невозможно было представить обратного. Распрощавшись как старые знакомые, они, полные гармонии и приятного послевкусия, отправились в противоположные концы города.

Вечером того же дня, в разных окраинах многомиллионного города, в одно и то же время, с одинаковой улыбкой на лице, ложись спать двое. Их мысли были неоднозначны. С одной стороны, день был настолько хорош, что они хотели продлить его как можно дольше, боясь потерять во сне все приятные ниточки, составляющие кружево с множеством замысловатых узоров; с другой стороны, мысль о том, что их встреча повторится, не давала покоя, и они хотели всеми способами ускорить ее.

Утро. Запускается маховик рабочей недели. Все по местам, все по полочкам. Нет времени на сентиментальности, вперед и только туда. Обыденная многозадачность уже не тяготит, как раньше, просто стирает границы личного в интервале понедельник-пятница. Более половины любимого первого дня пройдено и тут звонок. Все на миг замолкает и останавливается.

- Да!- Женя ответила так, будто они разговаривают каждый час.

- Привет! С началом новой учебной недели!

- Спасибо! И тебе!- и на другом конце провода он почувствовал свет и тепло от той же мягкой улыбки, которая своей искренностью и добром озаряла вчера музей.

- Ты обратила внимание, какое чистое,голубое небо сегодня?

- Конечно! Ни облачка! По пути на работу,хм, в институт, мне казалось, что земля исчезла, и кроме неба,глубокого, чистого, насыщенного,ничего не осталось.

- Ты занята сегодня вечером?

- А есть предложения?

- Конечно! В вечернем небе тоже можно разглядеть свою прелесть.

- Хорошо. Где и

во сколько?

- Давай в том же кафе. В семь.

- Договорились.

И вновь все заглохло, заработало,зазвонило и завертелось. Только этот гул уже не имел эффекта заражения - границы личного все четче обрисовывали все вокруг.

Невыносимо долгий рабочий день наконец-то осчастливил завершением. И вот, они опять вместе, опять в потусторонней вселенной, где нет умыслов, умыслов, фальши, просчетов,амбиций.

- Мне очень нравятся маленькие провинциальные города. Когда приезжаешь в один из таких, ощущение, что попадаешь в совершенно другую страну. Причем,каждый город совершенно другая страна. Теоретически, мы все конечно одинаковые, но это формальности. Осознаешь, насколько отличаются приоритеты, мировоззрение. Люди в русских селеньях возвращаются к жизни. Они настоящие.

- А какой твой любимый город?

- Такого нет. Каждый хорош по-своему, каждый открывает нового тебя.

Оставив кафе наедине с собственными мыслями, проигнорировав активно зазывающий общественный транспорт, они отправились пешком

измерять километры ночного города. Отбросив страхи и сомнения, они то кружились в танце, то бежали в припрыжку, то еле плелись. Ночь была теплая, глубокая, пропитанная ароматом душевного спокойствия и счастья. И, что самое интересное, они все еще оставались теми же беззаботными студентами, которыми были с самого начала. Обсуждая фильмы, книги, прохожих, в чем-то наивные взгляды, они медленно вплетались друг в друга, не оставляя ни шанса остановить вихрь безумства.

Делясь своими маленькими победами, высмеивая неудачи, они превратили встречи в образ жизни. Три раза в неделю кафе дружелюбно раскрывало свои двери и прятало их маленький мир от всепоглощающей наигранности и неискренности окружающих. И вот, когда они разбирались в мироощущении друг друга лучше, чем своем собственном, каждый из них решил приоткрыть другому завесу тайны в отношении своей деятельности,попытаться торжественно выдать себе диплом о состоятельности. Встретившись перед выставкой, на которую она его пригласила, они, изменив привычному месту обитания, выбрали изысканное итальянское кафе. С его слов, сегодня он получил стипендию и они могут себе

это позволить. Несмотря на то, что заведение находилось в центре города, имело большую проходимость, внутри царило спокойствие, открытость, исключительность. Никакой чопорности. Гармония. Обратившийся к нему по имени-отчеству администратор немного смутил обоих, но после дружелюбного диалога с официантом, все стало на свои места. Его кафе было отражением его самого- спокойное, благородное, без вычурности, выполненное в итальянской стилистике, дизайн завершали гипсовые рафаэлевские младенцы, грамотно распределившиеся по периметру. Помимо всего прочего, он занимался лепкой. Продумывая каждый миллиметр заведения, он создал волшебный мир, приоритетом которого было не получение прибыли, а обмен приятными эмоциями. Не

задавая лишних вопросов, смотря прямо ему в глаза и улыбаясь лукавой улыбкой, она взялась за пасту, как вдруг:

- Женечка! Женя, как хорошо, что я тебя встретил! - ее начальник тоже был здесь.-Завтра у нас очень важная встреча с инвесторами, не забудь пожалуйста! Добрый вечер!- в спешке он поздоровался с Вячеславом.- Знаете, Женя лучший руководитель проектов!

- Оставим сентиментальности, Глеб Георгиевич!- немного смущенно сказала она.- Не волнуйтесь, завтра все пройдет успешно.

- Извини, Женечка! Конечно. Сам не свой из-за этого тендера. Ладно, молодые люди, приятно было познакомиться! До завтра!

- До завтра!
И только взглянув Жени и Славы вновь встретился: "Боже, мы

опоздаем на выставку!"

Мгновение, и уже мимо проносятся столики, лица, огни, машины. Успели. Имея в распоряжении час, она целенаправленно повела его в третий зал, бегло просматривая экспозиции. Третий зал. Ее шаг замедлился. В этом зале были представлены картины молодых современных художников. Его сразу же поразили своей искренностью, реалистичностью, легкостью портреты, больше похожие на случайные фотографии, на которых объект изображается в движении. Подойдя ближе, чтобы лучше разглядеть их, он увидел имя художника "Евгения Алешина" и тихий, нежный голос шептал ему: "Останемся студентами!"

Автор: Елена Абалихина

СЫН

Отец уже неделю наблюдал за переживаниями сына. Сидя перед телевизором на диване он видел, как Алекс заходит в свою комнату и часами не выходит оттуда. Он уже третий день не ел, ни пил. На все вопросы матери отвечал что все в порядке.

- Ты бы хоть к сыну подошел, парень сам не свой, спросил бы что

случилось- ворчала жена из кухни.

- Да что я ему скажу, видишь из за девушки, чем тут поможешь

- Да тебе на диване сидеть и все трын-трава,

-Хорошо не ворчи только..как бабка старая

- На себя посмотри, уткнулся в телек....

Отец устало поднялся. Что он может сказать двадцатилетнему сы-

ну в свои сорок три. Двадцать три года это пропасть. Он знал, что ничем не сможет ему помочь. Он даже не знал как зовут эту девушку с которой тот встречался уже почти год. Вика или Вероника? Вздохнул и открыл дверь комнаты. Парень лежал, уткнувшись в потолок, казалось даже не заметил, что кто то вошел.

- Алекс что с то-

бой?

- Ничего все хорошо я просто устал...

- Я же вижу, неделю уже сам не свой...

- Пап слушай все нормально.. -чуть раздражено ответил сын

- Слушай я знаю мы не особо друзья...и я не знаю как тебе помочь..

- Просто не трогай меня все нормально...

- Не убивайся... таких много..найдешь еще...

Тут сын не выдержал и расплакался. По настоящему навзрыд. Слезы...

- Не найду я никого понимаешь...никого не найду...она одна была такая. Я жениться хотел, а она уезжает с родителями в Англию... Понимаешь, что это все? Это конец? Ты хоть знаешь, как это любить? Как это обнимать родного человека и хотеть с ним быть каждую минутку...

Вы ничего не знаете, как у нас было...Вероника мое все...

- Я тебя понимаю...тебе больно...

- Ничего ты не понимаешь...совсем ничего...

- Послушай сын.

И отец начал рассказывать о своей молодости. Что в 21 у него была девушка. Ее звали Карина. Что любил ее до беспамятства. Носил цветы. Забирался к ней через балкон. Что ездили в горы и пели под гитару песни с друзьями. Рассказал, как работал все лето и на вырученные деньги купил ей джинсовую юбку, которая стоила целое состояние. Как встречал с ней рассвет. И что все закончилось, когда она ушла к соседу Кольке. Как она просто выкинула его.

- Знаешь сын. Она вычеркнула меня из своей жизни, а я не мог представить как вычеркнуть

ее из своей. Убивался. Ждал возле дома. Пытался поговорить. Стыдно сказать твой папка рыдал как мальчишка...

Он рассказал еще многое из своей жизни. Казалось, он оживил все воспоминания двадцатидвухлетней давности и в красках описал сыну. Говорил долго. Сын смотрел, молча и внимательно слушал. Они наверно никогда не говорили так по душам как в этот субботний вечер. Отец говорил и говорил...

- Сын, как говорит один писатель «Люди думают, что первая любовь — сплошная романтика и нет ничего романтичнее первого разрыва. Сотни песен сложили о том, как какому-то дураку разбили сердце. Вот только в первый раз сердце разбивается более всего, и заживает медленнее, и шрам остается самый заметный. И что в этом романтично-

го?» Но все проходит сын, все проходит.

- И через, сколько ты забыл свою Карину?

После паузы отец сказал

- Через год я встретил твою маму...и теперь мы сидим с тобой в этой комнате и ты мой сын- с улыбкой сказал отец.

- Мне очень больно и очень не хочется ее терять...

- Я знаю, но со временем все будет хорошо. Ты снова сможешь жить. Не слушай маму, она любит тебя, но знаю, мы ничем не поможем. Тебе нужно просто самому с этим справиться.

- Спасибо пап... Мне правда легче... немного....

- Ладно я пойду... ты если что говори....поболтаем.

Потеребив по детски, голову сына он вышел. Было немного неловко. Медленно пошел к любимому дивану.

-Ну что...мозги вправил сыну? – проворчала жена

- Слушай отстань от него..все будет хорошо, я с ним поговорил.

- Давно пора отец ты или нет.

Ничего не ответив, он переключил на футбол. Переключил и мысленно улетел в свои 21. Он надеялся, что хоть немного помог сыну. Конечно, он не рассказал все. Не рассказал, как встретив его маму, старался забыть Карину, полностью окунувшись с

головой в новые отношения. Как дарил цветы и ездил в горы, но уже никогда не испытывал того чувства счастья и легкости, как тогда, в свои двадцать один год. Через год он женился. Помнит свадьбу, улыбки. Но все было фальшиво. Узнал позже, что Карина развелась с мужем и уехала в Германию. Как бы он рассказал сыну, что единственный человек которого он любил это была она. Что дожив до своих сорока трех, так и не оправившись...Хотелось все поменять... В жизни любишь по настоящему всего один раз, дальше ищешь лишь похожее. Он это знал. И знал, что нужно делать дальше.

Рано утром зашел в комнату к Алексу. Тихо взял телефон и записал домашний номер Вероники. Через пару часов в доме на другом конце города раздался звонок.

- Да слушаю?- слышался сонный голос Вероники

- Доброе утро... это..это отец Алекса, Александр Викторович. Это Вироника?

-...Здравствуйте... что то с Алексом??? Скажите с ним все хорошо??? Пожалуйста...

- Все хорошо не переживай. Скажи ты любишь его?

- Да очень сильно...Мы уезжаем понимаєте...я так не хочу..

- Могу я поговорить с твоим отцом? Передай ему трубку пожа-

луйста.

-...да конечно... минуточку...

Минута ожидания и трубку взял отец Вероники.

- Да слушаю?

- Это Александр Викторович...отец Алекса....

ЭПИЛОГ

Свадьба была шикарная. Лимузин, уютный ресторан, довольные и счастливые лица. Отец стоял и смотрел на все это. Улыбнулся, прикуривая очередную сигарету. За долгие годы своей жизни он был счастлив. Бросив взгляд на молодожен, он почувствовал, как давно забытое чувство растекается по телу бьет в голову. Да это счастье. Докурив, он постоял еще немного и спустился вниз. Сын подошел к нему с горящими от радости глазами и сказал.

-Папа спасибо тебе большое за все...

-Не стоит...я же твой отец...

- Ты так и не рассказал как убедил отца Вероники сыграть свадьбу..

- Ха хаха я сделал ему предложение от которого он не смог отказаться, беги давай тебя ждались

- Пап... я люблю тебя..

- Знаю сын, потому что я люблю тебя.

Автор: Тим Фил-

би

Сверхъестественное: новые приключения

Глава Четвертая

Прошло пол часа. Дин сопел на книгах, Мари всматривалась в монитор ноутбука, допивая третью кружку кофе, и, наконец ей удалось заметить какое-то движение, мужчина промелькнул на одной из камер наблюдения. Чтобы удостовериться, что это тот самый демон, которого они выслеживают, решила немного понаблюдать за ним. Мужчина бегал по улице своим видом пугая людей, выходящих из баров. Он бегал от двери к двери, дергая их, но они были закрыты. И так он пробежал почти до конца улицы, что пропал из поля зрения камер.

-Черт, куда ты дела, давай же появись! - шёпотом выругалась Мари, когда потеряла из виду мужчину.

И вот, наконец, мужчине поддалась одна из дверей, он залетел в магазин и стал бегать по нему в поисках еды. Нажав пару комбинации на клавиатуре, Мари подключилась ко всем камерам магазинов и баров, находящихся на этой улице. Просматривая вновь, ей снова удалось засечь в одной из камер магазина мужчину, который носился по магазину в поисках

еды.

- Ну, давай не разочаруй меня! - потирая руки, говорила Мари.

Мужчина бегал, по магазину хватая, все подряд и с жадностью начал есть.

- Попался гад! - радостно сказала она. - Ребята подъедем, я нашла его! - разбудила она братьев.

Проснувшись от крика Мари, Дин спросонья не понял, почему он проснулся на столе среди книг и папок с записями, одна из страниц прилипла к его щеке.

-Ну, ты и умора! - рассмеялась Мари, когда увидела Дина с прилипшей страницей к щеке.

-Что нашла его? - переспросил Дин отдирая страницу от щеки.

-Да давай пошевеливайся иначе упустим его! -поторапливала она брата, и добавила: Сэм, Сэм вставай нам пора!

- Идем, я уже готов! -отвечал ей Сэм, выходя из коридора где были их комнаты, с рюкзаком на плече.

Мари немного удивилась, что он так быстро собрался, сложилось впечатление, что он и не ложился вовсе.

-Куда ехать то? -спросил Дин у Мари.

-Тут не далеко сле-

дуйте за мной на машине, обещаю гнать не буду! - улыбнулась она братьям, беря ноутбук в руки

Все трое вышли из убежища сев по машине тронулись к месту назначения.

Мари ехала впереди, Дин следовал за ней, стараясь не отставать. Она поглядывала на монитор ноутбука, сделав во весь экран картинку из магазина, где обедался мужчина. Набрав телефон Сэма, решила сообщить им.

Сэм видя, что звонит сестра, включил громкую связь, чтобы и Дин мог тоже слышать.

- Ребят, все пока тихо, он обедается в магазине, осталось проехать пару кварталов и будем на месте! - говорил голос Мари в телефоне Сэма.

-Хорошо мы поняли! -отвечал он, нажимая на кнопку завершения разговора на телефоне.

Прибыв на место, припарковав машины за магазином, взяв свое снаряжение, все трое направились на встречу друг другу, чтобы обсудить план действий.

-Ты нож взял, которым символы вырезать? -спросила Мари у Дина.

- Нет, блин забыл, сама как думаешь? - вопросом на вопрос отвечал

ей Дин.

- Эй может, перестанете препираться, не до этого сейчас! - одернул брата и сестру Сэм.

- Ладно, я пойду с черного хода, вы в парадную! - сказала Мари побежав назад где стояли припаркованы машины и где находился черный ход в магазин.

- Нет, чтобы нам это предложить, мы должны все время в парадную заходить! - немного злился Дин.

- Дин, давай не сейчас! - одернул снова его Сэм.

После этих слов оба крадучись, направились за угол, к входу магазина. Нагнувшись, проходя мимо витрин, чтобы их не заметил объедавшийся мужчина, Дин решил немного приподняться, чтобы посмотреть, где именно находится мужчина, он сидел возле холодильника, где хранились свежемороженые изделия из мяса, и жадно поедал их.

Наклонившись, Дин кивнул Сэму в сторону двери магазина, тем самым показав, что можно идти. В это время Мари зашла, с черного хода держа, в руках свой любимый лук, крадясь, осматривалась по сторонам, проходя мимо склада она увидела, что дверь открыта и виднеется чей-то ботинок. Подкравшись ближе к двери, она увидела мумию мужчины, она узнала по одежде того мужчину, что в начале зашел

сюда. Продукты, хранившиеся когда-то на складе, были съедены.

-Черт! -опуская лук выругалась Мари, и пошла, крадясь в сторону основного зала магазина.

Подойдя к двери Дин, плавно повернул ручку и потихоньку начал открывать дверь. Все так же крадясь, вошли в магазин, оба старались не шуметь, чтобы не спугнуть мужчину одержимого демоном. Проходя, мимо одного из стеллажей, где стояли, бутылки с выпивкой, часть из них валялась разбитыми на полу, Дин и Сэм старались аккуратно переступать, не наступив на осколки. В одном из мест пол был настолько скользким, что одна нога Дина поехала, и он чуть не упал, успев зацепиться за стеллаж, но при этом упала еще одна из бутылок и со звоном разбилась. Этот звон услышала и Мари, и поторопилась к братьям.

-Черт! - выругался Дин.

Демон, который в тот момент жадно поедал фарш, услышав шум, бросил его недоеденным, и побежал в сторону, откуда донёлся звон разбитой бутылки. Он увидел Дина в тот момент, когда тому все же удалось удержать равновесие, держась за стеллаж. Одержимый со всей силы бросился на него.

- Дин! крикнул Сэм, когда увидел, как на брата летит мужчина.

- О черт! - быстро

поднимая с пола свой упавший пистолет, произнес Дин и открыл стрельбу по демону.

Выстрелы донеслись и до Мари, которая уже была не далеко от них.

- Какого черта мальчишки, вы только привлечете внимание! - злилась она.

Всадив полную обойму в набросившегося на него мужчину, Дин был поражен, что он еще был жив и продолжал на него идти. Мужчина, используя момент, когда братья перезаряжали свое оружие, накинулся на Дина, и повалил его на пол, пытаясь укусить его, Сэм при этом стрелял в одержимого всаживая вторую свою обойму. Дин обоими руками отводил, что есть силы свое лицо от одержимого, Сэм пытался отцепить его от Дина, но мужчина со всей силы отбросил его в конец зала. И снова кинулся на Дина, в попытке откусить кусок и говорил при этом не своим голосом:

- Жрать хочу, еда, еда!

Мари вошла в зал в тот момент, когда Сэм пролетел почти весь магазин и влетел в стену. Она подбежала к нему, чтобы убедиться, что он не пострадал, спросила:

- Ты в порядке?

-Да, Дина спасай! - потирая ушибленную голову, отвечал ей Сэм

Выйдя в пролет между стеллажами, где боролся Дин с одержи-

мым, натянула тетиву своего лука и выпустила стрелу с ловушкой для демонов.

И тут Дин вдруг увидел, как что-то с силой отдернуло одержимого от него, и потянуло назад. Вставая Дин, увидел сестру, которая тянет за тросе одержимого, при этом бьющегося и шипящего, пытающегося вырваться.

- Давайте быстрее, на долго это его не задержит! - крикнула она братьям.

Дин достал из кармана нож племени Манданы и рисунок с символами для удержания демона внутри тела. Подойдя ближе к одержимому, который продолжал шипеть и бился об пол, пытаюсь освободиться от троса.

- Прости мужик, но это для твоего же блага! - сядясь на корточки говорил Дин.

- Сэм нужно держать его руки или есть чем связать их, пока Дин вырезает символы! - сказала Мари брату.

Сэм подошёл, к мужчине с другой стороны взяв, из-под стеллажа валявшийся оторванный от чего-то провод, связал ему крепко руки, и обеими руками прижал руки мужчины к его телу. Вырезав последние символы на лице, Дин встал и вытер нож, о салфетку, которая лежала на стеллаже. Мужчина перестал биться о пол, глаза его сменили цвет с черного как смола, на окровавлено красные, и он начал озираться по

сторонам, не понимая, что с ним. Сэм, взяв его под мышки, поднял его с пола. Подойдя к нему Мари, выдернула трос с накопчиком вместе.

- Что дальше, что с ним делать? - спрашивал Дин у брата и сестры.

- Ну здесь оставлять его не безопасно! - отвечала Мари.

- Может, отвезем его к нам убежище? - предложил Сэм.

- И что мы с ним там будем делать, поселим в одной из комнат? - продолжал интересоваться Дин.

- Нет, я кажется, видела, что-то подобие большого помещения с клетками, когда первый раз у вас очнулась и осматривалась, тогда я еще на спортзал наткнулась! - припоминала Мари.

- Ох ну не фига себе, каждый раз мы что-то новое находим в нашем убежище! - удивился Сэм.

- Значит отвезем его туда, вы оба правы здесь оставлять его не безопасно! - соглашался с Сэмом и Мари, Дин.

- Да и нам надо по скорее убираться от сюда, скоро тут будут копы! - поторапливала Мари братьев.

- С чего ты это взяла? - спросил Дин.

- С того что кто то, привлёк внимание своей стрельбой соседние магазины и бары! - ехидно улыбнулась Мари в ответ и добавила: Еще я нашла мумию на складе, да и это продавец этого магазина,

пока мы спорили на улице, демон поменял оболочку, так что надо валить!

- У нас не было выбора! - ответил Сэм.

- Ладно, что сделано то сделано, пошлите! - говорил Дин.

И все трое, в том числе и мужчина-демон, направились к черному входу, выйдя с заднего хода, они услышали вой сирен приближающихся полицейский машин.

- Ну что я вам говорила! - кладя на сиденье своей машины ноутбук, говорила Мари братьям.

Дин открыл багажник своей машины и уложил туда одержимого, и закрыл его. Достав из кармана рюкзака три маленьких наушника, один Мари вставила себе, с двумя подошла к братьям и сказала:

- Вот держите, они не заметные, но друг друга мы будем слышать на большом расстоянии, и нам лучше разделиться!

- И что мне с ним делать! - вертя в руке наушник спрашивал Дин у Мари и Сэма.

- Вставь его просто в ухо! - показывая на своем примере отвечал ему Сэм

- Блин все не привыкну к вашим этим наушкам, я теперь Джеймс Бонд! - вставляя в ухо свой наушник говорил Дин.

Нажав на своем наушнике небольшую кнопку Мари, проверила

связь:

- Вы меня слышите?

- Да! - в один голос ответили ей братья.

- Я вас тоже, так все погнала, лишнего ничего не болтаем, только по существу! - садясь в свою машину предупреждала Мари братьев.

И они разъехались в разные стороны. Мари подключилась на чистоту полиции, чтобы следить за полицейскими, и не нарваться с братьями на них. И как раз в тот момент, когда диспетчер полиции говорила по рации:

- Всем свободным постам, стрельба на улице Мидельтон в магазине продуктов, подозреваемые двое мужчин, уехали на черной машине, марка и модель уточняется!

- Вот дерьмо! - выругалась Мари. - Парни у нас проблемы! - добавила она.

- Мы слышали! - ответил Дин.

- Будьте аккуратней не вызывайте подозрений! - предупреждала она их.

- Постараемся и ты тоже! - сказал Сэм.

Проехав два квартала было все тихо, как вдруг Мари услышала вой сирены, оглянувшись, назад она ничего, не увидела, и поняла, что этот вой был в наушнике.

- Ребят, что там у вас? - спросила она братьев.

- Копы на хвост сели! - ответил Сэм.

- Шевроле Импала

черного цвета съезжайте на обочину! - говорил голос полицейского в рупор.

- Черт! - выругался Дин.

- Тормозите дальше импровизируйте, но не дайте им заглянуть в багажник! - вещал голос Мари в наушниках у ребят.

Дин припарковал машину к обочине, достав одни из своих прав и приготовил их, чтобы показать офицеру.

- Офицер Хопс, ваши документы сэр! - представился подошедший офицер полиции к машине братьев.

Мари тоже остановилась, чтоб лучше слышать, как дальше будут развиваться события.

- Что-то не так офицер? - подавая документы улыбнулся Дин.

- У вас не горят задние габаритные огни! - отвечал офицер полиции, просматривая документы, и направился в сторону багажника.

- Да я не заметил, когда выезжал они горели! - говорил Дин выходя из машины.

Используя момент, когда офицер повернется спиной, показал Сэму пальцем на кнопку, чтобы тот включил фары. Сэм так и сделал.

- Дин, что там у вас происходит? - раздался голос Мари в наушниках у ребят.

- Габаритные огни типа у меня не горят! - ответил он во весь голос,

забыв об офицере полиции.

- Вы это мне? - спросил офицер полиции у Дина, поворачиваясь к нему лицом.

- А нет, это я сам с собой! - неловко ответил, Дин проведя руками по своим джинсам.

Офицер начал направляться к багажнику, чтоб осмотреть его. Дин не знал, что придумать.

- Что делает офицер? - спросил снова голос Мари у ребят в наушниках.

- Он направился к багажнику! - ответил ей Сэм.

- Черт, Сэм, сделай вид что тебе прихватило желудок и тебе срочно нужно в больницу! - говорил голос Мари в наушниках у ребят.

Дин тоже это слышал и приготовился разыграть небольшой спектакль перед офицером, изобразив на лице переживание и удивление, когда Сэм выйдет, из машины корчась, типа от боли.

- Понял! - ответил Мари Сэм.

Открыв дверь машины, Сэм начал делать вид, что ему невыносимо больно, как будто он сейчас потеряет сознание, согнувшись и немного присев на ноги, держась одной рукой за машину другой за живот он направился, в сторону офицера и Дина. Подойдя к ним поближе сказал:

- Офицер прошу прощения, но мне очень плохо и нужно в больни-

цу! - держась за живот и съезжая по машине на асфальт говорил Сэм.

Дин быстро среагировал, подбежал к Сэму, взял его под руки и повел его к двери машины при этом сказа офицеру:

-Сэр простите, моему брату очень плохо вы видите, нам нужно срочно в больницу!

-Да, да конечно езжайте! - отвечал офицер полиции, отдавая проходящему мимо него Дина его документы.

Сэм, сев на место перестал кривляться, Дин обогнув машину, обернувшись, посмотрев на офицера, и с расстроенным лицом пожал плечами. Сев на свое место Дин и Сэм выдохнули, Дин повернул ключ зажигания и сказал:

- Мари, ты гений!

- Спасибо парни! - ответил голос Мари в наушниках у ребят, а сама она улыбнулась.

Дин начал трогаться с места, а офицер направлялся к своей машине, как вдруг до него донёлся глухой стук и мычание из багажника Дина. Увидев, в зеркало заднего вида, что офицер направляется, снова к ним заглушил мотор

-Ты чего? - спросил его Сэм.

-Офицер снова идет к нам видимо что-то услышал! - отвечал ему Дин.

-Ребят сценарий тот же Сэм тебе плохо, Дин избавься от полицейского как-нибудь! -

говорил голос Мари у ребят в наушниках.

Офицер снова подошёл к машине и обратился к Дину:

-Сэр, а что у вас в багажнике?

-Ничего там пусто!

-отвечал Дин.

-Ааа...

эммм.....хрррр...!-издавал, кривясь от "боли" звуки Сэм.

-Офицер моему брату, очень плохо вы же видите, если я его сейчас не отвезу в больницу, он умрёт, и это будет на вашей совести! -упрашивал офицера Дин немного в конце угрожая.

- И все-таки я прошу вас открыть свой багажник! - настаивал на своем офицер.

- А в чем собственно дело! - не уступал ему Дин.

- Сэм тебе очень стало плохо закричи от боли! - сказал вдруг голос Мари в наушниках у ребят

- Замолчи! -сквозь зубы ответил ей Дин.

- Вы это мне? - переспросил его офицер.

- Нет офицер, сам с собой, знаете ли, разговариваю! - отвечал, чувствуя не ловко в сложившейся ситуации Дин.

- Аааааааааааааааааа... как больно! - закричал Сэм, согнувшись от боли, чуть не ударившись лбом об бардачок машины.

- Извините офицер мне срочно нужно в больницу! - сказал Дин.

Не дав ответить

офицеру, повернул ключ зажигания, и готов был двинуться уже с места, как до него донесся глухой удар и мычание с багажника машины. Дин и Сэм переглянулись. Офицер снова повторил свой вопрос:

- Сэр откройте свой багажник!

- Дин гони! - раздался голос Мари в наушниках.

- Но я раньше никогда не уходил от полиции! - отвечал, ей Дин забыв, что его слышит офицер.

- Что вы не делали? - удивленно переспросил офицер Дина.

- Гони, иначе вы оба сядете за решётку за похищение, и оттуда за это будет трудно вытащить вас обоих, а вот за неподчинение приказа и погоню от полиции проще, гони, я вас догоню и помогу уйти от полиции! - говорил голос Мари в наушниках у ребят.

- Дин, она права гони! - согласился с сестрой Сэм.

Дин дал, по газам оставив, так и стоять в недоумении офицера полиции.

- Диспетчер, Шевроле Импала черного цвета неподчинения приказу офицера, преследую, прошу подкрепления! - подбегая к своей машине, говорил офицер в рацию. Это слышала и Мари, заведя машину и включив сирену, офицер погнался за Дином.

- Ну, что я вам го-

ворила они гонятся за вами, потому что вы не подчинились приказу! - говорила Мари, ведя машину, пролетая с большой скоростью по улицам, оставляя за собой клубы пыли.

- Чтоб мы без тебя бы делали! - хвалил сестру Сэм.

- Пропали б! - слегка рассмеявшись отвечала она брату.

- Шевроле Импала немедленно остановитесь и прижмитесь к обочине! - раздался позади голос офицера из рупора, преследившего Дина.

- Ага шаз! - добавив газу отвечал Дин.

Офицер начал немного отставать. Проехав пару кварталов Мари, сократила путь и выехала на трассу где, полиция гналась за ее братьями. Она как раз очутилась за машиной офицера, немного вдалеке увидела машину Дина, которая неслась со всей скорости обгоняя машины на трассе.

-634 что там у вас? - раздался голос диспетчера в рации офицера.

- Веду преследование по трассе, он и не думает останавливается, прошу подкрепления с воздуха! - говорил офицер диспетчеру.

Мари все это слышала, и дала по газам, обогнав машину полицейского закрыв ему обзор. И немного стала снижать скорость, чтобы затормозить немного машину полицейского.

- Эй, кого черта он творит? - ругался офицер,

сигналя и петляя в стороны пытаясь объехать впереди себя машину.

Мари не давала ему обогнать себя, и так они по трассе проехали миль 20, убедившись, что машин нет и, что машина Дина достаточно далеко от них, она дала по газам оторвавшись немного от машины полицейского, дернула ручник и развернула свою машину носом к носу машины полицейского, и поехала задним ходом догонять братьев. Оставив в недоумении офицера полиции.

- Ну, что там мы оторвались? - спрашивал Дин у брата.

- Кажется да, оторвались! - повернувшись на зад и убедившись, что машина полицейского далеко от них.

- Это было круто! - выдохнул Дин.

- Это было только начало, круто будет дальше, так как полиция пока еще гонится за нами! - сказал голос Мари в наушниках у парней.

-Чего, но...? - удивился Сэм поворачиваясь назад.

И он увидел, как приближаются два красных огня, становясь ближе и ближе, и наконец он увидел машину сестры, которая ехала почему-то задом, он повернулся к Дину на его глазах было удивление.

-Что там? -спросил сосредоточенный, на дороге Дин.

-Поверни голову сам увидишь! -отвечал

ему брат, показывая рукой ему направление.

Дин повернул голову и увидел, как рядом с ним равняется машина сестры, которая ехала капотом в противоположную сторону. Опустив свое стекло Мари, показала рукой, чтобы Дин его опустил свое.

- Дальше я поведу, следуй за мной и старайся не отставать! -говорила Мари.

-А в наушник не могла это сказать! - отвечал ей Дин.

-Нет, так как я его снимаю и вам советую это сделать, да и Сэм лучше пристегнись! -вытаскивая наушник в конце предупредила она Сэма.

И добавляя газу, обогнала Дина, снова дернув за ручник, развернула машину в нормальное положение и поехала впереди машины Дина. Полицейский нагнал машину Дина, но все еще немного отставая, обратившись к диспетчеру по рации:

- Диспетчер, что там с подкреплением?

- 634 потерпите немного, все экипажи заняты? - отвечал голос диспетчера в рации.

- Вечно у них все заняты, и все приходится делать самому! -с разочарованием и небольшой злостью говорил офицер.

- Чертовы копы, как же я вас ненавижу! - вставляя обратно свой наушник и набирая на телефоне номер Сэма говорила Мари.

Включив, громкую

связь на своем телефоне Сэм сказал:

-Говори, что стряслось?

-Вставляйте обратно свои наушники, коп не отстает от вас, и вы так тоже слышать будете полицейскую волну вместе со мной! -говорил голос Мари в телефоне Сэма.

-Хорошо! -кладя свой телефон и вставляя свой наушник отвечал Сэм.

Дин последовал его примеру.

Свернув с трассы и попав на улице города, гнали по ним, полицейский не отставал от них. Свернув в проулок между домами, они мчались вверх по улице, Мари увидела, что впереди тупик, но есть еще одни переулок уходящий вправо, резко повернула и слегка зацепила мусорный бак, который стоял там, от удара бак поехал в низ, пролетев в паре сантиметрах от машины Дина врезался в стену и с грохотом перевернулся, перегорев мусором путь.

-Воу, аккуратней чуть не зацепила меня! - говорил Дин успев увернуться от бака.

-Прости я не специально! -отвечал голос Мари в наушниках у ребят.

-Дальше куда? -спросил Сэм.

-Дальше вверх, через улицу есть одна парковка где можно спрятаться! -отвечала Мари.

Проехав с бешеной, скоростью через ули-

цу, так что машины, находящиеся на ней, чуть не врезались в них. Мари увидела впереди въезд, на парковку чуть прибавив газу, юркнула в неосвещенный въезд на парковку, Дин не отставал. Поднявшись несколько уровней вверх, Мари в конце увидела один не освещенный участок и направилась к нему припарковав свою машину оставив место для Дина, заглушила мотор и выключила фары. Дин встал, рядом последовал примеру сестры.

Опустив свое сиденье, назад улеглась на нем.

- Мальчики пригнитесь, чтобы вас не было видно! -посоветовала она братьям.

Откинув свои сиденья назад, парни тоже улеглись на них.

- И как долго нам так лежать! -спросил Сэм.

-Пока все не уляжется! - отвечала Мари ему.

-Чувствую себя словно школьник, машине с девушкой перед занятием...! -говорил Дин.

Не дав, ему закончить в один голос одернули, его Сэм и Мари:

-Дин!

-Что, уже и помечтать нельзя! - с небольшим разочарованием в голосе ответил Дин, потом добавил: Круто получилось, я так ни разу не гонял, особенно от полиции, а ты часто это делала?

- Частенько, ведь гонки не законны по но-

чам в городе! -отвечала Мари брату.

-Хоть раз попадалась? -поинтересовался Сэм.

-Нет! -ответила она Сэму, потом добавила: Давайте помолчим немного, а то навлечем еще, кого ни будь.

- Хорошо! - в один голос ответили братья.

Прошло двадцать минут, Мари лежала, на сиденье и копалась в своем телефоне, на полицейской волне было то же тихо, но через пару минут раздался голос диспетчера:

-634, что там у вас?

-Подозреваемые, скрылись! - отвечал диспетчеру офицер.

-Удалось записать номера? - продолжал спрашивать диспетчер.

-Нет, они ехали слишком быстро! -с сожалением в голосе отвечал офицер.

-Ясно, возвращайтесь на базу! - приказала диспетчер офицеру.

-Вас понял! - ответил он ей.

- Вы слышали? -спросил голос Мари у братьев в наушниках.

-Да! -в один голос ответили они.

-И как долго нам еще лежать тут? -спросил тут же Дин.

-Ну как минимум минут 20 еще! -ответила Мари брату.

-Ок! -ответил Сэм.

Так прошло, еще минут десять Мари все

так же копалась в телефоне просматривая новости, как вдруг в ее наушнике раздался голос Дина:

-Мари как долго нам еще лежать?

Она от неожиданности уронила телефон.

-Дин кого чёрта, я же просила помолчать! - немного злилась она, поднимая телефон.

-Я не могу, я устал сидеть в тишине! -отвечал он сестре.

-А мне нравится так бы и лежал все время! - говорил Сэм и добавил: - А когда мы всё-таки уже поедим?

-Ааа. Сэм и ты туда же! - отвечала Мари брату: -Ладно поехали, непоседы вы мои! - заводя машину говорила она.

Выехав с парковки на улицу, они направились в сторону дома. Дальнейший путь проходил в тишине, лишь не громко доносилась музыка в наушнике у Мари, которая игра в машине у ребят.

Добравшись до места, Мари и Дин заглушили свои машины, и вышли из них. Подойдя, к багажнику, где лежал, мужчина Дин открыл его, мужчина лежал на боку спиной к ним.

- Он там живой? - спросила Мари заглядывая через плечо Дина в его багажник.

- Живой! - разворачивая мужчину лицом к ним.

Мужчина щурился от яркого света, и открывал рот пытаясь, что-то

сказать.

-Глянь он сейчас на рыбу похож! - смеясь доставал из багажника мужчину говорил Дин.

Сэм перехватил его у брата и повел его впереди себя, Дин взяв, свою сумку с оружием захлопнул багажник, и с Мари последовал за Сэмом. Спускаясь по лестнице, Сэм вел впереди мужчину, которой озираясь по сторонам и не понимал, куда и зачем его привели, пытался что-то сказать, но у него ничего не выходило, Мари и Дин шли сзади.

- Ну води, где там у нас тюрьма! - пропуская вперед сестру спрашивал Сэм.

Она улыбнулась ему в ответ и пошла впереди, ведя за собой ребят, в то место где видела это помещение. Пройдя свои комнаты, и пару поворотов в коридоре, Мари подошла, к одной из дверей взяв за ручку сказала:

-Кажется здесь!

Повернув ручку, толкнула дверь, за ней было темно, но она все видела, видела, что помещение огромное и в нем множество клеток и не видно было им конца.

-Да тут не черта не видно! - всматриваясь в темноту говорил Дин

-Я бы так не сказала! -возразила ему сестра.

-Свет тут хоть имеется! -спрашивал Сэм.

-Да! -щелкнув выключатель ответила Мари брату.

И лампочки одна

за другой начали загораться, освещая все помещение. Когда они все зажглись все трое и мужчина-демон увидели огромное помещение с клетками, которые были разной длины и ширины.

- Ну нифига себе! - удивился Дин потирая свой затылок.

-Интересно, что мы еще тут найдем! -Сэм был тоже удивлен увиденным.

Открыв, одну из первых клеток Сэм усадил, мужчину на кровать, тот так же озираясь, по сторонам все еще не понимая где он. Выйдя из клетки, Сэм запер ее за собой.

-И как дальше с ним быть? -повторил снова свой вопрос Дин.

-Ну кормить его не нужно, он наелся лет на триста, а может и больше, предлагаю давать ему только воду! - отвечала Мари брату

-А как его семья, ведь его могут начать искать? -спросил тут же Сэм.

-Ну как обычно копы поищут пару дней и объявят его без вести пропавшим, надеюсь у него не было семьи! -отвечала Мари брату

-Ладно пошлите отсюда! -призывал брату и сестру Дин.

Погасив за собой свет, оставив лишь одну лампу гореть над клеткой с мужчиной, все трое вышли из комнаты и закрыли за собой дверь. Забросив ноги на стол и чуть отклонившись на стуле,

Мари закрыла глаза. Дин и Сэм сидели рядом пили пиво.

-Ну и ночка была! - нарушил тишину Дин.

-Да первый раз мы так удирали от полиции! - согласился с братом Сэм сделал глоток пива.

Мари молчала, сложив руки в замок на затылке.

- Эй ты спишь что ли? - обратился к ней Дин.

-Нет, я вас слышу! -не открывая глаз отвечала она брату.

-Где ты так ездить научилась? -спросил Сэм.

-На улицах, и гонках, когда сбежала из дома и не знала, что мне делать, познакомилась с Энтони, он меня приютил по началу, научил ездить, потом рассказал, как можно зарабатывать на гонках! - рассказывала Мари опустив ноги со стола.

-Ясно, вы до сих пор общаетесь? - поинтересовался Дин.

-Нет... (сделав небольшую паузу), он разбился на машине, это был несчастный случай, машина на которой я сейчас езжу, принадлежала ему, это все, что мне осталось от него! - со слезами на глазах отвечала Мари.

-Эй не расстраивайся, все хорошо, мы теперь с тобой! - успокаивал сестру Сэм, кладя свою руку, на ее руку.

- Да, ты теперь с нами! - согласился с братом Дин положив чуть выше запястья свою руку на руку Мари.

-Спасибо мальчи-

ки! -улыбнулась она братьям положила свою руку на руки ребят. - Ладно, развела тут мокрое дело, вы есть хотите?

-Не отказались бы! -отвечал Сэм, Дин кивнул головой в знак своего согласия с братом.

-Отлично, пойду тогда что ни будь нам состряпаю! -вставая из-о-стола говорила Мари, и направилась на кухню.

-Надеюсь она не пошла по наклонной тогда, как многие это делают! - делая глоток пива говорил Дин.

-Я не думаю, что она пошла по не правильному пути, так бы мы никогда не узнали о ее существовании, она не стала б тогда охотником как мы с тобой! - отвечал брату Сэм.

-Спасибо Сэм, что ты так меня защищаешь, мне приятно и так этого не хватало! -улыбнулась Мари помешивая картошку на сковороде.

Попужинав Дин, решил спросить у сестры:

-Где ты так научилась готовить?

-Тебе что не нравится? -вопросом на вопрос спросила Мари.

-Что ты, все очень вкусно! -опередил брата Сэм.

-Мама научила! - улыбнулась Мари ему в ответ.

-Молодец твоя мама была, я раньше ничего подобного не видел и не ел! -вытирая рот салфеткой говорил Дин

-Ну еще бы, я ведь

на половину русская! - собирая тарелки и пожимая плечами отвечала Мари

-Погоди ты хочешь сказать твоя мама родом из России? - удивленно спрашивал Сэм у сестры.

-Ага! -отвечала ему Мари уходя уже на кухню.

-Круто, интересно отец знал об этом! -так же был удивлен новостью Дин.

На следующие утро.

Прозвенел звонок. Браин сидел и смотрел в окно, учитель рассказывал материал, урока, но он его не слушал, Браин смотрел в окно, следил за тем как капли дождя медленно и одиноко стекали по стеклу. И вдруг он почувствовал, как что-то ударило его по уху, он провел рукой, но нечего не нашел, тогда он решил осмотреться по сторонам, и увидел, как его одноклассник, задира и забияка провел своим пальцем по горлу и шёпотом сказа:

-Ты покойник, Браин!

-Дилан, повтори, что я сейчас рассказывал? -одернул его учитель.

-Эм...! -замялся он.

-Как всегда вы не слушаете, вы и Ставинский останетесь после уроков! - говорил строго учитель.

-Меня то за что? - возразил учителю Браин.

-Еще одно слово Ставинский, и вы будите

наказаны еще на одни час! -в ответ возразил учитель Браину.

-Но...! -на половине фразы Браин замолчал, так как не хотел заработать лишний час в обществе Дилана.

Оставшиеся время урока, для Браина казались муками, минуты тянулись, казалось, что звонок никогда не прозвенит. И вот, наконец, он предательски зазвонил.

-Дома прочтите со страницы 627 по 640, завтра буду спрашивать! - говорил задание учитель почти уже вставшим из своих парт ученикам.

Браин остался сидеть на своем месте, отбывать не за что свое наказание, со своим ненавистным одноклассником, который время от времени плевался с ручки в него бумажкой. Браин терпел выходки одноклассника, упорно сидел, писал домашнее задание, зная, что дома ему не дадут этого сделать его нормально, его вечно пьяный отчим будет гудеть со своими собутыльниками до утра, то и дело, заставляя Браина бежать за добавкой. В этой тишине секундная стрелка отбивал громко свои секунды до окончания наказания.

Учитель сидел и проверял тесты учеников с других классов, не обращая внимания, чем занят Дилан, который не прекращал плевать в Браина. Посмотрев на часы, он сказал:

- Наказание окон-

чено, вы можете идти по домам!

Дописав, последнее уравнение Браин наклонился за своим рюкзаком, как ощутил, что-то тяжелое ударило по голове, потирая ушибленный затылок и приподнявшись, он увидел, что это был рюкзак Дилана, который язвительно ему улыбнулся, когда Браин смотрел в его сторону. Собрав свои вещи в рюкзак, проходя мимо учителя попрощался с ним:

-До свидания, сэр!

-Браин! -окликнул уже в дверях его учитель.

-Да сэр? - повернулся Браин на зов учителя.

- У тебя все в порядке, в последнее время твои оценки ухудшились! - с сожалением в голосе спрашивал учитель его.

- Да сэр, у меня все в порядке, по дому просто много дел! -с грустью в глазах попытался улыбнуться Браин в ответ учителю.

-Ладно иди домой! -ответил учитель.

-Спасибо, до свидания сэр! -ответил Браин и вышел из класса.

-До свидания Браин! -прощались учитель с ним, с сожалением смотря ему вслед.

Выйдя, из класса Браин побрел, по пустым коридорам школы к выходу. Выйдя из школы, побрел в сторону дома. По дороге пиная камни и палки, попадавшие на пути. И вдруг он почувствовал толчок сзади и упал

на асфальт, и за спиной раздался смех и голос:

-Смотри под ноги, слизняк!

Повернувшись, и подняв голову Браин увидел, своего одноклассника Дилана в окружении двух ему не знакомых парней, немного старше его, они стояли рядом с Диланом и смеялись над ним.

-Что тебе нужно, Дилан! - с небольшой злостью в голосе вставая спросил Браин одноклассника.

-Чтоб ты не ходил по этой улице и не дышал этим воздухом! -толкая Браина отвечал Дилан.

-По улице ладно, но воздух не твой, его нельзя присваивать! - попытался дерзить ему в ответ Браин.

-А тебя никто не спрашивает об этом! - отвечал ему Дилан и захватил кулаком Браину в область правого глаза.

От удара Браин вновь упал на асфальт, держась за глаз.

-И не смей мне больше дерзить, слизняк! -говорил Дилан пнув Браина по ноге. И с этими словами развернулся и, смеясь, ушел в противоположную сторону от Браина.

Поднявшись, с асфальта и отряхнувшись Браин побрел, в сторону своего дома. Подойдя к нему Браин с грустью посмотрел на него, из него доносились пьяные возгласы и ругань отчима и его собутыльников. Открыв дверь дома вошел в

прихожею, где его чуть не сбил вывалившийся из комнаты собутыльник отчима.

-Браин, ты приперся наконец! - заплетающимся языком говорил отчим из гостиной.

-А ты опять пьяный, работать кто будет? - отталкивая от себя пытающегося обнять его собутыльника отчима.

-Я работаю! - пытаюсь встать с дивана отвечал отчим.

-Где мама? - спросил его Браин.

-Я не знаю где твоя чертова мать, опять где-то шляется! -отвечал отчим шатаясь направляясь к столу, по пути поправляя падающие с него штаны и добавил: Лучше пиво с принеси!

-Обойдешься! -с призрением отвечал ему Браин, и добавил: Да отвали ты от меня! - отталкивая от себя собутыльника отчима, который пытался вновь его обнять.

Поднявшись к себе в комнату, кинул рюкзак на кровать, и вышел в поисках мамы.

-Мам, ты где? -звал он маму.

-Я на кухне сынок! - раздался голос матери с кухни.

Браин пошел на голос матери. Зайдя на кухню, он увидел, что мама, что-то готовит на плите. Подойдя ближе, он увидел, что половину лица ее прикрывают волосы.

-Мам, с тобой все в порядке? -спросил он у

матери.

-Да мой хороший, ты есть будешь, как день прошёл? - мешая что-то в кастрюле, отвечала ему мама.

-День прошёл нормально, есть буду! - отвечал ей Браин.

Подойдя, еще ближе к маме Браин все-таки решил узнать, что за волосами скрывает она. Аккуратно отвел рукой волосы, и увидел, что у мамы синяк почти на всю правую сторону.

- Он опять тебя бил? -возмущенно спросил он у мамы.

-Нет сынок, я ударилась об косяк в кладовке! -засмутившись ответила ему мама.

-Не ври мне, он тебя ударил, этот мерзкий паданок! -сжав кулаки и направившись к выходу из кухни чтоб поговорить с отчимом.

-Браин, сынок не делай этого, прошу тебя! -останавливая сына просила Мелиса.

-Но мам, посмотри на кого ты стала похожа! -с грустью в голосе отвечал Браин маме.

-Это все пройдет, мой маленьких защитник, иди на верх к себе в комнату! -глядя по голове сына говорила мама.

-Но мам! - возмутился Браин.

-Не возражай, иди к себе! -улыбнулась Мелиса сыну.

-Хорошо, как скажешь! -беря яблоко с вазы на столе и направляясь из кухни к себе в комнату,

отвечал Браин маме.

Проходя, мимо зала, где пьянствовал отчим, Барин с призрением и злостью посмотрел в его сторону, сжав до боли, кулаки был готов накинуться на него, но вовремя вспомнил, о чем просила его мама, так и пошел, по лестнице к себе не разжимая кулаков. Отчим, заметив его заплетающимся языком, обратился к нему:

-Браин, чертов паршивец, где мое пиво!

-В магазине, козёл! - со злостью в голосе отвечал Браин ему.

-Кого хрена ты не сходил и не купил нам еще пива! -пытался угрожать Браину отчим.

-Сам сходи и купи, чертов пьяница! -так же со злостью отвечал Браин, поднимаясь дальше по лестнице, не обращая внимания на дальнейшие крики отчима.

-Браин, вернись, я кому сказал, сукин ты сын! -ругался пьяный отчим.

Захлопнув за собой дверь своей комнаты, Барин, со всей силы ударил ногой в чемодан с игрушками, что стоял в ногах его кровати. Он хотел, все крушить, отомстить отчиму, всем своим обидчикам, всем тем, кто смеялся над ним и его семьей. Подойдя к шкафу с книгами, ударил кулаком в стоящие в нем книги, шкаф пошатнулся и одна из книг упала на пол, и из нее выпал свернутый листок бумаги, присев на

корточки, Браин взял в руки свернутый листок бумаги и развернул его. На нем было нарисовано лицо человека похожего на ящерицу и надпись странным образом под рисунком была написана, он еле прочитал ее:

-Кэнама, что за хрень, и как ты тут очутился! -удивился в конце он.

Но написано на листе заинтересовало его, и он попытался прочитать его.

-Дугаэ, Нанима, Гаруэ Кэнама, Гаруэ Кэнама! -прочел Браин вслух и на последней фразе ударил гром и сверкнула молния, в окно подул сильный ветер, Брани подскочил от страха. Подойдя к нему, увидел, что за ним льет сильный дождь.

-А всего лишь гроза! - закрывая окно говорил он и потом добавил: - А это хрень какая-то! - и бросил на пол листок с рисунком ящерицы с лицом человека, и упал на кровать, так одетым и уснул.

Но он и не подозревал, что это были не просто рисунки и надписи на нем, а заклинание которые вызывает оборотня-ящерицу, который зовётся Кэнама, прочитав его Браин сам того не зная вызвал его.

Была уже глубокая ночь, как за окном перестал идти дождь, луна вышла на чистое небо и освещала ночной город. Как вдруг за окном промельк-

нула чья-то тень, Брани сопел на подушках, отчим и его собутыльники спали в низу кто, где упал, Мелиса спала в своей комнате. В комнате Браина аккуратно и тихо начало открываться окно, тень за ним начала пробираться в комнату, и в лучах лунного света, попавшего на тень, начал вырисовываться ее силуэт. Это был человек, но все тело было покрыто зеленой чешуёй, сзади был большой и длинный хвост, вместо носа были две маленькие прорези, словно у змеи, на руках и ногах были толстые и закрученные когти, зубы были заостренные как у акулы. Это существо опустилось на четвереньки медленно и осторожно начало двигаться по комнате Браина, поободравшись ближе к кровати, на которой сопел Браин, ящер наклонился над ним, как бы обнюхивая его.

Браин сквозь сон почувствовал над своим ухом какое-то дыхание, провел рукой по уху как бы отмахнувшись. Ящер немного отступил, когда Браин провел рукой по уху, и снова наклонился над ним. Браин снова почувствовал, чьё-то теплое дыхание над своим ухом, открыв глаза, и повернувшись на дыхание и прямо перед собой увидел лицо ящера, от страха попятился назад и упал с кровати. Ящер тихонько и осторожно двинулся к Браину, он уперся спиной в шкаф с книгами, сердце бешено

колотилось, в глазах был страх. Ящер опустился с кровати и сел рядом с Браином, не собиравшись причинить вреда ему.

Браин не понимал, почему ящер не трогает его и не пытается убить, страх постепенно отступал, сердце постепенно успокаивалось. Браин не отрывал взгляда от ящера, а он от него, он наклонил голову немного в бок, ящер сделал тоже самое повторив движение Браина. И Браина вдруг осенило, что ящер подчиняется ему и не тронет его.

-Так ты Кэнама! - вставая обращался он к ящеру-оборотню.

Ящер наклонил, немного голову как бы ответив на заданный вопрос Браином.

- Значит и сделаешь что я прикажу? - снова спросил Браин у своего нового друга.

Ящер снова наклонил голову в сторону, тем самым сказав: "Да хозяин я сделаю, все что прикажете!"

- Класс! - обрадовался Браин и в его глазах сверкнул огонёк и добавил: -Убей моего отчима и его дружков!

Ящер повернул к двери комнаты Браина и пополз в зал, где на диване храпел отчим Браина, и его собутыльники, Браин последовал за ним, чтоб посмотреть расправу над своим отчимом.

Автор: Мария Гамиева

Рожденная воцном. Врата Нурберила

Глава семнадцатая.
"Медведь".

На далеком западе близ Сервенского полуострова расположен довольно крупный остров, который носит имя знаменитого морского разбойника. Остров Хлоя-Корсара. Никто не знает почему, но открыт он был впервые именно пиратами. Непризнанные на суше, приговоренные к смерти и просто любители легкой наживы, они нуждались в пристанище, и таковое было найдено. Говорят, первыми пиратами, ступившими на необитаемый остров, были тирейцы, из других источников известно, что его открыли аквалонцы. Но сам Морской народ ведет отсчет от появления в водных долинах грозной "Мореи" под предводительством капитана Назара. Матёрый морской волк с обгоревшим под палящим солнцем лицом и выцветшими волосами, когда-то имевшими иссиня-черный цвет, этот человек наводил ужас на торговцев, возивших товар по морю. Его команда состояла из нескольких сот отчаянных головорезов, и один ее вид заставлял противника поверить в собственную никчемность пред любимцами

судьбы. Бывали, правда, и промахи, и тогда Назар возвращался в порт Южного Квирса ни с чем. Он был известен в море Атлантов как беспощадный головолом, но его слова распространились и дальше. Одно его имя устрасало бывалых моряков, а вид морского змея на флаге "Мореи" заставлял их поспешно сворачивать с курса и улепётывать на вёслах.

Существует немало песен и легенд среди пиратов о Назаре, но ещё больше их сложено о Хлое, человеке, сплотившем весь морской народ воедино и установившем на острове первый свод правил. Родину человека, в честь которого назван остров, не могут определить даже сами пираты. Среди них бытуют разные версии, которые подкрепляются порой не только словом, но и кулаком. Будучи мальчишкой Хлой устроился юнгой на одном торговом судне (названий этого корабля так же много, как и версий о родине героя). С ранних лет паренька мучила мечта о море, втайне ото всех он бредил приключениями отважного Назара и хотел быть похожим на него. Так уж случилось, однажды судно, на котором он плавал, за-

хватили морские разбойники. Рискаю жизнью, Хлой бросил свою команду и, пробравшись на корабль захватчиков, спрятался в трюме. В пылу битвы его никто не хватил. Лишь спустя пять суток нашли проворного парня, и тогда он потребовал встречи с Назаром. Капитан, удивленный его упрямством и невероятной наглостью, все-таки согласился доставить Хлоя на остров, но при условии, что тот будет выполнять на его корабле самые грязные работы. Когда грозный Назар увидел мальчонку, он сказал пророческие слова: "Этот сопляк станет славным пиратом, если не сломается. А уж если сломается, его сожрут мои псы".

Хлой выдержал все, не сломался. Набравшись сил и опыта, он со временем занял освободившееся место легендарного Назара. Его "Смерч" наводил ужас и трепет на мирные корабли, а рассудительность была достойна правителя. Капризная удача улыбалась его головорезам своей беззубой ухмылкой все шире. Больше всех страдали от них сунгарцы, но когда место людей на полуострове заняла Нахру, кровавый сезон начался уже для корсаров. Истребив все насе-

ление Сунгарда под корень, чудовище стало искать добычу на острове. Поселение на его северной оконечности превратилось в пепел за один лишь день. Теперь, правда, там вновь стоят хижины моряков и их семей, но селение до сих пор носит название Черной Бухты. Противостоянию между Нахру и пиратами положил конец сам Хлой. В преданиях говорится, что он оставил своих людей у Нахругарда, а сам в одиночку отправился внутрь. Замок встретил его враждебно. Хлоя ждали целый день, крики и стоны раздавались за проклятыми стенами, и пираты уже не поднимали взгляда, чтобы увидеть условленный знак. В крошечной темноте, когда на землю чёрной птицей опустилась ночь, тишину прорвал душераздирающий вопль, и все мужчины вмиг повскакивали на ноги. Все они увидели, как из бойницы на центральной башне перевалился седой старик со стягом в руке. Это был непобедимый Хлой-Корсар. Он вышел из замка, шатаясь и хромя на обе ноги, но, увидев встречающих его пиратов, преобразился и пошел уже ровным шагом, сжимая челюсти до судорог, чтобы скрыть ото всех боль. "Я выжег ей глаза! - выпалил Хлой. - Она теперь слепа и не пойдет на мой остров. Я ей не позволю!". Сказав так, грозный пират рухнул на сожженную землю.

На остров героя привезли в бреду и тяжелых ранах. Несколько недель над его жизнью бились лучшие врачи из Хорувии, которых привезли сюда силой. Корсар выжил и первым делом, встав с постели, сбрил наголо поседевшие за день волосы. О том, что же произошло в замке, он никому и никогда не говорил, и лишь хмурился, когда видел на горизонте очертание Сервенских земель.

Остров Хлоя-Корсара по праву мог считаться родиной Морского народа, несмотря на то, что большинство из них родилось не здесь. Многие пираты уже давно обзавелись домом и детьми. Другие, как перекачиполе, мотались по морским просторам, не найдя себе покоя ни в одном порту. Таким был и Халдей, в прошлом капитан бесстрашного трехмачтового фрегата "Медведь".

После пятой кружки забористой браги, поглощаемой в грязной пивнушке Горкинса, он уже почти перестал обращать внимание на ехидные усмешки собравшихся здесь мужиков и подколки полупьяных потаскух. Конечно, все они позабыли его заслуги, его славу после того, как паршивый Варог оставил его на суше в объятиях дешевой бабенки. Если надо, эта сучка еще получит свое, но сейчас она волновала Халдея меньше всего. Весна вступала в свои

права. Сколько времени он проморил здесь приятелей, обещая вскоре дать им шанс показать себя? Все одиннадцать соратников, в том числе эльфа и одноглазый, были вместе с ним на острове. Поначалу местное население было им, мягко сказать не радо, но со временем разница между обитателями острова Хлоя-Корсара и чужеземцами стерлась. Более того, их стали принимать совсем как своих.

— Эй, красавчик, улыбнись пошире! Мне говорили, твоя улыбочка сражает наповал! — Темноволосая девица, увешанная золотыми побрякушками, подарками оставшихся довольными мужчин, бесцеремонно плюхнулась на колени Халдея. Выхватив из рук разбойника глубоченную кружку с брагой, она жадно прильнула к ней губами, и, осушив до дна, выжидающе уставилась на свою добычу.

— Ну, давай, повесели меня!

— Уверяю, тебе будет не до смеха, когда мы поднимемся наверх, — произнес Халдей, поглаживая ее загорелое бедро.

— Саранна, оставь его в покое. У этого пса в карманах только ветер свистит! — донеслось откуда-то из темного угла.

Разбойник дернулся было встать, чтобы достойно ответить, но горячее, приятное на ощупь тело девицы прижалось к нему с дикой страстью.

— А мне все равно!
— выкрикнула Саранна так, чтобы все ее расслышали. — Мне он нравится, — её алый ротик с привкусом вина впился в губы Халдея.

Сегодня капризная Кайра-судьба ему улыбалась, но треск деревянной двери, так резко встретившейся с прокопченной стеной, заставил пирата вмиг отрезветь. В пивную ввалился ликующий Треворн. Он был стар, но за долгие годы так и не избавился от непомерной жадности и доли подхалимства, притом имел обвислое брюхо и хромоту на левую ногу.

— "Медведь" только что причалили к берегу! "Медведь" прибыл в Квирс! — провозгласил он чуть визгливым голосом, обнажив полусгнившие зубы.

Народ в трактире заметно повеселел. Эта новость обещала иметь интересное продолжение. Всем, ну или почти всем, в поселении Южного Квирса было известно о проделке Варога и лютой ненависти к нему Халдея. Среди мужиков завязался спор, они уже решали — быть драке или же нет, а Треворн, тем временем, пробрался к сохраняющему молчание разбойнику. Тот с каменным лицом посадил Саранну на край стола и потянулся за кружкой.

— Хой, Халдей, твой смертный враг наконец-то прибил. Может, ты его поприветствуешь, как

следует, или и дальше будешь прятаться за баб и поджимать хвост, как плешивая псина? — ликующе произнес обрюзгший старикан, положив черную от вьевшейся грязи ладонь на спину Халдея.

Он не успел опомниться, как мощный удар железным дном кружки по лбу уложил его на пол. Перед глазами все вмиг завертелось. Сжав челюсти, пират переступил через валяющееся тело и направился к выходу.

— Красавчик, а как же я?! — крикнула ему вслед Саранна, но её слова остались не услышанными.

Не теряя ни секунды, он шел прямо на пристань. Если Треворн его не обманул, корабль должен был быть там. Халдей узнал бы его и из тысячи других. Однажды покрашенный в пьяном угаре "Медведь" имел черные борта и в довершение к ним такие же черные паруса. Такой вид наводил на торговые суда еще больший ужас, и Варог наверняка не стал бы менять его облик.

Добравшись до пристани, Халдей остановился. Его предположение оправдалось. Там, среди других пиратских кораблей разных мастей и расцветок, из Тирея и Аквалонгарда, и даже из эльфийских земель, черным самоцветом сиял его "Медведь". И снова невыносимая тоска по морю дала о себе знать. Да, у него была "Речная жемчу-

жина", так любезно "подаренная" хорувийцем, но разве могла она сравниться с этим красавцем? Картину портила лишь фигура загоревшего, мускулистого человека в легкой рубашке без рукавов и ярко-синих шароварах. Он, казалось, не боялся вечернего мороза и усмехался над дрожащими парнями, новой командой "Медведя". Он забавлялся их ворчаньем и время от времени проводил широкой ладонью по длинным черным усам, единственному украшению рта и волевого подбородка, да в общем-то и всей головы. Бритый затылок капитана блестел на солнце. Он, заразительно смеясь, спустился по трапу на причал, когда вся его команда отгрузила на сушу богатую добычу. На берегу уже столпился разношерстный люд. Все они встречали нового героя радостными криками и свистом.

— Я привез много добра! — сообщил Варог обступившей его толпе. — Сегодня будет пир.

Уперев сжатые кулаки в бока, Халдей вышел тому навстречу.

— Сегодня будет бой, — поправил он его.

Взгляд Варога мгновенно скользнул по старому соратнику, оценивая насколько тот опасен. В его карих глазах Халдей заметил страх и недоумение, но капитан "Медведя" быстро справился с собой и нахально произнес:

— Я думал, эта девка тебя уморила своим зельем. Я ей тогда сполна за это заплатил.

Толпа вокруг заворчала и расступилась, образуя достаточно широкий круг. Самые сообразительные уже принимали ставки.

— Ты предатель, Варог, а ведь я когда-то считал тебя братом, — ответил Халдей.

— Братом?! — рассмеялся вдруг усатый головорез. — Велика ли честь быть братом позднего выкидыша тирейской шлюхи?!

— Ты проклянёшь эту шлюху, когда я выпотрошу твой живот.

Не отрывая взгляда от противника, Халдей выхватил из ножен меч и бросился на него. Лязг металла резанул по слуху собравшихся людей, но воины, казалось бы, этого не услышали. С шумом втягивая ноздрями воздух, разбойник из Тирея напряженно обходил Варога слева. Тот, поигрывая привычным палашом, по форме напоминающим ковш, двигался в такт, улавливал каждый новый взмах противника и блестяще отражал его удары. Ставки на капитана "Медведя" резко возросли, но и Халдея еще не совсем списали со счета. Бой был в самом разгаре.

Покрепче обхватив извивающуюся змеёй рукоятку, разбойник сделал пару обманных выпадов, отступил назад и опустил меч на незащищенную

голову Варога. Тот, словно ожидавший такого маневра, резко выставил вперед палаш, одновременно развернувшись и отведя лезвие. Халдей ударил снова, на этот раз в область живота. Враг был ловок, но он с трудом отразил этот удар. Глаза Варога испуганно заблестели, руки по-прежнему продолжали выставлять защиту от сокрушительных выпадов Халдея.

Всё в округе замерло, наблюдая за поединком двух пиратов.

— Ты сдохнешь, как свинья, в луже грязи! — выкрикнул грозно Варог.

Ответа не последовало. Халдей одурел, в его висках пульсировало единственное слово "мечь". Он яростно зарычал, оставив на хлопчатой рубашке противника кровоточащую полоску, но удар был не столь силен, и меч вспорол лишь кожу на широкой груди кочевника. Его враг с презрением плюнул в сторону. Не сдерживая гнева, разбойник бросился в атаку, но Варог, раздражив его, ловко ушел в сторону и наотмашь рубанул мечом. Что-то теплое и липкое засочилось по плечу. Халдей едва не рухнул, прогибаясь под нажимом палаша. Сжав челюсти, он вывернул меч в сторону и рывком встал в изготовку. По обезображенному ненавистью лицу пробежала ухмылка.

— Орк меня дери, я не верну "Медведя"! —

гаркнул Халдей во все горло.

По толпе пробежал одобряющий гул.

— Надери задницу Варогу! — выкрикнул кто-то.

Усатый пират сверлил его глазами. Он переводил дыхание, обдумывая заодно тактику битвы. Но вот их мечи снова сошлись. Меч Эль-Наур против abordажного палаша. Длинный жилистый тиреец против мускулистого вангола. Когда-то они были друзьями, делили еду, добычу, служили одному командиру, старому Трою. Но вот один занял место главаря, а другой прогнал завистью, мечтая по ночам о более жирном куске и всеобщем подчинении, желая втайне смерти своему соратнику.

Халдей был неумолим. Несмотря на внешнее преимущество, Варог скрипел зубами под его натиском. Он готов был на все, чтобы одержать победу, правда, его подножки на противника совсем не действовали. Загорелый лоб покрылся испариной, безрукавка пропиталась кровью в месте порезов. Отражая новый выпад Халдея, уже не столь легко, как в самом начале поединка, он схватился за широкий, вышитый птицами кушак. В левой руке сверкнул нож. Народ вокруг дерущихся загудел еще больше. Совершенно одуревший от запаха крови, тиреец перехватил нож на расстоянии трех пальцев

от правого бока, (мерзавец метил под ребра, прямиком в печенку) и выкрутил запястье наружу. Варог сдержал крик боли. Он не собирался сдаваться, даже упав на колени, но в следующий миг Халдей с разворота ударил ему ногой в лицо. Тот повалился на спину, нос мгновенно распух, и из него двумя ручейками потекла кровь. Утерев ее ладонью, Варог рванулся за палашом, но не успел его взять. Кулаком в лоб Халдей вернул его в исходное положение. Сжимая в руке меч, он принялся бить врага ногами, а тот, едва собравшись с силами, ухватил его за голени и дернул на себя. Тиреец, защищая голову от падения, оказался на песке. Варог тут же набросился на него сверху, сжимая кадык и нанося удары. Халдей же мертвой хваткой сдавливал его горло. Хрипя и задыхаясь, оба пирата катались по песку. Людской сброд начинал переживать за свои ставки.

— Огрей его камнем! — донеслось из толпы. — Сбоку! Ну же!

Кому из них предназначался этот совет — неизвестно, но оба вмиг завертели головами. Увидав лежащий неподалеку булыжник, они потянулись за ним, как за единственным шансом вырвать победу у противника. Варог злостно выругался — руки у Халдея оказались длиннее, и он,

не теряя ни секунды, вдавил камнем по голове. Этого ему хватило, чтобы освободиться от удушающей хватки Варога, дотянуться до своего меча и вскочить на ноги. Он наслаждался приветствующими возгласами пиратов и их подруг. Поверженный пират, пошатываясь и держась за висок, поднялся на ноги. Из-под его пальцев сочилась алая кровь.

— Хочешь прикончить меня, как старика Троя?! — сдавленным голосом сказал он. — Чем тебе так дорога эта посудина? Она что, заменяет тебе женщин? Что ты хочешь от меня, скажи?

— Мне ничего не нужно, только свобода, — отвечал Халдей, глядя на изможденного боем кочевника. — "Медведь" подарил мне свободу. Люди — неблагоприятные выродки, они не могут быть верны, им всегда хочется чего-то получше да побольше. А корабль никогда не предает.

— Стоит мне показать, и эту посудину изрубят в щепки, а тебя вздернут на нок-рее и оставят там висеть.

Лишь только обрета твердость в ногах, Варог схватил палаш и бросился на опустившего оружие тирейца. Халдей отпрянул, выставив перед собой клинок. Неуверенно он отразил удар, но тут же Варог ринулся на него снова, и тогда разбойник, сделав пару маневров, ударил его в грудь. Лез-

вие прошло меж ребер, воцарилась тишина, и в этой тишине Халдей слышал хруст разрываемой плоти. На лице усатого пирата исказилось недоумение вперемешку с лютой ненавистью. Ноги бессильно подкосились, и он во второй раз оказался на коленях.

— Будь ты проклят! Ты и вся твоя паршивая команда. Каждый раз, выходя в море, ты будешь вспоминать меня, не будет тебе покоя. Не будет тебе свободы! Проклинаю тебя, Халдей, сын шлюхи, — изрыгая кровь, прохрипел Варог.

Это было последней каплей. Рывком выдернув меч, Халдей занес его над собой и наотмашь рубанул в воздухе. Лысая башка с длинными усами слетела с плеч и покати-лась по песку. Спустя миг рухнуло и тело.

Встряхнув головой, разбойник тяжело опустился на колено и вытер сталь об одежду мертвеца. Предателей нельзя щадить, иначе они могут стать еще одной неприятностью на жизненном пути, а их у Халдея и без того было немало.

— Эй, вы все! — крикнул он, расправившись во весь рост. — Что, начесали языки? Зарубите себе на носу, "Медведь" — мой. И я разорву любого, кто хоть раз заикнется о правах на него. Где эти молокососы? За что им только Варог платил?!

Толпа постепенно рассосалась по берегам.

Удовлетворив интерес и получив свои деньги, поселенцы покинули место схватки. На причале остались только люди Варога, несколько изможденных торговцев и ошарашенная, но восторженная Саранна.

— Значит, так, - решил сразу к делу Халдей, холодно отстранив девушку. — Остаться или уйти — ваше дело. В любом случае у меня есть на примете еще одиннадцать лихих парней, кроме того я собираюсь отыскать своих старых приятелей. Меня зовут Халдей, если кто еще не слышал. Я капитан "Медведя", хотите вы этого или нет. Я устанавливаю правила игры, и если кто-то с этим не согласен, — он усмехнулся, поправляя крепление ножен на поясе. — Тому не завидую.

Молодые моряки, конечно же, были не в восторге от резкой смены капитана, но и мстить за вспыльчивого Варога никто не собирался. Один из них, паренек, увешанный дюжиной метательных ножей, сделал шаг вперед.

— Команда требует отдыха, — произнес он, абсолютно уверенный в решении товарищей. — Я думаю, недельку-другую мы погудим, ну а потом, — отвесив поклон, парень запустил пятерню в копну русых волос и, продолжая чесать, сказал. — Мы к вашим услугам, капитан.

— Как зовут, малый? — поинтересовался

Халдей.

— Друзья Шмыгой кличут, — ответил тот и словно в доказательство вытер нос пальцем.

Он крепко сжал протянутую ему руку и, когда Халдей, молча, собрался уходить с пристани, поспешил за ним, позвав заодно и оцепеневших товарищей.

Путь победителя лежал к пивной Горкинса, чтобы отметить возвращение корабля и познакомиться со своей новой командой. Сам хозяин заведения встречал его на пороге, выкатив из погреба свое лучшее вино. Все в небольшом поселении уже знали о смерти Варога и наверняка в самых извращенных подробностях. Людская переменчивость бесила Халдея. Совсем недавно он был для них грязным псом, теперь же стал героем дня. Надолго ли? Но, несмотря на это, он наслаждался всеобщим вниманием и готов был играть под их дудку. Если сброд хочет видеть его мстительным безумцем, пусть так и будет. Резвая Саранна всю ночь крутилась возле него и возбуждала своими округлыми формами. Правда, вскоре в трактире появилась Мин-Айрин, и пыл девицы немного поутих. Дальнейшее знакомство с моряками открыло Халдею новые события, происходящие на большой земле. Оказывается, горные орки объявили войну Нусану и продолжают завоевывать его восточные

земли, в столице творится кавардак, после смерти старого короля власть захватил его младший сын и, если бы наследник не возглавлял армию, разгорелась бы драка за трон. Об этом Халдею поведал Шмыга, который сам был оттуда родом. Разбойник, вспомнив о горячей нусанке, вмиг посерьезнел и, потупив взгляд, уткнулся в наполненную вином кружку. Двое других моряков с жаром рассказывали о том, что Нусан, не справляясь своими силами, разослал гонцов в Уборию и Андор с просьбой поддержать людей в борьбе с проклятыми детьми Хрездрога. Зашевелилась Хорувия, призывая соотечественников к готовности. Пирушка продолжалась до первых лучей солнца, а утром уставшей эльфе удалось при помощи безотказного Шмыги дотащить Халдея до кровати.

Мсть свершилась. Коварный предатель получил по заслугам, а истосковавшийся по морю капитан возвратил себе былое уважение среди Морского народа и корабль. Завтра он займется командой и разбором добычи, завтра он сделает первый шаг к осуществлению мечты. Всё это завтра, а на сегодня, эти несколько часов до утра, необходимо просто хорошенько отоспаться.

Автор: Хиль Де Брук

Легковеры Хроноса

Глава 7

Красавицы и чудовище

Лазерная дуэль длилась уже пятый час. «Щит» перешел в режим обороны, как и мы. Если это и есть его мощь, тогда я разочарован. Через двенадцать часов в систему войдет вторая флотилия с «Наташей», надо разобратся раньше.

Экипаж выглядел уставшим. Страх снова отошел на второй план.

— Приказ «Лине», - произнес я. — Защита — режим желтый, ракетная атака по противнику.

— Есть! — отчеканила помощница и передала приказ второму кораблю.

Через несколько мгновений в сторону вражеского судна полетели ракеты. Лазерные установки противника сфокусировались на них.

— Деструкторный удар врагу! — приказал я.

— Так точно! — ответил оружейник. — Выполняю деструкторный удар.

Защитное поле на секунду отключилось, выпуская деструкторную волну в сторону противника. Атаки по ракетам прекратились, защитное поле вокруг носовой части исчезло, нос противника разрывали взрывы. Вот и всё, он уязвим. Не уничтоженные лазерами ракеты дос-

тигли цели, нанеся урон.

— Повторить удар!

— Противник высылает зонды-разведчики вперед себя. В большом количестве.

— Разведку? Сейчас? — удивился я, - он что, окончательно ослеп?

Я ошибался, это не разведка. Он выстраивал заслон перед собой. Второй деструкторный удар угодил в него, не нанеся кораблю урона.

— Он... - дрогнул голос помощницы, — он восстанавливает броню.

На экранах было видно, как нос корабля восстанавливается. Пластины обшивки снова застилали борт, защитное поле замерцало, прикрывая корабль.

— Черт! — выругался я. Ему нипочем наши атаки, он просто прикроется от них зондами и восстановит корабль.

— Запрос с «Наташи Колесник», — произнес связист, — они придут в наш сектор через тридцать минут, корабли противника не наблюдают. Запрашивают дальнейших распоряжений.

— Что? Почему так быстро?

— Не могу знать, — растеряно ответил связист.

Ладно, нет времени выяснять, почему они так быстро нагнали нас. Если использовать их как ко-

зырь? Сейчас мы прикрываем их. Они находятся позади нас. Вся эта цветная свистопляска устроенная нашими лазерами должна ослепить его датчики. Единственное, чем он может вести сканирование, это бортовые датчики, нос ослеплен. Тридцать минут, расстояние приличное. В таком положении он еще не засек их. Значит...

— Приказ по эскадре: «Лине» зайти в правый борт противника и усилить лазерный огонь. Задача: ослепить датчики противника.

Приказ «Наташи Колесник» и флоту леди Ли: наступать на противника прикрывшись нашим кораблем как щитом. Выйдя на оптимальную дистанцию для ракетного удара, атаковать противника ракетами. Наша задача: максимально ослепить датчики противника, чтоб он не смог заметить приближение флота леди Ли и крейсера «Наташа Колесник».

— Так точно! — связист и помощница дублировали приказ для других кораблей. Мы выходили на нужную позицию. По сути, наш корабль представлял борт под удар врага. Но мы атаковали его нос и борт, в то время, как «Лина» концентрировала удар на его правом борту. Таким образом, «Лина» становится приоритетной целью для них. Тут воз-

можно несколько сценариев развития событий. Первый, на который надеюсь я: «Щит» усилит оборону правого борта и временно «забудет» о нас, снизив интенсивность атак, сохранит свое положение. Второй: он сохранит интенсивность атак на обоих бортах, но что бы вести огонь более продуктивно, изменит положение, повернув борт более в нашу сторону. В таком случае, шанс засечь эскадру леди Ли возрастает, а значит мы должны вести непрерывный огонь.

«Лина» вышла на исходную позицию и усилила огонь. Мы развернули борт и тоже усилили огонь. Сначала противник не предпринимал никаких действий. Он продолжал занимать ту же позицию и вести огонь по нам. Через некоторое время, он начал разворачивать левый борт в нашу сторону, занимая более выгодное положение.

— Усилить лазерный огонь! — приказал я.

— Товарищ командующий, — произнес оружейник, — лазерные установки работают на пределе.

— Выполнять! — прикрикнул я.

— Так точно! — отчеканил оружейник. Не обращая внимания на усиливающийся огонь с нашей стороны, «Щит» продолжал маневр разворота. Он поворачивал свой нос в сторону «Лины».

— Что он делает? — риторически спросил я. Станный маневр. Двига-

тельный отсек самый уязвимый на корабле. Кроме кольца лазерный установок и щитов, его ничто не прикрывает. «Лена» и «Лина» стали клином, на острие которого двигатели. Тем самым наши бортовые орудия прикрывают двигатели друг друга. Он же, поворачивая корпус в такое положение, подставляет свой двигательный отсек под наши носовые орудия. Дистанция между нашими кораблями сокращалась.

Яркая вспышка озарила экран.

— «Лина» подверглась деструкторному удару! — пришел доклад.

— Состояние корабля? — быстро спросил я. Хотя и так понятно, что их правый борт слеп.

— Точных данных нет, — произнесла помощница. — Предположительно девяносто восьми процентная потеря всех датчиков на правом борту. Данных по вооружению нет.

— Товарищ командующий, — заснежил экран. На нем было лицо капитана «Лины Волковой».

— Доложите ситуацию.

— По нам был нанесен деструкторный удар. Потеря ста процентов датчиков правого борта. Автоматическая замена через три минуты сорок шесть секунд. Ракетные шахты повреждены, в строю всего три батареи. Лазерные установки сметены, правый борт под ударом. Мы совершаем вращательный маневр, для

сохранения боеспособности. Но враг атакует ракетами: четыре палубы восьмого сектора разгерметизированы, есть потери. Если бы не ваши лазеры, нас бы уже разнесли ракеты.

— Продолжайте маневр вращения. Мы усилим лазерный огонь в вашем секторе.

— Так точно, благодарю, — экран переключился на отображения ситуации в космосе. «Лина» делала маневр вращения, ведя оборонительный огонь по ракетам. «Щит» не предпринимал более попыток нанести деструкторный удар, давя нас ракетным и лазерным огнем.

— Сообщение от флота леди Ли: они на дистанции ракетного удара.

— Отлично! Приказ по эскадре: «Лине» отступать с линии огня не прекращая вращательный маневр, флоту леди Ли и «Наташе» открыть ракетный огонь по противнику. Ракет не жалеть, его просто так не уничтожишь. Нам предпринять маневр отхода.

— Так точно, уход и атака.

Корабли начали менять построение. «Лина», развернув двигатели, отходила вниз от нас, поворачивая корпус. Мы, как и «Лина», развернув двигатели, сделали маневр разворота и, став носом к «Щиту», начали отход. После удачной атаки на «Лину», «Щит» фактически не прикрывал носовую часть: лазерный

огонь максимально снизился, поле мерцало, выпуская тонны ракет. Поистине неисчерпаемый источник огневой мощи. Повернув нос к нам, он подставил его под удар. Он засек наши ракеты, но было поздно. Пройдя сквозь антидеструкторное поле, ракеты развратили его нос.

— Открыть ракетный огонь! Остальным, не прекращать его!

Огромный гигант тонул в огне. Сотни ракет врезались в него, превращая в ад. Бионик не пытался выйти на связь. Возможно, он был уже мертв. Экран озарила яркая вспышка. Защищая глаза, я зажмурился. Открыв их, я увидел темный экран.

— Излучение сожгло датчики, замена производится.

Буквально через полминуты, экран заработал, показывая нам происходящие. От «Щита» не осталось и следа.

— Наше состояние?

— Флагман «Елена Климович»: легки повреждения. «Лина Волкова»: средние повреждения. «Наталья Колесник» и флот леди Ли: без повреждений. Использовано шестьдесят четыре процента ракет.

— Много, — тихо произнес. Больше половины, а впереди еще система планетарной обороны и неизвестно, сколько флота.

— С флагмана флота леди Ли пришло сообщение, — произнес связист, — зачитываю: «Мы поражены самоотверженностью украинских сол-

дат. Леди Ли в восхищении от них и их командира. Мы обязательно победим». Конец сообщения.

— Передайте благодарность за её слова и помощь в операции, без их помощи мы бы не справились. Приказ по эскадре: перестроение. Линкор «Елена Климович», крейсер «Наталья Колесник» и флот леди Ли — основная ударная группа. Линкор «Лина Волкова» в арьергарде. Задача: подавить орбитальную и планетарную оборону противника на второй планете системы Ригеля и подготовиться к высадке десанта. Выдвигаемся ко второй планете!

Автор: Александр Маяков

Тайна всего мира

Каждое утро Анна Степановна встречала Аллу вопросом:

— Как спалось?

Алла решила, что здесь так принято, улыбалась и оттопыривала большой палец правой руки. Спалось, действительно здорово. Алла мгновенно засыпала и просыпалась бодрой и хорошо отдохнувшей. В Питере же полночи лежала — хоть глаз выколи — прислушиваясь к шумам ночного города за окном, и посапыванию Андрея, изредка толкая его в бок, чтоб не храпел. Утром, чтоб придти в се-

бя, приходилось выпить три чашки крепчайшего кофе. Правда, первые несколько дней снился ей странный и короткий сон: будто Андрей водит ей по лицу нежным страусиным пером. Приятно и щекотно. Только откуда у Андрея страусиное перо? Когда она игриво спросила у него об этом, он изумленно выпучил глаза и клятвенно заверил, что ничего подобного не делает. Тогда Алла шутливо рассказала Анне Степановне. Та отнеслась к рассказу серьезно — даже слишком — сказав:

— Не иначе домовенок в тебя влюбился... заигрывает... И не перо это, а рука у него такая шерстистая... Ты спать будешь ложиться, скажи:

"Домовик, возьми кореник, по ночной росе, на свет звезды, до утренней зари иди по грибы.." Дальше я не помню, но и этого хватит. Отступится от тебя, не будет больше щекотать.

Алла с удивлением покосилась на свекровь: "Чудны крестьянские дети!" Ладно, Андрей — с детства сказок наслушался, сейчас сам удивляется;

Валерка радиации на флоте нанюхался; сосед этот, Белугин, от одиночества ошалел, и, судя по роже, до водки сам не свой, но Анна Степановна?.. Артистка! В цирковом училище много лет преподавала, а туда же — домовенок. Однако, вечером, забравшись под одеяло, иронически улыбаясь, она все же произнесла: "Домовик, возьми кореник..." Хотела поинтересоваться у Андрея что такое "кореник", но едва коснулась щекой подушки, как сразу же провалилась в пропасть крепкого деревенского сна. И удивительное дело: в эту ночь никто ее не щекотал страусиным пером или нет... шерстистой рукой. Алла усмехнулась. Кому рассказать, что ее несколько ночей подряд шупал домовый?.. Хорошо дальше не пошел, а то бегали бы по Литейному веселые волосатые домовята.

Каждое утро, после завтрака, мужчины уходили в лес на лыжах. Алла, неплохо управляющаяся с беговыми и горными лыжами, никак не могла совладать с широкими охотничьими: постоянно падала и быстро уставала, поэтому далеко от деревни старалась не уходить, но от похода к "Болтуну" отказаться не смогла. "Болтун" - это огромный камень-писенец. Андрей и Валерка говорили, что если к камню приложить ухо и прислушаться, камень начинает "болтать" - изнутри его идут шумы, как из морской раковины. Вообще по всему Заозе-

рю разбросаны, причем в каком-то неведомом порядке, пять камней-писенцов. Каким образом они появились в лесном краю - никто не знал. Бабушка Вера говорила, будто бы Михаил-архангел шел на север и дорогу метил. Бабка Авдотья Лепешина — Святогор-богатырь в Змея Горыныча кидался, что обитал в стародавние времена на Змеевых гривах: "Позывали музыки Святогор-богатыря, дя, одолел нас Змейей клятей, пособи. Святогор и зяцал в Змея кямень кидят. Зякидьял с верхом, и утоп Змейей, я те кяменья, цто лезять - мимо попяли!" Дед Степан, слушая эти версии, молчал и улыбался. Андрею почему-то всегда казалось, что он знает, как камни оказались в Залесье, но по каким-то причинам не хочет или не может говорить.

От Демкино до "Болтуна" и всего-то четыре километра, но Алле, тысячу раз проклявшей свое любопытство, казалось, еще немного и она увидит Пулково. Радость ее не знала границ, когда на краю болота — бескрайней белой равнины, с торчащими кое-где хилыми деревцами она, наконец, увидела огромный валун, окруженный тонкими березками с причудливо изогнутыми стволами.

Камень был велик и сверху напоминал слепок ступни мутанта, ни левой и не правой, с отрезанными пальцами и шишкообразным наростом в районе "пятки". Вся поверхность

его покрывали точки, кружочки, черточки, глубокие царапины - то ли время потрудилось, то ли человек в незапамятные времена писал вечную каменную книгу.

Валерка присел на валежину в стороне и закурил. Жуковы всей семьей припали к камню — "болтовню" слушать. Андрей мог поклясться, что когда-то, очень давно, просидев у писенца полдня, слышал, как в камне разговаривают люди. Только о чем не разобрал. Станный какой-то язык — вроде русский, а вроде и нет. Потом у него несколько дней страшно болела голова. Казалось, "Болтун", как губка впитал в себя все, что слышал и видел за те тысячи, а может и миллионы, которые находится в Заозерском болоте.

Алла, конечно, ничего не услышала. Только ухо замерзло. Да и что можно услышать от камня?!.. Камень — он — камень и есть! Дичь какая-то!..

Андрей отскочил от "Болтуна", будто его ударило электрическим током, пробежал несколько метров, и, провалившись правой ногой в снег, упал, быстро вскочил, и, отряхиваясь, вернулся к камню.

— Что с тобой? — испугалась Алла, а Валерка захохотал:

— О тебя шибануло!.. Со мной тоже раз было!

— Что было-то?! — удивилась Алла, пооче-

редно глядя то на Валерку, то на Андрея.

Те в свою очередь смотрели друг на друга с очень глупыми лицами не в силах объяснить, что "шибануло" и что это вообще было. Алла прислонилась к боку писенца и вскрикнула. Камень был горячий!.. Что за бред?!.. Она протянула руку и осторожно коснулась шершавого "Болтуна" пальчиком, потом приложила ладонь... Хм.. Просто показалось... Тут от писенца оторвался Пашка и восторженно закричал:

— Мама!.. Пап!.. Дядь Валер! — глаза мальчика сверкали торжеством. — Я слышал, как кричат динозавры! Настоящие! В "Парке Юрского периода" они кричат не правильно!.. Ну вы что?!.. Не верите мне?!..

Морозило. Снег слепил глаза и местами загадочно посверкивал в лучах солнца. По высокому бледно-голубому небу беззвучно скользил самолет, оставляя за собой толстую рыхлую черту. Далеко впереди, над болотом, появилась черная движущая точка — наверное, летела какая-то птица. Звенела в ушах тишина. Все вокруг казалось ненастоящим, нереальным, несуществующим.

"Идеальное место, что бы сойти с ума!" — подумалось Алле...

...странный все-таки край — Заозерье! Пока своими глазами не увидела — не верила. А ведь где-то там, за холодным заснеженным лесом, есть

еще какие-то непонятные деревни, где еще живут люди, похожие на инопланетян. Им не нужны рестораны, театры, машины, кондиционеры и много-много других полезных вещей, без которых лично Алла не представляла своей жизни. Конечно, любопытно пожить в спартанской обстановке, но не очень долго. И Алла скоро загрустила. По несколько раз в день она включала мобильник и тупо таращилась на дисплей со строгим заозерским вердиктом: "Связи нет". Связь Заозерью тоже ни к чему. Даже любимый сериал опротивел, а в главном герое — таком красивом и мужественном — стали просматриваться повадки откровенного гея. Привыкшая к городской суматохе, она скоро устала от монотонной тишины Заозерья, от черноты зимней ночи — куда ни кинь взгляд не видно ни зги. Только звезды и фонарь на столбе возле избы, который включали специально по ее просьбе. Светало поздно, темнело рано. "День да ночь — сутки прочь!" — говорила Анна Степановна. Она понимала невестку, и, чтобы хоть как-то разогнать тоску, научила печь пироги, и Алла была несказанно довольна, когда достала из печи свой первый закрытый пирог с грибами. Правда, при этом умудрилась обжечь руку о шесток. В общем, не желая огорчать близких, она держалась, как могла. Тем более что Андрей приездом был очень доволен, а

Пашка вообще чувствовал себя, как рыба в воде. Весь короткий зимний день он проводил на улице, неумоимо, как земляной червь, сверлил сугробы, копал окопы, строил крепость и эскимосские иглу. За обедом без всяких уговоров смолачивал первое, второе и снова убегал на улицу. Где он еще так нагуляется?! В Питере во двор не очень-то отпустишь. Двор хоть и закрытый, но весь заставлен машинами. В Репино, тамошняя бабушка, всю территорию засадила цветами. Туда не ходи — тюльпаны помнешь, здесь — осторожно, розы. И сама ковыряется с ними с утра до вечера. "Лучше бы картошку посадила", — недовольно бурчал Аркадий Дмитриевич. "Я дворянка!" — гордо отвечала бабушка. — "Картошку пусть крестьяне сажают!". "Что-то двадцать лет назад ты во всех анкетах писала — "из рабочих"?" — язвил профессор Курбатов. Он приезжал летом в Репино в обед пятницы, до пробок, выпивал, как научил Шишкин, стакан водки, ложился в веранде на диван, положив на грудь газету "Комсомольская правда", и засыпал до отъезда — до ночи воскресения, изредка просыпаясь покушать и добавить водочки. Так что Пашке разгуляться на репинской даче особо не разгуляешься. А в Демкино дядя Валера. С ним хорошо и весело. Он помогал копать тоннели в сугробах, пробивая снег жердью. Достал из

кладовки ижевскую одностволку 1932 года выпуска, принадлежавшую деду Степану, зарядил в полувинку позеленевшие гильзы 16 калибра, и Пашка палил из нее в белый свет, как в копеечку, распугивая лесной народ. Валерка таскал племянника по большой жуковской избе, по приусадебным постройкам, показывая всякие деревенские диковинки, предназначение половины которых уже забыл и сам.

— Ва-а-у-у! — то тут, то там, как боевой клич дикаря, слышался Пашкин вопль. — Дядь Валера, а это что?!.. Дядь Валера! Ва-ау!

— Что это он у вас по-кошачьи кричит? — осторожно спросила у Андрея Анна Степановна.

— Мама! — строго ответил Андрей. — Этим словом нынешняя молодежь выражает свой восторг и удивление.

— Вау? — удивленно переспросила Анна Степановна, и, уходя на кухню, пробормотала. — Господи! А мы-то тут в деревне ничегошеньки не знаем.

Прибежав к обеду, Пашка притащил клепанный железный колокольчик, какие вешали на шею коровам при выпасе в лесу.

— Бабушка, смотри, что мы с дядей Валерой нашли!!!

Анна Степановна настороженно окинула всех взглядом и сказала:

— Вау.

Алла прыснула от

смеха и закрыла лицо ладонями, Андрей улыбнулся, Валерка заржал, как конь на случке, а Пашка закричал:

— Не так, бабушка! Надо говорить: — и взвыл, словно, кот на крыше. — Ва-а-у-у!

В большом деревянном ящике обнаружили оловянные солдатики и матросы, побелевшие от времени пластмассовые конники времен неизвестной Пашке гражданской войны. Длинными зимними вечерами он, как и когда-то Андрей, выстраивал из них боевые колонны, как бы случайно, подбегал к комнатке деда Степана, откидывал занавеску, заглядывал и убежал. Какое-то чувство, непонятное даже взрослым, а уж ему тем более, непреодолимо влекло его к глубокому старику. На третий день пребывания в Демкино, Пашка уже не убежал, а стоял на пороге, прислонившись к косяку, насупившийся и строгий. Дед Степан, приподнявшись на локте, улыбался и молчком манил мальчика к себе. На четвертый день Андрей заглянул в комнату к деду и обомлел. Старик сидел на постели, свесив босые желтые ноги, а напротив примостился на стуле Пашка. Дед Степан держал в своих руках ручки правнука и, улыбаясь, рассказывал старинную-старинную сказку, точно так же, меняя интонацию голоса, как когда-то рассказывал Андрею:

— ... Лиса и баит:

"Ведьмедь-ведьмедухно — имечко хорошее и волк-волчухно — имечко хорошее, и лиса-олисава — имечко хорошее..."

Пашка, современный "компьютерный" мальчик, поклонник дебиловатого Гарри Поттера, слушал с таким вниманием и интересом, что Андрей даже позавидовал сыну. А еще Андрею бросилось в глаза, что в профиль — старый и малый — разительно похожи, словно отражения друг друга в Зеркале Времени.

— Фата-моргана! — тихо произнесла подошедшая с Алла.

Смешно, но Андрей стал даже ревновать деда к сыну. Ведь именно он, Андрей, считался точной копией старика Жукова. Вспомнилось, как покойный Лепешин спросил, кивнув на маленького Дрюньку:

— Ильич, а будет ли твоя голова да сила?

— Бу-удет! — уверенно ответил дед Степан и пригладил внуку непокорный вихор...

Дед Степан казалось, помолодел, лицо слегка порозовело, каждое утро, после завтрака просился на улицу, тепло одетый, подолгу сидел в кресле возле крылечка, глядя слезящимися глазами за Чексу, за Лихов бор и дальше, словно окидывал взором все Заозерье, где ему уже никогда-никогда не бывать.

— Ну чаво расселси? — пытаюсь подбодрить старика, грубовато спрашивал Белугин. — Давай

вставай! Айда на Лизино Полько! Тамо сегоды рябков пропасть!.. Помнишь, мы их с тобой на Кайлаке в глине пекли?

Дед Степан польщённо улыбался и сам себе подводил черту:

— Не-е-е... Отходил-си... Все-о! — но даже находясь на самой последней черте, разделяющей Жизнь и Смерть — шаял, шаял в душе крохотный уголек призрачной надежды. — Была б жива покойница — она б меня на ноги поставила... есть на Тяпушкиной гриве жись-трава...

Андрей помнил, как бабушка приносила из леса пучок травы, похожей на лебеду, сушила ее на солнышке под крышей, делала отвары, настойки, даже мазь, которая быстро заживляла раны, снимала боль. Только некому ей было передать свои знания, и никто теперь не знает ни где растет жись-трава, ни как она выглядит. Правда, Белугин однажды сказал:

— В Лешьих Полянах старик Тетеркин жись-траву знает. Только не сказват никому. Баит: "Время ноне лихое! Попадет жись-трава в руки недоброго человека - беде неминучей быть!"..

Андрей много времени проводил с дедом, постоянно ловя на себе тревожный взгляд матери. Дед Степан с любовью посматривал на внука и тянул:

— Городской ты, Дрюнька, совсем стал!.. Поди и по болоту ходить

разучилси?

Андрей с грустью усмехался. Для деревни городской, а для города, как был "деревней", много лет назад приехав на учебу, так "деревней" и остался. Даже в офисе "Северного леса" его за глаза звали — "Колхозник". Носил дорогие костюмы и обувь, а до сих пор чувствовал себя в них неуютно, словно с чужого плеча подхватил да еще "на вырост". И по улицам ходил, глядя вниз, как, по болоту, кочку глазами ища, куда можно ногу поставить.

— Ход с Тяпушкиной гривы на Змеевы помнишь? — спросил однажды дед Степан.

Андрей прикрыл глаза и наморщил лоб, припоминая. Тяпушкина грива, поросшая корабельным лесом, словно спина, увязшего в трясине фантастического чудовища, вытянулась по липовицкому болоту километра на три. Грива, как грива, ничего особенного. Брусники там пропасть, в центре небольшое озерко, полное жирных карасей. На берегу куча древесной трухи, обросшей темно-зеленым мхом. Дед говорил, что это остатки избушки углемора Тяпушки. От Тяпушкиной гривы на Змеевы шла прямая, как стрела, старая гать — шаг в сторону и все! Икнуть не успеешь, вмиг водяной дедушка в болотную бездну утянет. Как, когда, и зачем проложили эту гать — никто не знал. "Старики баили: на Север дорога", — однажды нехотя проговорился

дед Степан.

Андрей не мог вспомнить, сколько лет назад был там последний раз, но память восстановила все до мельчайших мелочей. Между Тяпушкиной и Змеевой гривами маленькая гривка. Совсем маленькая, с одной корявой сосной. На гривке жил большой черный уж. При появлении людей он переплывал на ближайшую кочку и время от времени громко шипел, негодуя, что нарушили его покой...

— Помню, деда, — ответил Андрей, даже не задумываясь, что за прошедшие годы там могло что-то измениться.

Дед Степан приподнялся на постели, оперевшись на локоть, потянулся к внуку и громким шепотом произнес:

— Дрюнька! Сказать тебе хочу!

И вдруг за спиной Андрея раздался громкий голос Анны Степановны:

— Папа, не смей!.. Не надо, папа!.. Прошу тебя.

Дед Степан тяжело вздохнул, опустил голову на подушку и тихо сказал:

— Идите... Отдыхать буду.

— Мама! В чем дело? — недовольно спросил Андрей, когда они вышли во вторую половину избы.

Анна Степановна набивала ваткой папиросу. Руки у нее заметно подрагивали. С печки соскочил Яшка и с урчанием стал тереться о ее ноги, выпрашивая что-нибудь вкусненькое.

— Не хотела говорить, да видно придется,

— прикулив, вздохнула Анна Степановна. — Слово тайное дед в себе держит... Не знаю, что за Слово. Только живет оно в нашем роду давно. Дед мой, твой прадед, Илья Фокич, тяжело умирал, мучился, в голос кричал. Мама-покойница из Верова Бора батюшку отца Василия привозила, бесов изгонять. Батюшка часа два с ним просидел, потом вышел и сказал: "Нету в нем бесов. Тайна его великая мучает, кому передать не знает". А дня через три помер Илья Фокич. Ночью. Тихо-тихо... Мама-то на отца набросилась:

"Ты Слово взял?"
"Нет", — отвечает. — "Не брал"... А вишь, как вышло?... Взял, получается.
— Что ж за Слово такое?

— Не знаю... Давай коньячку что ли выпьем, пока нет никого, — из шифоньера Анна Степановна достала бутылку, принесла из горки две рюмки.

— Давай... Знаю только, что кто Слово знает — жизнь проживет долго. Может, папа поэтому и на войне не погиб — Слово спасло. Он ведь на Невском пятачке воевал, а там солдаты всего по несколько часов жили. Такое пекло было! И в Сталинграде его смерть миновала, и на Курской дуге. Даром, что он в то время уже в годах был — носило его по фронтам, как листок ветром...

— Так ведь долгая жизнь хорошо! — воскликнул Андрей.

— Э-э-э! — покачала головой Анна Степановна.

— Ты Есенина-то читал когда?... "Легкой жизни я просил у Бога, лучше легкой смерти попрошу!" — немного помолчала и категорично закончила. — Не надо нам этого Слова. Тайны никогда ни к чему хорошему не приводили!.. Да брысь ты! — Анна Степановна ногой оттолкнула Яшку. — Пусть год еще проживет, два. Когда-нибудь уйти придется. И Слово с ним уйдет...

...Едва мать вышла на двор, Андрей снова сунулся к деду, но тот махнул рукой, мол, потом, после. Ночью не спалось. Андрей сидел на лавке в кухне и смотрел через окочеванное морозом стекло в темноту зимней ночи... Что за Слово такое?... Ерунда какая-то!.. Хотя... Все сказки в нашем мире придуманы не просто так!

Валерка на печке, то раскатисто храпел, то свистел носом, как свистулька из стручка акации, а Андрей в который раз прокручивал в голове далекие годы...

— Эвоной какой у Степы Жука лесовичок растет! — говорили соседи, глядя когда они усталые шли по деревенской улице, возвращаясь из очередного похода в лесную глушь.

У Дрюньки от гордости распирало грудь — никто из демкинской ребятни не знал Заозерье, как он. А уж как дед Степан-то был доволен, что внук с такой охотой ползает вместе с ним по болотам! Не задумывался Андрей, что же его так тянуло в лесную в глухомань и непролазные

болота. Сколько лет не бывал в этих краях, а нет-нет, да и приснится вдруг невидимая болотная дорога: чуть перестоял и ногу с трудом выдерешь, хорошо сапог не потеряешь. Жара, мошка, как дорожная пыль, в рот лезет, глаза слепит. Липкий горячий пот ручьем по телу. А рядом — шлеп! — вонючий пузырь булькнул. От неожиданности забьется в груди, птицей затрепещет сердце. А дед Степан шутил: "Водяник пердит!.. С хода сбивает!"

И только сейчас дошло, что дед, как в наследство передавал ему Заозерье... Готовил принять тайное Слово?..

Андрей пошарил рукой под столом. В обычном месте пальцы нащупали холодное стекло бутылки. Только на этот раз не водки, а белугинской "косорыловки". Качнулся в углу темный силуэт. Прозвучал в голове бесцветный голос: "Понял теперь кто я?".. На печке неловко повернулся Валерка, придавил телом кота. Яшка взвизгнул, хотел прыгнуть на пол, но передумал и, немного повозившись, пристроился на старом месте. За окном, в черноте ночи, пробрели какие-то тени. Может, пригрезилось, а может лоси, которых видели вчера в осиннике за овинами. "Ай-ай-ай!" — тревожно запела, запорхала ночным мотыльком тишина.

Автор: Сергей Ки-рин

Летописи межмирья

*1 месяц 514 год с
м.п. (июнь 2012 года н.э)*
...

*Новый Долан. Ин-
квизитор Алексей.*

Через несколько дней после открытия портала в Эльфионе, мы вернулись в Новый Долан. Портал благополучно закрыли и оставили под охранение клириков и превенторов Южной империи. Мартис настаивал на одних клириках, но Сирбал был иного мнения.

Мартис был зол. Ему осточертела эта империя, хоть он и провел там всего три дня. Он прав, они не империя, они... не знаю, как это правильно называется. По сути, они не захватили южный архипелаг, а просто пришли и стали там жить, так как до их прихода он был не обитаемым. Построили города, создали общество, продолжили войну, сдались Союзу. Вот и вся история Южной империи.

По прибытию в Новый Долан, Мартис переговорил тет-а-тет с королевой Оливией, а потом и с Варинасом. Я попробовал разговорить тестя, но тот отмахнулся одной фразой: «Мартис делает благое дело». Сам учитель не говорил, какое конкретно благое дело он делает. Так как мы готовились к очередной вылазке, то старались как можно больше времени провести с родными. Конечно, стервозное обо-

стрение Норы не способствовало этому, но это пройдет, только вампирша разродится. Я через это уже прошел.

В этот раз в вылазке участвовали не только рыцари. Под мое командование подчинили взвод морских пехотинцев США в количестве двадцати человек. Российские десантники таким же число перешли под командование Мартиса. Плюс отряд «Вергилий» и десяток рыцарей. Войско приличное. Конечно, я делаю ставку на рыцарей и магов, нежели на пехоту США и РФ. Странное дело, но в современный век технологий, рыцари оказались эффективней пехоты с самым современным оружием. Доспехи обеспечивали лучшую защиту, нежели бронежилеты, а мечи надежней автоматов и пулеметов. Маги лучше справляются с техникой врага, нежели ПЗРК. Вот и вся сила технологий. Орден и палаты магов всегда несут меньшие потери, нежели регулярные войска.

Всей этой армадой мы и направились в Эльфион.

* * *

*1 месяц 514 год с
м.п. (июнь 2012 года н.э)*
...

*Мир эльфов. Гием
де Грант*

Вот именно этого момента я боялся больше всего. Спасение Свиридо-

ва. Конечно, Алир заверил меня, что генерал не держит зла на меня. Он пытался убить меня, уничтожить куклу, так что страх все равно присутствовал. Мы снова плыли на «Наутилусе». Алир посетил сон генерала и договорился о месте встречи.

– Нервничаешь? – С издевкой спросил Алир, когда мы были на палубе корабля. Мария, как всегда, таскалась за Немо. Дарий и Сей сидели возле Даи и Элиабет. А вот эта парочка была неразлучна. Конечно, Элизабет больше не вешалась на древнюю, но и не отходила от неё ни на шаг. Сейчас она что-то весело рассказывала древней, держа её руку. Даи раскинулась в шезлонге прямо в своем обтягивающем платье. Насколько я помню, она ни разу не снимала его. Интересно, она и спит в нем? Хотя, что за мысли! Почему меня волнует, в чем спит древняя?

– Есть немного, – ответил я.

– Генерал суровый человек, но и рассудительный. Сейчас ты нужен ему как союзник, поэтому он не убьет тебя.

– А когда я стану не нужным, – я сделал акцент на слове «не», – он прикончит меня, так что ли?

– Он действует исходя из интересов Союза.

– Союза уже нет, это первое. Второе, никто из Союза ни разу не дейст-

вовал в интересах самого Союза, только в своих интересах.

– Ты слишком категоричен.

Даи так и впиалась в меня взглядом. Ощущение не из приятных. Особенно учитывая её силу.

– Еще мне не по себе от взгляда... – учал я.

– Даи, её зовут...

– Я знаю, как её зовут! – жестко ответил я. Хорошо, что шум двигающегося судна заглушал голос и не Даи, не Элизабет не могли услышать наш разговор. Хотя, я был уверен, что Даи все слышит. Она сузила глаза и загадочно улыбнулась после моей фразы.

Я отвернулся к морю. Корабль шел в надводном положении на полном ходу.

– Освободи свой разум. – холодные пальцы сковали мою руку. Я резко обернулся. Даи только рассмеялась, увидев мою реакцию.

Култ стоял позади неё. Я же был готов кинуться в бой.

– Зачем ты пошла с нами, Даи? – немного успокоившись, спросил я.

– Да как ты! – Сей выступил вперед, но Алир остановил его жестом. И, что удивительно, оборотень послушался его. Воздействие? Вряд ли.

– Спокойно, – тихо произнесла Даи. – Наш друг не хотел ничего такого. Ты спрашиваешь, зачем? Но ведь ты сам упустил один из ключей, – в груди кольнуло. Дьявол, это мое упущение! Точнее, мое и Элизабет. Но Элиза-

бет уже раскаялась и древняя, как бы, её простила.

– Он здесь, – произнесла она.

– Что? – недоуменно спросил я, возвращаясь в реальный мир из воображаемой камеры самобичевания.

– Ты слаб, человек, – она подошла и провела рукой по щеке. Снова этот колючий холод. – И ты слаб, – повернулась она к Алиру. – Вы все слабы! – она обвела взглядом всех присутствующих. – Не ощущать той силы, что излучает ключ, не слабость ли это?

– И где же этот ключ? – с сарказмом спросил я.

– Где ему следует быть, – серьезным лицом произнесла Даи, – он под водой. А там, куда мы направляемся, другой ключ. Ключ ветра... сестра Хана.

– А водный ключ?

– Брат Акено... – расплывчато произнесла древняя и задумчиво посмотрела на море. Дальнейший путь прошел в тишине.

Два ключа?

* * *

Тот же день...

Мир эльфов. Гиём де Грант

Генерал имел потрепанный вид. От прежнего Свиридова не осталось и следа. Брюки превратились в поношенные шорты, рубашка в подобие безрукавки. А лицо не видело бритвы уже давно. Сколько прошло времени? Полгода... ну, на такой срок, он довольно хорошо держится.

– Гиём, – генерал почтительно кивнул. Мы как раз спустились со шлюпки на берег. Сей помогал Даи выбраться из шлюпки.

– Генерал, – кивнул я в ответ. – Просить прощения не буду, сами понимаете.

– Нет, Гиём, я тебя не понимаю, – покачал головой генерал.

– Жаль, – произнес я.

– Мальчик, – Даи подошла вплотную и взяла меня под руку. Да что она так и вешается на меня!

– Не будь столь суровым к старику, – ласково произнесла она.

– Древняя? – спросил Свиридов указывая на Даи. И как он догадался?

– А ты маг владеющий светом и тьмой?

– Ваш вопрос можно расценивать как утвердительный ответ?

– Как и твой, – улыбнулась древняя и направилась вглубь материка. Элизабет, так и не проронив не слова, с товарищами последовала за ней.

– Мы не уезжаем? – удивился Свиридов.

– У Даи здесь еще дела, – ответил я. – Вас могут препроводить на «Наутилус», – как можно вежливей произнес я.

– Вы сама вежливость, господин де Грант. – в таком же стиле ответил генерал.

– Мордобоя не будет? – встряла Мария.

– Нет, – ответил генерал, направившись к шлюпке. – пока что нет.

Мария сопровождала его взглядом.

– Слишком самоуверенный. – произнесла она, когда шлюпка отдалась от берега.

В это время в чаще леса загрохотало. Мы побежали на звук. В паре километрах от берега на поляне в несколько десятков метров были повалены деревья. В воздухе, окруженный голубой сферой, завис ключ.

– А деревья зачем валить? – с издевкой спросила Мария. – Будь здесь эльфы, получили бы штраф.

Культ уже скалили зубы, но Даи как всегда была спокойна. А пока спокойна древняя, культ будет только скалиться.

– Так надо было. – произнесла Даи, подхватив спустившийся ключ.

– И где же второй ключ? – спросил я.

Древняя закрыла глаза, вокруг неё земля покрылась инеем.

– Вижу город... – начала она, словно в трансе. – Он под водой, под магическим куполом.

– Еще лучше... – произнес я. Час от часу не лучше. Подводный город, база субмарин эльфов. Перевалочная база между Южной империей и материком. Сейчас она охраняется не хуже чем Новый Долан. Но с нами древняя...

– Что такое, Гием? – удивленно спросила Элизабет.

– Это второе защищенное место в этом мире, после столицы материка, – пояснил я. Если не хотим

сдохнуть, то лучше не соваться.

– Ты предлагаешь отступить? – тихо спросил Сей.

– Идем, – произнесла Даи и направилась к побережью. – Защита роли не играет. Я смету её.

Культ неизменно следовал за ней, – Элизабет снова восхищенно смотрела на Даи, а Сей с презрением на меня. Мол, усомнился человеке, в силе древних.

– Она и вправду хочет захватить Подводный город? – спросила Мария.

– Боюсь, что не захватить, а уничтожить.

Автор: Александр Маяков

Потрошитель

Но в эту удивительную субботу я нисколько не удивлюсь, если получу радость и насыщение от какого-нибудь тофу.

В кафе играла тихая музыка, поразительно начисто заглушавшая любую беседу соседних столиков. Я скромно остановилась возле кассы, разглядывая на витрине неясное содержимое тарелок. Возле порций, как назло очень мелко был написан состав, но зато большие буквы кричали: «Капо Дей Капи», «Местное Любимое» или «Фалафель Пита». Не уверена, хочу ли я ощутить на языке вкус некоего фалафеля, хоть и

выглядел он аппетитно, похожий на круглые куриные наггетсы. Мое внимание привлекла незамурённая тарелочка с дурацким названием «Специально для Йоги», не с адекватным составом: овощи на кукурузной лепешке с сыром, салатом из моих обожаемых побегов; подается с картофелем и сальсой. Ну, не знаю, чего уж тут приготовлено специального для йоги, но для такого незаурядного ограниченного ценителя пищи сгодится. Я была готова сделать заказ и глазами искала кассира-продавца. Было непонятно стою ли я в очереди, так

вокруг витрины кто-то, как и я, непонимающе вчитывался в составы, кто-то консультировался, как я когда-то, со своими спутниками, кто-то неуверенно хлопал глазами и жался ближе к кассе. Знаю одно, моя позиция никому не мешала и если что, то, конечно, я не стану наперебой орать сделать мне заказ. Я улыбнулась, когда сбоку послышалось: «Давай «Убийцу Кессадильи»? Хочется узнать что такое «фаршированное гнездо», причем заметь, им начиняют пшеничную лепешку, а не наоборот!.. Ну что ты говоришь! В крайнем случае, съешь

лепешку».

Чьи-то пальцы коснулись моего плеча:

– Простите, вы стоите...?

Я не могла пошевелиться, голос показался мне настолько знакомым и приятным, что я была готова развернуться и запрыгнуть своему «знакомому-незнакомцу» на шею. Мужчина повторил и легонько покашлял. Бархатный мужской голос четко проговаривал каждое слово. Я, наконец-то, развернулась, но не решилась посмотреть на мужчину. Взгляд остановился на его обуви. Кроссовки, стройные икры и черные мешковатые шорты до колен. Необязательно было поднимать голову, чтобы понять – передо мной стоит Мартин. В голове быстро промелькнули факты и причины, сопоставив их, я быстро пришла к выводу, что мы давно могли с ним встретиться и эта кафешка наиболее удачное для этого место. Мартин продолжал вопросительно смотреть на меня, а я стояла и молчала как полная идиотка. Пауза затянулась до невозможности. В голове было столько мыслей, была так счастлива, что вот, наконец, мы с ним встретились. Картинки с нашими поцелуями, свадьбой и детьми резко прервались, у меня вырвалось нетвердое «Нет». Я поспешила освободить место, пропуская Мартина вперед. Он не сдвинулся с места. Я чувствовала, как он продолжал смотреть на меня. Моя шея будто окаменела,

мне становилось стыдно за свое глупое поведение. Я сжала руки в кулаки и резко подняла голову вверх. Наверное, это смотрелось еще более безумно. Первое, что я уловила, так это легкую улыбку на его лице. Улыбка – еще одна вещь, за что я люблю его губы. Я упорно отодвигалась, предоставляя ему свободное место ближе к кассе.

– Спасибо, конечно, но мне кажется, вы мне соврали. Давайте, ваша очередь подошла.

В полной готовности обольстительно улыбнуться ему, моя робость раздавила все мои побуждения в пух и в прах. Я неловко протеснилась на прежнее место. Девушка за кассой устало уставилась на меня. Запинаясь, я начала:

– Можно одно «Специально для Йоги»...

Боже, как же все это комично звучит. Это несуразное название, мой дрожащий голос, Мартин, возбуждающий меня с каждым своим вздохом. Пора, наконец, собраться. Пытаясь представить, что у меня в руках хирургический нож, мой голос стал более уверенным. Я ровно договорила:

– ... и зеленый чай.

Я положила сдачу в кошелек. Есть в этом что-то обнадеживающее – развернуться и знать, что непременно увижу Мартина. Так и произошло. Мартин быстро увернулся от моего подноса и занял место у кассы. Я недалеко отошла от очереди. Как мне не

упустить его? Как завязать разговор? Бешено колотилось сердце, минуты проносились как секунды. Вот-вот я увижу Мартина, а я до сих пор не придумала ни слова, опять буду стоять, и он снова решит, что я умалишенная.

Мой пульс участился. Мартин мирно выходит из толпы, придерживая поднос. Он идет, я стою и смотрю на него, не в силах что-либо предпринять. Весь мир остановился, умер, испарился, остались только я и он. Он, такой потрясающий, такой родной, такой любимый. На секунду я поверила, что великолепный мужчина действительно идет прямо ко мне, но тут его движения стали отклоняться вправо. Я молниеносно возвратилась в реальный мир и чуть приблизилась к Мартину, продолжая ощущать в руке невидимый нож, придающий мне решительность.

– Извините, а вы не составите мне компанию? – на удивление уверенно спросила я.

– Буду рад. – Мартин улыбнулся и кивком обратил мое внимание на крайний столик на улице.

Дело в шляпе. Я не настолько закомплексована, чтобы что-то испортить. Я внезапно расцвела и на полном ходу принялась кокетничать и строить глазки.

Мартин удобно раскинулся на стуле и стал пристально за мной наблюдать. Я смутилась и вопросительно посмотрела на него. Его глаза были

фантастического зеленоватого оттенка. Они привлекали, словно два манящих изумруда. В его глазах отображалась моя надежда и мое желание. Все в нем притягивало. Его лицо, беспорядочные кудрявые волосы, шея, плечи. Руки, свободно лежащие на столе, такие интересные венки, простирающиеся от запястья к грубым ярко очерченным пальцам. Как много в нем мельчайших деталей, захватывающих мое внимание целиком и без остатка. Не хочу ничего делать и ни о чем говорить, любое действие нарушит мою идиллию, мой незримый диалог с его телом. Я почувствовала в себе нестерпимое желание унести его домой как маленькая девочка, склонившаяся в магазине игрушек над дорогим огромным домиком для Барби, обещающем принести ей бесконечно много радости от занятий с ним. Я не заметила, как пауза снова затянулась. Вероятно, я снова похожу на ненормальную, хотя, судя по безмятежному лицу Мартина, ему это даже нравится, а именно то, что я тщательно изучаю на нем все до малейших подробностей. Но он не выдерживает, придвигается к столу:

– Ты всегда так поступаешь?

– Как? – я беру в руку вилку и начинаю отводить от Мартина глаза.

– Я про твой метод знакомиться с мужчинами, – он усмехается и тоже берет в руку вилку.

Я недоверчиво смотрю на его тарелку, он замечает это и принимает-ся тыкать пальцем на свое блюдо:

– По-твоему выглядит неаппетитно?

– Я молчу, – рассмеялась я. – Просто интересно узнать что это?

Мартин вонзает на вилку кусок чего-то напоминающего котлету и маленькими укусами отрывает от нее кусочки.

– Какая-то котлета из овощей... На каком-то этапе она стала такого вот интересного фиолетового цвета, – он отложил вилку и косо посмотрел на нее. – Так ты не ответила мне...

– Обычно, я не имею привычки первой знакомиться с мужчинами... – сказала я и пристально посмотрела в его зеленые глаза, потом на эту странную котлету и добавила, – ... это обычно.

– А что сегодня? Грядет солнечное затмение?

Я мечтательно облокотилась на стол и посмотрела куда-то вверх:

– Нет, просто день такой, суббота, солнце светит, воздух чистый и все так прекрасно...

Мартин улыбнулся и неестественно посмотрел на часы:

– Кстати, ты извини, я быстро поем и должен буду убежать.

Меня охватил испуг. Ему стало так нестерпимо со мной находиться, что он внезапно стал лепить отмазки? Я поджала губу и обеспокоенно посмотрела на него. Мартин

озабоченно добавил, быстро закидывая себе в рот что-то зеленое с тарелки:

– Так странно получилось. Признаюсь, мне тоже всё больше нравится сегодняшний день. Так жалко, что работа требует от тебя совершения обязанностей и в такие дни. Я думаю, нам было бы, о чем поговорить.

Я молча наблюдала за ним. Набив рот капустой, Мартин спешно указал мне на нетронутую мною тарелку с остывшими овощами.

– Не любишь здоровую пищу? К этому надо привыкать, здешнее меню многих заставляет уходить голодными.

Застигнутая врасплох его упреком любительница фастфудов рьяно взялась за побеги. Быстро прожевав безвкусную зелень, я оправдалась:

– Дело в тебе... – это прозвучало так нежно и в то же время несмело, что Мартин прекратил двигать челюстью и положил вилку на стол. А я, осознав, насколько двусмысленно это прозвучало, добавила. – Ты так необычно выглядишь. Мне нравится.

Мартин кротко кивнул и смущенно опустил глаза. Его реснички вызвали у меня приятное теплое ощущение в груди. Он снова принялся размахивать вилкой, потом вдруг захихикал:

– Представляешь, мы до сих пор не представились друг другу. Так неудобно вышло. Меня зовут Мартин.

– Розалин, зови меня Роза. Меня редко называют полным именем.

– Хорошо, Роза, будем знакомы, – он показал мне свои белоснежные ровные зубы.

Мартин сноваглянул на правую руку:

– Ого, сколько времени. Мне и правда, надо бежать, ни в коем случае не принимай на свой счет, работа, сама понимаешь.

– Да, я по-ни-маю.

Мартин вытер губысалфеткой и привстал. Я резко встала из-за стола вместе с ним. Как робот, я ровно стояла возле него. Потом представила себя со стороны и чуть запрокинула голову назад и ослабила мышцы спины. Мартин четкими движениями нацепил на голову легкую вязаную шапочку, положил свои руки на мои и умоляющим голосом проговорил:

– Продолжим наше... Что?

Он остановился и не договорил, заметив легкую тень усмешки на моих губах.

– Куда ты смотришь? Что?

– Ничего, просто эта шапка... - я снисходительно улыбнулась и наклонила голову на бок. – У тебя такие красивые волосы, а ты их прячешь.

Я не верю, что осмелилась снять с него шапку и с оценивающим взглядом добавила: «Так лучше». Мартин опешил, вытаращил на меня глаза и с улыбкой выхватил у меня шапку:

– Там солнце! Не

надевать же мне кепку...

– Ну да, где там моя зимняя шапка... - я сделала вид, будто одной рукой полезла в сумку.

– О, смешно, - он высокомерно поднял голову вверх, – она не зимняя, потрогай, легкая, – Мартин положил мою руку на шапку и задвигал моими пальцами, заставляя их ощутить каждую нитку. – Я люблю шапки.

– Ясно, - вздохнула я.

– Так и быть, на свидание приду без нее. Ты же не против закончить наш завтрак за ужином? – глаза Мартина хищно заблестели. Мне стало немного некомфортно, будто бы я стою перед ним совершенно голая.

Почему-то была совершенно не удивлена его предложением. Я пару раз утвердительно кивнула.

– Давно не был в кафе-кондитерской на Мейсон Стрит. Кажется «Бобы», или «Фасоль», что-то подобное, – он смешно задумался, сильно сморщив лоб.

– Интересные ассоциации. Может «Драже»?

– Да, да, именно! Там уютно, нам никто не помешает нормально познакомиться. Забронирую нам место на 19.00. Буду без шапки.

– Буду ровно в 19.00.

Мы оба посмеялись, и он помахал мне рукой.

Мартин, сладости, неподалеку океан с красивейшим пляжем. Я с лю-

бовью посмотрела на недоеденные побегии. Хотелось воспарить высоко над людьми, и там, в просторах голубого неба целиком отдаться пережитому блаженству.

Я со всех ног помчалась к Элли. Двери салона стремительно распахнулись под моим напиранием обрушить на уши подруги подробности моего приключения. Та как раз освобождалась. Мне часто хотелось присоединиться к подруге. Из СПА-салона она всегда выходила такой счастливой, на ее щеках был детский румянец, а кожа казалась бархатной. Я каждый раз умудрялась променять эти женские радости на поглощение жирного кусочка вегетарианской пиццы дома перед очередным кулинарным шоу. Интересно, почему до сих пор я так неважно готовлю, надо написать письмо на телевидение. Мы вышли на улицу, когда я всюю принялась окутывать тайной мое недавнее знакомство с очень интересным мужчиной.

– Кем-кем? Мужчиной!? Вау, – Элли старательно разыгрывала старую добрую пьесу на тему «Обреченная на вечное одиночество Розалин».

Когда я произнесла, что, то был Мартин, Элли попросту продолжила насмехаться надо мной.

– Я серьезно, – я остановилась посередине улицы, в паре метров отстав от подруги.

Элли еще немного поглумилась, а потом, ко-

гда заметила, что я продолжаю совершенно серьезно на нее смотреть, она прекратила:

– Да ладно?

– Да.

– Ну, ничего себе!

Да быть не может! Ну, Роза, не доводи меня до истерики!

Убедившись, что Элли перестала сомневаться, я рассказала ей все, как было, не скрывая даже то, как глупо я себя вела.

В конце своего повествования я самоуверенно медленно закивала, свернув губы в трубочку, и добавила, расплываясь в улыбке:

– Ну, так и как ты думаешь, с кем я иду на свидание сегодня вечером?

– Да быть этого не может – Йен перезвонил! Вот класс!

Элли закатилась смехом, заражая и меня. Я шутливо скорчила рассерженную гримасу и приступила толкать подружку в бок.

Никто не был против разойтись по домам. Точнее, Элли, конечно рвалась сделать из меня симпатичную куклу, но я уговорила её отдать меня в руки самой себе.

– Тогда можно я хотя бы позвоню Томми?

– Да! А то до завтра я явно не найду в себе столько сил, чтобы также красочно рассказать ему эту новость. Ты выжила меня без остатка!

– Я? – Элли смотрела на меня с таким восхищением, будто я только

что на её глазах превратилась в жар-птицу.

По приходу домой я почувствовала голод, но обычная человеческая потребность не должна указывать мне, что делать. Хотелось кружиться, танцевать, хотелось быстрее включить какое-нибудь концертное выступление Мартина. Монитором завладел синий экран, а я тем временем позволила себе стащить из холодильника кусок сыра, оставшийся от наших посиделок под вино. Однажды Мартин в каком-то интервью сказал: «Любовь – сильная зависимость одного человека от другого» Таки да! Причем реальная такая, осязаемая зависимость, не менее чем, если бы я подсела на кокаин, но вдруг резко оборвала связи с поставщиками. Под эти мысли фанатично разглядывала ровные линии его губ, изгибы его ушей, трогательные светлые реснички. Я наслаждалась, столько, сколько могла себе позволить, выжимая от соблазнительных мечтаний все до последней капли.

К вечеру я была готова на все сто процентов. Конечно, меня немного трясло, я успокаивала себя тем, что уже общалась сегодня с Мартином, как бы странно это не звучало, и ничего страшного со мной не произошло. Перед самой дверью я положила руки себе на грудь и выдохнула. Завтра в этом доме будет жить уже совершенно новый человек, я уверена, что изме-

нюсь до неузнаваемости.

Я несмело дотронулась до дверей кафе. В помещении был приглушенный свет, играла тихая музыка, и кругом не было ни единого свободного столика. У меня стали подкашиваться ноги, плохой признак! Не хотелось вглядываться в каждого посетителя, особенно глупо получится, когда на четвертом-пятом я, наконец, признаю Мартина. Нет, я слишком шикарно выгляжу. Я должна была свободно зайти, невзначай оглядеть зал и чуть отчужденно сесть за столик своего мужчины. Вместо этого, мне пришлось шуриться и шугаться официантов, которым я так и попадалась под ноги.

Боже, это свидание ещё не началось, но уже доставляет мне массу неудобств. С моими минус полтора на правом глазу и минус единица на левом зал стал походить на потекшую акварельную картинку. Кто мне запрещал купить себе линзы? Пару лет назад я гордо принесла домой такую пару для моих ослабших глаз, к сожалению, кроме горького потока слез и очередного разочарования в себе они мне не принесли ровным счетом ничего. В тот день, я помню, как ревела, будто произошло что-то ужасное. Я никак не могла смириться со своим бессилием и позволила слезам свободно хлынуть из моих глаз.

Я стояла возле стойки информации и не решалась двигаться. Вне-

запно ноги решили все за меня. Я быстро зашагала к двери с нарисованной в кружочке юбкой. Захлопнув за собой дверь в уборной, я безутешно взглянула в зеркало. На меня смотрело испуганное затравленное лицо. Я включила холодную воду и опустила под нее руки. Пока охлаждала щеки, мысленно я наполнялась решимостью повторить свой выход в свет. Просто выйду из уборной и, как ни в чем не бывало, подойду к кому-нибудь из персонала.

– Извините... - окликнула я девушку офици-

антку.

Та остановилась возле меня как вкопанная и выдала мне пугающе ровные все тридцать два зуба.

– Не могли бы мне помочь найти столик?

Девушка лишь кивнула и скрылась из поля видимости. Не успела я обернуться, как она снова возникла передо мной, держа в руках длинный блокнот. Она учтиво посмотрела на меня:

– На какое имя бронирован столик?

Я нетерпеливо выдохнула:

– Мартин Крейн.

Девушка залистала страницы. А потом прикоснулась к моему плечу, направляя меня в следующий зал. Заприметив кудрявую макушку за столиком у окна, я выпрямила спину и перестала походить на заблудившуюся девочку. Официантка довела меня до столика и пожелала нам приятного вечера.

При виде меня Мартин отставил кружку кофе и встал, чтобы прислониться ко мне щекой.

Автор: Тугучева
Ксения

Замок из песка

Три дня спустя Вирджиния с сыном вылетели домой на частном самолёте «Линкольн Индастриз». После двухнедельного путешествия жизнь мальчика снова вошла в прежнее русло, однако теперь в ней появилось новое измерение, в исследование которого он с наслаждением погрузился. Начав с адаптированных версий рыцарских легенд, он постепенно перешёл к романам и книгам по истории Континентальных Войн. Мир, что так неожиданно открылся его глазам в старинном замке, приобретал всё больше и больше граней. На некоторое время рыцарская тематика стала главенствующей в играх Честера с Гре-ем, однако Эндрю достаточно быстро пресытился

романтикой турниров и поисками священных артефактов, предпочтя более современные моменты. Линкольну было немного обидно, что друг не разделял с ним его страсть, но это чувство вскоре прошло. Будучи ещё ребёнком, Честер уже умел принимать людей такими, какими они являлись, и не считал себя вправе требовать от них меняться в угоду его желаниям.

Однажды в сборнике произведений для детей Линкольн случайно обнаружил небольшой рассказ, заставивший его серьёзно задуматься. Речь шла о мальчике возраста Честера, точно так же увлечённого всем, связанным с рыцарством. Он был толстым, неуклюжим и замкнутым, одноклассники

смеялись над ним, и никто не догадывался, какое благородное сердце билось в столь неказистой оболочке. Как-то зимой, гуляя в одиночестве вдоль берега замёрзшей реки, он увидел своего одноклассника, кричавшего и звавшего на помощь. Оказалось, что какой-то малыш решил пройтись по тонкому льду и провалился в ледяную воду. Главный герой, не раздумывая, бросился спасать ребёнка и всё-таки вытащил его на берег, хотя лёд под его весом еже-секундно угрожал треснуть. Одноклассник, всё это время наблюдавший за происходящим со стороны, оживился и предложил самому отвести трясущегося от холода и испуга малыша домой. Озябший спаситель вернулся к

себе и, никому ничего не сказав, лёг на диван и тут же уснул. На следующий день в школе состоялось собрание, где того самого трусливого одноклассника чувствовали, как спасшего от смерти маленького ребёнка. Толстый мальчик вначале хотел было вмешаться, но побоялся привлечь к себе внимание, а к концу собрания и вовсе поверил в новую версию случившегося. Придя в класс, он сел за стол, придвинул к себе тетрадь и ручкой стал рисовать в ней рыцаря. Честер сочувствовал герою рассказа, видя в нём родственную душу, однако при этом он понимал, что тот просто не мог поступить иначе. В какой-то момент в голову ему пришла волнующая мысль: а смог бы он сам совершить подобное, рискуя жизнью и в итоге оставшись неизвестным? На протяжении последующих лет Линкольн неоднократно возвращался к этому вопросу и каждый раз думал о том, что для такого поступка ему вряд ли хватило бы силы духа. Но тогда, столкнувшись с осознанием собственной слабости, он впервые ощутил столь несвойственное для себя раздражение от того, что жил в мире, где услужливые и вездесущие механизмы не оставляли места для подвига.

Родители по-разному отнеслись к увлечению сына. Майкл воспринял его как очередную игру, которая рано или поздно прискучит и будет заменена на что-то другое.

В конечном счёте, ему достаточно было того факта, что хобби мальчика никак не влияло на его учёбу. Нельзя сказать, чтобы он совсем не интересовался внутренней жизнью своего ребёнка, однако интерес этот был скорее поверхностным. Линкольн-старшего вполне удовлетворяло то, что мальчик всегда выполнял требующееся от него, не доставляя никаких проблем в воспитании, и потому он просто не задавался вопросами по поводу того, что могло скрываться в душе Честера. Вирджиния, прекрасно осознававшая важность доверительных отношений с сыном, напротив, чувствовала, что за проснувшейся в нём любовью к прошлому кроется нечто важное. Проблема заключалась в том, что при всём желании она всё меньше и меньше понимала, что творилось в духовном мире её мальчика. Порой он напоминал ей умудрённого опытом пожилого человека, которого возраст сделал отстранённым от радостей и горестей бытия. Вирджиния ни секунды не сомневалась в том, что Честер любил своих родителей, бабушку и дедушку, любил Энди Грея, как любил читать или музицировать, но это была любовь, исходящая от рассудка, а не от сердца. Человек, наделённый такой любовью, осознаёт важность близких людей в своей жизни, он благодарен им за то, что они существуют, но ему совер-

шенно не нужно регулярно общаться с ними. По большому счёту ему достаточно знания, что они присутствуют в мире, и всё потому, что подобные люди живут, смотря только в себя. Вирджиния отчаянно пыталась найти причину, по которой её сын стал таким, искала и не находила ничего. В своё время она сама пережила душевный надлом, и всё же внутри у неё была любовь – любовь к своему ребёнку, к сердцу которого она так хотела подобрать ключ. Как и прежде, она много общалась с сыном, но теперь в их разговорах время от времени стали появляться прорехи, словно бы Честер избегал определённых тем, не желал озвучивать то, что считал только своим. Иногда Вирджиния мечтала, чтобы её ребёнок был простым мальчишкой, в меру ленивым, в меру балованным, предпочитавшим книгам незатейливые забавы со сверстниками. Она ни с кем не могла поделиться своими мыслями, ни муж, ни родители не способны были её понять, и ей оставалось лишь надеяться, что рано или поздно она всё же сможет преодолеть невидимый барьер, окружавший Честера. Время показало, что надеждам этим не суждено было сбыться.

В тот холодный февральский день Честера, которому не так давно исполнилось тринадцать лет, из школы вместо Вирджинии приехал забрать один из шофёров семьи Лин-

колья. Мальчика это не удивило: обычно мать ездила за ним сама, но порой дела заставляли её присылать вместо себя кого-то из водителей. Лишь оказавшись дома и обнаружив там бабушку, Честер понял, что произошло что-то действительно серьёзное. Он начал задавать вопросы, его пытались отослать в его комнату, но мальчик был настойчив. В конце концов, бабушка с застывшим лицом сообщила, что Вирджиния попала в автокатастрофу, и сейчас врачи борются за её жизнь. Обладая Честер чуть большим жизненным опытом, он понял бы, что мать его уже мертва, но в тот момент он не способен был размышлять. Его охватило ощущение полной ирреальности происходящего, и он стал трясти головой из стороны в сторону в безумной надежде, что это поможет ему очнуться от кошмара. Бабушка подошла к нему и неловко прижала к себе. Голова Честера на секунду замерла у неё на груди, потом что-то щёлкнуло у него в мозгу, и, теряя сознание, он обмяк под пытающимися удержать его руками.

Вирджиния Линкольн умерла мгновенно, не успев почувствовать боли, так, по крайней мере, утверждали эксперты. Это случилось, когда она возвращалась от подруги, жившей в пригороде. У неё ещё оставалось достаточно времени до того, как нужно было забирать сына из школы, и по доро-

ге она планировала заглянуть в одно из своих любимых кафе, чтобы выпить чашку кофе. Вирджиния как раз собиралась вписаться в поворот, который шоссе делало при въезде в город, когда крохотный сосуд лопнул у неё в голове. Потерявшая управление машина с мёртвой женщиной за рулём выехала на обочину, где и замерла, остановленная электронной системой безопасности. Миссис Линкольн никогда не жаловалась на здоровье, и произошедшее, по словам врачей, относилось к тем редким случаям, которые медицина, за неимением более достоверной версии, осторожно объясняет генетической предрасположенностью. Подробности эти Честер узнавал в основном из обрывков разговоров взрослых, но всё услышанное его почти не трогало. За время, прошедшее после катастрофы, он ни разу не заплакал, включая и день похорон, проходивших под тяжёлым грязно-серым небом, когда пронизывающий ветер гудел и выл, заглушая голос священника. Мальчик не замкнулся в себе, поведение его не было вызвано подсознательным чувством вины за смерть матери, просто порвалась единственная нить, связывавшая реальный мир с миром, в котором он мечтал жить. Отныне, и Честер чётко отдавал себе в этом отчёт, у него не оставалось никакого другого пути, кроме того, что предназначала

ему судьба в соответствии с происхождением. Линкольн-младший понимал, что жизнь его вскоре круто изменится, и, используя некоторое оставшееся время, уходил от окружающей действительности, чтобы без помех пообщаться с матерью и с прошлым.

Майклу Линкольну потеря жены нанесла серьёзный удар. Он не любил Вирджинию, да и вряд ли вообще был способен испытывать это чувство в привычном понимании. Для него она стала кем-то вроде давнего партнёра, которого уважаешь и которому доверяешь настолько, насколько это вообще возможно в мире, полном интриг и лицемерия. Линкольн осознавал, что со смертью супруги ему придётся кардинально поменять свою линию поведения по отношению к сыну. Кто-то должен был заниматься воспитанием Честера, следить за его учебными результатами до тех пор, пока мальчик не станет юношей. Тогда, используя уже накопленные знания, он сможет начать приобщаться к деятельности корпорации. Майкл знал, что не мог положиться в этом отношении на семью Делсон. Первую неделю после похорон мальчик провёл в основном со своей бабушкой, и было видно, с каким трудом давалось ей общение. Она горевала по дочери, но эту женщину, с ранних лет привыкшую к безмятежности светской жизни, угнетала сама

мысль о том, что ей придётся существовать в иной атмосфере, чуждой и непонятной. Она совершенно не представляла, как вести себя с таким странным ребёнком, как Честер, как она сама иногда его называла, общаясь с подругами.

Решение проблемы, так сильно занимавшей Линкольна-старшего, пришло со стороны его тестя. Именно Финикс Делсон предложил Майклу определить Честера в закрытую частную школу для мальчиков Гейтс-Фоллз, находившуюся в получасе езды от Города. Школу эту, известную как строгой дисциплиной, так и высоким уровнем преподавания, скорее можно было назвать пансионом. Ученики жили там круглогодично, отправляясь домой только на выходные и праздники, и не имели права без специального разрешения покидать территорию. Для многих богатых родителей это была прекрасная возможность получить отдых от своих донельзя избалованных, развращённых деньгами отпрысков. Впрочем, мистера Делсона не отпугивала перспектива того, что ближайшие несколько лет его внук проведёт бок о бок с рано повзрослевшими выродками, некоторые из которых к четырнадцати годам уже успели вкушать прелести алкоголя и лёгких наркотиков. Благодаря общению с компетентными людьми, он знал, что в суровых условиях жизни в школе даже

самые запущенные экземпляры приобретают черты джентльменов. Ко всему прочему упор в Гейтс-Фоллз делался на точные науки, знание которых было необходимым для будущего главы «Линкольн-Индастриз». Естественно, подобная позиция администрации и педагогов стимулировалась весьма солидной стоимостью обучения. С учётом всего сказанного, Майкл Линкольн нашёл идею превосходной. К разговору с сыном о предстоящей смене места учёбы он готовился долго, опасаясь негативной реакции. К его приятному удивлению мальчик воспринял новость спокойно. Спустя всего лишь две недели после этой беседы, чему активно способствовали деньги и связи Линкольна, Честер прощался со своим классом. В тот день последней в списке занятий шла литература, и учитель, выполняя просьбу директора, выделил остававшиеся до звонка пятнадцать минут на то, чтобы мальчик и его одноклассники могли сказать друг другу то, что хотели. Прощание вышло сухим, ведь Линкольн никогда не был душой компании. Даже ребят, с которыми он проводил время благодаря Грею, хватило лишь на несколько приличествующих случаю банальных фраз. Сам Энди до конца урока не сказал ни слова, и только тогда, когда прозвучал звонок, и школьники один за другим покинули класс, он сделал Честеру знак подождать его.

Мальчики устроились в коридоре возле оконного проёма и некоторое время молчали, не зная, как начать разговор. Грей понимал, что в жизни его друга наступили большие перемены, он жалел его, но не мог выразить свои чувства словами. «Ну, мы же будем иногда общаться на каникулах и в Сети», – наконец неуверенно выдавил он. Честер кивнул, и внезапно они неожиданно сами для себя крепко обнялись и на время замерли, вложив в этот полудетский-полувзрослый жест горькое сознание того, что им уже никогда не быть вместе. Грей первым прервал объятие, словно бы стыдясь своего порыва, как-то неловко сунул Честеру руку и, резко повернувшись, зашагал по коридору прочь. Линкольн смотрел вслед уходящему другу, и на секунду в груди его что-то дрогнуло, отозвавшись болью. На следующий день двери школы Гейтс-Фоллз приняли в себя нового ученика.

За последующие три с половиной года Честер неоднократно имел возможность проверить справедливость рассказов об этом привилегированном заведении, и, как выяснилось, действительно они отвечали лишь частично. Учителя в Гейтс-Фоллз были профессионалами, знающими и требовательными, но всем им не хватало человеческого подхода к своим подопечным. Между педагогом и классом всегда стоял барьер

ер – в этом заключалась концепция школы. Неукоснительное соблюдение субординации являлось законом и превращало изучение предмета в лишённый эмоционального обмена процесс. Исключение составлял разве что преподаватель литературы, поощрявший индивидуальный подход в анализе произведений. Честер был искренне благодарен этому человеку, без которого вряд ли смог бы в полной мере оценить книги, входившие в обязательный для чтения список. Со всеми остальными учителями Линкольн сохранял нейтральные отношения, выгодные обеим сторонам. Честер полностью устраивал педагогов как не доставлявший никаких проблем ученик, они же интересовали его исключительно в контексте знаний, которые могли дать. Что же касается учащихся Гейтс-Фоллз, то многие из них были весьма далеки от образа вступивших на путь джентльменства, вопреки мнению знакомых Финикса Делсона. С самого детства привыкшие к вседозволенности, лицемерные и циничные, в школе и дома они старательно поддерживали образ пай-мальчиков, используя любую возможность, чтобы вернуться к своим совсем не детским развлечениям. В часы досуга, прогуливаясь на школьном дворе, эти милые подростки вели разговоры, которые повергли бы в шок значительно более искушённых в жизни

людей. Честер слушал откровения одноклассников с некоторой брезгливостью, но и не без любопытства, изучая новые для себя грани человеческой натуры. В своём классе Линкольн, как и прежде, держался особняком, не стремясь стать частью давно сложившихся компаний. Покушений на его свободу не предпринималось. В Гейтс-Фоллз не было принято травить новичков (во многом из страха наказаний), к тому же Честер никогда никому не отказывал в помощи, когда речь шла, например, о решении хитроумной задачи по физике или математике. Одиночества он не ощущал. Ему хватало дел, да и среди соучеников попадались те, кто своими взглядами и суждениями вызывал у него определённую симпатию. С ними он мог общаться в свободное время, если, конечно, того хотел.

Каждый из учащихся школы занимал отдельное помещение с достаточно скромной обстановкой. В этих мини-квартирах были кровать, рабочий стол, стул, два вместительных шкафа, один для одежды, другой для книг и прочих учебных принадлежностей, несколько настенных полок. К комнате прилегала небольшая ванная. Справа от входа в стене располагалась панель, ведущая к жерлу мусоропровода. Уборка помещения осуществлялась во время занятий. Кое-кто утверждал, что в комнатах скрыва-

лись круглосуточно включённые камеры, хотя справедливость этого предположения выглядела несколько сомнительной. Ученики, возвращавшиеся в школу после выходных или каникул, при входе в обязательном порядке проходили со своими вещами через сканеры. Таким образом исключалась всякая возможность пронести с собой что-либо запрещённое, включая сигареты, алкоголь или наркотики. На каждом из сканеров стоял логотип «Линкольн Индастриз». Во всех комнатах учащихся были портативные компьютеры, подключённые к Сети. Специалисты при помощи электронной системы слежения контролировали все перемещения в виртуальном пространстве, блокируя доступ к нежелательной информации.

Распорядок дня в Гейтс-Фоллз был чётко выверен практически по минутам. Ученики поднимались в семь утра и к семи пятнадцати шли на утреннюю зарядку на стадион, находившийся в двух минутах ходьбы от жилых корпусов. В зимнее время зарядка проходила в спортзале, который примыкал к стадиону. В семь сорок все отправлялись на завтрак. В школе имелось две столовых – одна для старшеклассников, другая для учащихся седьмых-восьмых классов. Меню было великолепно сбалансированным и полностью отвечало потребностям молодых организмов. Занятия начинались в поло-

вине девятого. По понедельникам, средам и пятницам в первой половине дня было четыре урока, а в двенадцать тридцать наступала пятидесятиминутка спорта. Школа располагала футбольным и бейсбольным полями, баскетбольной площадкой, залом для игры в настольный теннис. Каждый учащийся был обязан выбрать для себя ту или иную дисциплину. Ежегодно после экзаменов в течение двух последних недель мая проходили соревнования по каждому из видов спорта. При переходе в следующий класс имелась возможность поменять практикуемую дисциплину, однако на протяжении семестра делать это запрещалось. Полчаса после физических нагрузок отводились на принятие душа и переодевание, а потом в два часа дня ученики собирались на обед. После еды полагалось свободное время, которое можно было проводить по своему усмотрению, гуляя по территории или оставаясь у себя в комнате. В двадцать минут четвёртого уроки возобновлялись. Они заканчивались ровно в пять часов, затем наступала очередь работы над домашними заданиями. В это время не разрешалось выходить за пределы своих помещений, впрочем, такое желание мало у кого возникало, учитывая объём учебной загрузки в Гейтс-Фоллз. В семь вечера начинался ужин. Оставшиеся два с половиной часа снова посвящались

домашним заданиям. В десять во всех ученических комнатах гас свет, специальные устройства отключали компьютеры. Слабая подсветка оставалась только в ванной. По вторникам и четвергам расписание несколько видоизменялось. Занятий спортом не было, и до обеда учащиеся имели пять полноценных уроков. Два оставшихся проходили сразу после еды. Они заканчивались в десять минут пятого, а потом школьники могли отдыхать до прихода времени выполнения домашних заданий. Для желающих предусматривались несколько факультативных секций, таких, например, как продвинутые компьютерные курсы или обучение игре в шахматы. Остаток дня проходил так же, как и обычно.

Привыкший к упорядоченности своей жизни, Честер с первых же дней легко вписался в этот распорядок. Ему даже нравилось подобное расписание, так как оно до минимума сводило контакты с нежелательными людьми. Из спортивных дисциплин он выбрал настольный теннис – единственный из предлагаемых вариантов, где не нужно было взаимодействовать с командой, а перейдя в восьмой класс, серьёзно увлёкся шахматами. До того он никогда не играл в эту игру, однако быстро начал делать успехи и в двух последних классах занимал первые места на общешкольных соревнованиях, ос-

тавляя позади более опытных соперников. Из-за недостатка времени теперь он читал меньше, чем раньше, довольствуясь в основном произведениями, которые изучались на уроках литературы. Музичество и рисование остались в прошлом, равно как и мечты о славных рыцарских временах. Если он и испытывал по этому поводу сожаление, то оно пряталось глубоко в подсознании. Убедившись в бессмысленности своих попыток убежать от реального мира, Честер отныне преследовал только одну цель. Ему было необходимо как можно раньше доказать отцу, что он способен начать вместе с ним руководить корпорацией, и таким образом получить независимость. Линкольн не обольщался по поводу возможности обрести в обществе полную свободу от всех и вся. Он лишь ждал того времени, когда сможет принимать решения самостоятельно и, ещё не зная точно, как будет жить тогда, надеялся, что это что-то изменит в его существовании.

Выходные и каникулы Честер проводил дома. Майкл был очень рад, что его сын стал проявлять интерес к деятельности «Линкольн Индастриз», и нередко брал его с собой в рабочие поездки по стране и за границу. Для отца Честера их общение стало значительно более комфортным. В основном они говорили об учёбе в Гейтс-Фоллз, строили планы на будущее, обсуж-

дали различные аспекты работы корпорации – темы близкие и интересные Линкольну-старшему. В то же время отношения Честера с бабушкой и дедушкой всё больше и больше сходили на нет. Смерть дочери оборвала нить, связывавшую супругов Делсон с внуком, и они полностью погрузились в свою жизнь, лишь изредка напоминая о себе посещениями по праздникам. Что касается Эндрю Грея, то они периодически обменивались письмами в Сети, однако переписка эта вскоре приобрела фор-

мальный характер, как часто случается, когда люди не имеют возможности видаться вживую. Происходящее не удивляло и не угнетало Честера – он жил в себе, не считая никого из окружающих обязанным интересоваться его внутренним миром. Во многом его даже радовало то, что близкие люди не стремились поддерживать с ним контактов. Так он был избавлен от необходимости отвечать на вопросы о его жизни, стремлениях и желаниях. Ложь тяготила Честера, но отвечать правдиво было не легче, отчас-

ти потому, что он сам не всегда мог объяснить происходящее у себя внутри, отчасти из-за ощущения неспособности окружающих его понять. Никогда сознательно не формулируя для себя этих понятий, Линкольн жил с чувством одиночества и разобщённости, царящих в мире, когда даже родные по крови люди не могут разделить эмоций друг друга, обречённые на вечные скитания в стенах своего микрокосмоса.

Автор: Алексей Рубан

Евангелие от Лейлах. Труп звезды

Глава 26. Как-то по Чехову

Среди веток мелькнула большая белая тень. Поначалу Сергей не обратил на нее внимания, – слишком сильным было впечатление от встречи с Лилит. Сделав круг, огромная белая полярная сова села на ветку ели и уставилась на босого парня с выпученными черными бешеными глазами.

— Занимательно, – впервые вижу тут такое чудо, – пробормотал Сергей.

Глава 25. Старая любовь Люцифера

— Ты уверен в том, что это тут? – раздался чей-то не слишком приятный голос.

— Место мне знакомо. Нужно только определить направление.

— Спроси у подружки. Совы едят мышей.

— А меня как-то мыши съели.

— Это имеет значение. Поцелуй королевы сладок.

— Как же меня бесят эти туманные многозначные фразы...

Сергей поднял голову и посмотрел на сову. Странная, едва уловимая разумом мысль мелькнула у него в голове.

— Ты покинула меня, но летаешь рядом. Можешь сказать, куда идти?

Сова внимательно посмотрела на Сергея изу-

чающим взглядом, наклонила голову, затем, словно нехотя срыгнула с ветки и, пролетев над самой головой, стремительно унеслась вдаль, непонятно как вписавшись между деревьями.

— Ну и здоровенная, – раздался скрипучий голос.

— Таких я еще не видел, – ответил Сергей.

— Иди за ней, чего встал?

— Думаю.

— Понравилась ее волосы? – прозвучал теперь уже женский голос.

Сергей промолчал; взглянув на Луну, он увидел, как ночное светило изрезала перевернутая пентаграмма. В лесу наступила полная тишина,

затем раздались странные душераздирающие звуки, шепот тысячи голосов, стоны, гул...

Казалось, – весь лес кишит бесами, и те о чем-то шепчутся между собой. Одно из деревьев внезапно засветилось изнутри странным бледно-зеленым светом. Вверх по стволу вилась живая поросль из сросшихся, сплетенных между собой человекоподобных существ. Они непрерывно совокуплялись, шевелились, пульсировали, словно стремясь вырваться из развратной голой спирали, но что-то не давало им это сделать.

— Древо бесов, – произнес чей-то вкрадчивый голос.

— Пустите меня, – раздался еще один, – грудной, сексуальный, принадлежавший женщине.

Сергей увидел, что одному из созданий уже почти удалось вырваться, и подошел ближе. Секунду спустя он ощутил ее прикосновения, сопровождаемые неким подобием разрядов электричества. Это было настолько приятно, что захотелось немедленно сбросить одежду и обнять дерево, притягивающее его почти физически. Где-то совсем рядом раздался крик совы. Сергей опомнился и, отвернувшись, пошел прочь, хоть это и стоило ему невероятных усилий.

— Как-нибудь в другой раз, – бросил он через плечо.

Через лес проходила узкая извилистая тропинка. В свете Луны она

казалась черной блестящей змеей. Пройдя каких-то двести метров, Сергей оказался у ручья, за которым четко обозначился силуэт его дома. В черной воде что-то плеснулось. На деревянном мостике сидела русалка, опустив в воду хвост.

— Почему ты босиком? – спросила она звонким красивым голосом.

— Не знаю. По лесу вот бегал после смерти, но как попал туда, – не пойму.

— Ты, не мертвый, – сказала она с какой-то обидой в голосе.

— Значит та, которую я видел, – была не смерть?

— Смерть не была, смерть будет. Ты не её видишь, но, того, кто пришел, дурак, – быстро ответили ему голоса русалок, один соблазнительнее другого.

— Есть вещи, о которых нигде не узнаешь.

— Они

— видны

— в грезах.

— Девчонки, я тут замерз маленько. Не хотите зайти в дом?

— Ты

— нас

— меня

— всех

— приглашаешь?

— Что такого? У меня коньяк есть. Посидим, поболтаем.

Русалка, сидевшая на мостике через ручей, откинула длинные волосы и посмотрела на парня. От ее взгляда тому стало не по себе. Бездонные глаза - озера, глядели пристально,

холодно и внимательно. Было в них нечто непостижимое, пугающе-настораживающее, inferнальное, безнадежное, способное свести с ума. Умные глаза изощренного демона - убийцы на прекрасном девичьем лице.

С трудом оторвавшись от этого взгляда, в котором можно было за просто утонуть, Сергей прошел через мостик, слегка коснувшись рукою волос русалки, и поднялся к калитке. Открывая ее, он оглянулся и, снова встретившись взглядом с русалкой, сказал теперь уже без тени заигрывания в голосе:

— Я один дома, заходи, если хочешь.

Русалка улыбнулась печальной, странной улыбкой и, ничего не ответив, прыгнула в воду. Сергей зашел в дом. Дверь была открыта настежь, – тепло выдуло, – пришлось затопить печку. Налив себе бокал коньяка, он расположился на диване, обдумывая случившееся. Заряженный солью и хлебом обрез лежал рядом.

Некоторое время спустя стало ясно, что начинается грибной отходняк. Кумарило парня нешуточно. Несмотря на коньяк, стали накатывать жуткие приступы страха. Все болело, как после побоев. Стало трясти. Тело покрылось холодным едким потом и жутко чесалось. Нужно было срочно что-нибудь предпринять.

Как учил Воланд в известной книге: «Подобное лечи подоб-

ным». Недолго думая, Сергей вскипятил новую порцию мухоморов и принялся пить горячий отвар, словно чай. Волна удовольствия прокатилась по всему измученному организму. Мозг буквально расплавился от наслаждения. Это был чистый кайф. Допив все, без остатка, Сергей прилег на диван, и тут-то вдруг началось.

В голове стали звучать, не умолкая, по кругу, непроницаемые сумасшедшие фразы. Страдания от этой дьявольской словесной карусели ощущались буквально физически. Кто-то сидел внутри черепа и старательно издевался, глумился над ним. Вынести это было почти невозможно.

Порция коньяка слегка облегчила мучения, но и адекватному мышлению тоже пришел конец. Опьянение казалось похожим на алкогольный делириум, – но разве пьяный способен к самоанализу? Стоя у зеркала и криво ухмыляясь, Сергей приставил ко лбу черный ствол и спустил курок.

Звук выстрела из обреза внутри помещения, – штука довольно громкая, если не сказать больше.

— От так, – послышался где-то вдалеке насмешливый женский голос. Вслед за этим последовал чей-то веселый смех.

Завернутый в бумагу хлебный мякиш, вырвав кусок скальпа, улетел в потолок, оглушив неза-

дачливого экзорциста потрясением, подобным удару лома или стальной монтировки. В ушах стоял жуткий звон, точнее, – звук высокой частоты, сродни электрическому писку неотрегулированного микрофона, (кто однажды был оглушен взрывом или огнестрельным оружием, тот знает, о чем я). Кровь текла на пол густой стружкой, образуя красную лужицу, растущую на глазах.

Посидев немного, истекая кровью, Сергей очухался и взглянул на свою рану в зеркало.

— Ежу понятно, что надо зашивать, – сказал он кому-то и, подняв телефонную трубку, принялся набирать номер скорой помощи.

Сова, сидевшая в это время на коньке крыши дома, спикировала вниз и, схватив когтями вылезшую на грядку полевку, полетела на юг.

WD

Глава 27. Застолье в Преисподней. Асмодей

С высоты птичьего полета маленький шалаш Панка, расположенный под большой елью и накрытый еловыми ветками, почти не был замечен. Белая сова, которую необъяснимым образом тянуло к людям, хоть она и предпочитала держаться поодаль, сделала круг и села на ветку. В ее огромных глазах отражались тлеющие угли. Похоже, – хищница задремала или впала в какой-то совиный меди-

тативный транс.

Накануне рано утром пошел дождь. Кинув в костер нового хвороста, благо вокруг хватало этого добра, Панк немедленно принялся за строительство. Подгоняемый холодом, дождем и отчаянием, он работал без перерыва, не покладая рук, и вскоре жилье было готово.

Накидав внутрь мягких пахучих пихтовых веток, Панк добавил в костер еще немного сушняка, подтащил перегоревший пополам ствол дерева и забрался внутрь своего убежища. Остатки БМК то ли уже выдохлись, то ли просто перестали действовать, и он разочарованно отбросил пакет.

Шум дождя и усталость сделали свое дело, – вскоре Панк спал как младенец, свернувшись калачиком в маленьком шалаше среди тайги и болот.

Панк проспал весь день, пока не стемнело; при этом ему показалось, что он просто на минуту закрыл глаза. Костер тлел только за счет ствола дерева, но вылезать из шалаша не хотелось. Незнакомно, сколько бы он еще так провалялся, но в воздухе раздался странный нарастающий грохот. Выбравшись на улицу, Панк увидел, что небо над лесом озарилось пламенем. Огненный шар поднимался вверх где-то совсем рядом. Вслед за ним последовал еще один, такой же грохочущий и неимоверно яркий.

Когда грохот стих, и светящиеся шары исчез-

ли в ночном черном небе, прозвучал раскат грома. Гроз осенью в этих краях никогда не было, – небо просто заволакивало темной пеленой, которая стояла неделями, превращая дни в серые сумерки. Сейчас же, после грома, дождь почти сразу же прекратился.

Стареющая Луна показалась на небе. Сначала тусклая, она становилась все ярче, пока не засияла как безумный фонарь, освещая лес волшебным серебряным светом. Панк нырнул в шалаш, нашел на ощупь пакет и быстро пошел через лес в ту сторону, откуда взлетали ракеты. Пройдя небольшое, покрытое густым мхом и клюквой болото, Швед вышел на сосновый бор. Идти между сосен по ровной песчаной почве было легко и приятно. Поднявшись на холм, он вышел к краю карьера. Впереди были видны огни воинской части, – как это часто бывает, беглец описал по лесу и болотам огромный круг, и снова вернулся на прежнее место, только с другой стороны!

Пробравшись в часть, словно партизан-ниндзя, Швед умудрился не только набрать БМК, но и обокрасть стоящий на улице вездеход. В кабине он обнаружил перочинный нож, котелок, кружку, две банки тушенки, хлеб в новом "полит-этиленовом" пакете, сигареты и сгущенное молоко. Обнаружилось и кое-что из обмундирования. Покидав наворованное в валявший-

ся тут же вещмешок, Панк надел армейский бушлат поверх своей куртки и отправился в обратный путь. Настроение его стало прекрасным.

Вскипятив на костре котелок ключевой воды, он наелся тушенки и, прихлебывая из кружки горячее сладкое молоко, принялся размышлять о том, как наберет днем клюквы, поищет грибы в сосновом бору, соберет брусничных листьев для чая. Две сигареты «Прима» помогли унять разыгравшийся аппетит, – еду следовало экономить. Впрочем, все желания перестали существовать для Панка, как только он взял в руки пакет с черной густой дурмящей жидкостью.

Возможно, виной тому послужили мысли о пище и крове, но первое, что привиделось лесному отшельнику, – это красиво сервированный богатый стол, изобилующий изысканными яствами и напитками.

За круглым столом сидели четыре восхитительные женщины, – одна из них сияла изнутри, словно ангел. Внешность ее, казалось, постоянно менялась, будто дама примеряла разные лица, пока вдруг не остановила свой выбор на восхитительном, божественном, но прохладном мраморном облике. Должно быть Лилит просто задумалась, вспоминая что-то, а потом вдруг стала сама собой. Необычайно соблазнительный кусок мяса в ее

тарелке оставался нетронутым. Пригубив вина, экс дьяволица взглянула на одну из сидящих напротив женщин и тихо сказала:

— Я слушаю тебя, Лейла.

— Когда ты покинула нас, я была еще совсем юной, наивной девушкой, но вместо того, чтобы веселиться со всеми и наслаждаться молодостью, мне пришлось всю себя посвятить семейному бизнесу. Это было вовсе непросто. В нашем прекрасном мире, твоя, скажем так фирма, – одна из наиболее прибыльных. Дальние родственники, самозванцы, просто стервятники кружились вокруг голодной стаей. Любой из них, целуя руку, и говоря льстивые комплименты, с большим наслаждением содрал бы с меня кожу, – стоило б мне только немножко расслабиться. Даже сейчас, спустя годы, я не чувствую себя неуязвимой. Слишком уж все вокруг извращены. Только чудом мне удалось выжить и сохранить нашу кампанию.

— И это чудо – отец нашей прекрасной Миэллы?

— Нет смысла отрицать. Он опекал меня с самого начала. Стал моим наставником, учителем...

— Любовником, – Лилит наконец-то отрезала кусочек сочного сладкого, в меру прожаренного мяса, и, положив его в рот, слегка приподняла бровь.

— Думаю, что я

всего лишь напоминала ему о тебе. Но, не скрою, – нам было хорошо вместе.

— Я не виню тебя, Лейла. Это был великолепный шанс, и ты его достойно использовала.

— Я и не чувствую себя виноватой.

Лейла подернула плечами и подцепила вилкой немного красной икры. Щелкая во рту маленькими шариками со жгучей начинкой, она зажмурилась от удовольствия.

— Как я понимаю – ты сердита на меня, за украденное детство?

— Вовсе нет, но я хотела бы вернуть его.

— Поясни.

— Я не хочу нескольких веков амнезии. Мне просто нужно немного отдохнуть от всего этого.

— Хочешь поехать куда-то в отпуск?

— Ты знаешь, куда.

— Мы все хотим этого, – вмешалась Миэлла. Кстати, правда, что ты была царицей Саабской, мама?

— Воплотиться в мире людей вовсе несложно, и способов множество. Это по силам каждой из вас. Вопрос только в том, кто сможет обеспечить должную безопасность вашим тушкам на этот период, уход за ними.

— Но ведь ты смогла, – Нагиля, должно быть уже о чем-то договорилась с матерью, но решила все же поучаствовать в разговоре.

— Ответ очевиден, – я могу путешествовать

по отражениям, скажем так, – во плоти. Вам это недоступно, – только первозданные обладают такой способностью.

— Значит, облом, – Миэлла опять выпила лишнего и теперь сидела, откинувшись на спинку стула с бокалом в руке.

— Ну почему же. Вступив в альянс с вами, я могу все устроить наилучшим образом.

— И каковы будут условия соглашения? – Лейла мыслила как настоящая акула бизнеса, понимая, что даром ничто не дается, даже в кругу семьи.

— Я вернусь и выйду замуж за Нортон, но одна из вас должна будет занять мое место; другой же придется окрутить Асмодея.

— С Асмодеем все ясно, – сказала Лейла с улыбкой. – Я сама с ним спала пару раз, чтобы заключить один договор. От него зависит очень многое. Но вот, насчет того, что бы стать богиней?

— Лейла, ты слишком много времени уделяла делам, – рассуждаешь как ядреная материалистка.

— Не было времени для изучения старых легенд и сказок.

Лейла бросила на стол салфетку и отпила несколько глотков вина. Рядом с матерью в ней проснулась все же, та юная девушка-подросток, что беспечно играла в волшебном лесу с его странными обитателями. Сердце дьяволицы защемило от

этих воспоминаний, – таких ярких, манящих и красочных.

— Не грусти, моя девочка, – неожиданно для всех мягко сказала Лилит, – даже облик ее, казалось, потеплел, засияв желтым светом.

— Роль богини не так уж плоха, а Асмодей и Нагиля будут прекрасной парой, – прозвучал не совсем трезвый голос Миеллы.

— А я не против, – сказала Нагиля, – странная улыбка блуждала на ее прекрасном личике.

Асмодей был одним из самых могущественных, знатных и сильных демонов. Хотя его и окрестили дьяволом вожделения, блуда, ревности, мести, ненависти и разрушения, но все же, князь инкубата и суккубата, принц Карателей Злодеяний, пятый из десяти архидемонов, хозяин всех игорных заведений преисподней и лучших домов моды, сын прекрасной Нахемы, – ангела амазонок, и самого Михаила... был молодым интересным мужчиной. Дамы считали Асмодея ужасно красивым и соблазнительным. С самого детства Нагиля была влюблена в него, но стать просто шлюхой ей не позволяла восточная гордость, а от женитьбы Асмодея ревностно оберегала его августейшая мамочка. Теперь же, с приходом Лилит, Нагиля могла легко добиться желаемого. Нахема сама захочет стать ближе к Лейлах, тем более что они были похожи, как

сестры и никогда не враждовали.

— Конечно не против, – парочка людоедов у руля власти, – Миелла подставила опустевший бокал стоявшему рядом лакею.

Юноша не был демоном. Души людей использовали здесь по-разному, – иногда весьма экзотично. Этой же доведется исчезнуть после ужина, обнажив крохотную искру духа, если таковой еще оставался внутри.

— Миелла, зачем так завидовать чужому счастью, – Нагиля таинственно улыбнулась.

Было ясно, что на гастрономических страстях и вожделении, ее интересы не заканчиваются. Архидемон мог дать многое. Существовала даже легенда о том, что Асмодей, подобно Лилит, жил некоторое время в облике царя – черно-книжника Соломона. Когда тот имел глупость состязаться с ним в силах и снял перстень Рафаила, то был выброшен из собственного тела, а Асмодей, заняв его место, неплохо повеселился.

— Значит ли это, что все довольны? – Лилит подняла бокал и, вскинув одну бровь, оглядела присутствующих.

Многозначительные взгляды, пролетевшие вслед за этим над столом между всеми четырьмя женщинами, могли запросто воспламенить сырые дрова в камине.

— Что ж, каждая из

вас знает, чем ей следует заняться на сегодняшний день. Лейла, будь готова к тому, чтобы кратко и четко ввести меня в курс текущих событий. Избавься от лишней бумаги и незавершенных дел. Если какие-то вопросы затягиваются, – прими радикальные меры, – к моему приходу пусть все будет красиво и чисто.

Нагиля, я на твоём месте немного бы повременила. Ну а тебе, Миелла придется отправиться со мной. Не думаю, что Лейла не позаботится о сохранности твоего тела.

Лейла посмотрела на сестру и облизнулась. Миелла слегка поморщилась и послала ей воздушный поцелуй. Нагиля ухмыльнулась и, опустив глаза в тарелку, отрезала кусочек мяса, которое удивительным образом все еще было горячим. Она тоже испытывала на себе опьяняющее действие чар Лейлы и не слишком удивилась, поняв, что Миелла поддалась на них.

— Вы покидаете нас немедленно? – Лейла жестом позволила убрать тарелку. – Не попробуете десерт?

— Угости бедную девушку и отправь ее домой, – сказала Лилит, вспыхнула ярким светом и медленно потухла.

Вместе с этим и Миелла уснула прямо на стуле, безвольно опустив голову и выронив бокал из руки.

— Что это с ней? – недоуменно произнесла Лейла, делая знак офици-

антам подавать сладкое.

— Почувствовала свою кровь, – ответила Нагиля. – Думаю, наша мама не раз жила среди людей, оставляя после себя потомство.

— Несчастные создания, – грустно сказала Лейла. – Жить в человеческом теле, имея inferнальную душу, – всю жизнь страдать, чувствовать себя чужим, брошенным, неуместным и проклятым существом, лишенным силы.

— Таков их удел. Кажется, наша родственница-обезьянка просыпается.

— Принесите бренди и кокаина, – приказала Лейла.

Нина открыла глаза и удивленно осмотрелась вокруг, – она смутно помнила, как ею овладел дух Лилит, но, все же, не могла поверить в происходящее. Дрожащей рукой она дотронулась до бриллиантового кольца на своей груди, потрогала затейливую прическу. Нагиля улыбнулась и, открыв сумочку, протянула Нине маленькое серебряное зеркальце. Взглянув на себя и, видимо, найдя увиденное более, чем удовлетворительным, девушка немного успокоилась, но осталась пребывать в ступоре.

Через мгновение перед ней возник небольшой золотой поднос, на котором заботливо были сделаны две белых дорожки, лежала стеклянная трубочка, стоял низкий коньячный бокал со сливовым бренди и маленькая

золотая тарелочка с посыпанными кофе и сахаром кружками лайма.

— Подлечись, потом будем есть пирожные, — запросто сказала Лейла.

— Поверь мне, Лейла знает толк в деликатесах, — Нагиля поставила на стол свой бокал; вокруг бесшумно порхали слуги, следовала смена вин.

— Странно все-таки все складывается, — Лейла слегка нахмурилась. — Слишком уж гладко и просто.

— Разве ты не договоришься заранее с Люцифером и не просчитала все до мелочей?

— Можешь мне не поверить, но его появление было для меня неожиданностью.

— Посидим у камина? Не люблю я засто-

лья, — Нагиля, привыкшая к восточной роскоши и правда чувствовала себя неуютно, сидя на стуле.

— Действительно, — сидим тут как неродные. Пошли, обезьянка, решим заодно, что с тобой делать, — сказала Лейла, вставая.

— Ее нужно вернуть, — сказала Нагиля.

— Я не хочу возвращаться, — Нина смотрела на своих мучительниц глазами полными слез.

— Ты не умерла, — это всего лишь сон, — ответила Лейла.

Нагиля кивнула головой в знак согласия и тоже встала из-за стола. Спустя минуту все трое сидели в низких удобных креслах, сняв туфли. Босые ноги Нины приятно ласкала леопардовая шку-

ра; в камине уютно потрескивали дрова...

Подбрасывая дрова в костер, Панк с удивлением обнаружил, что он сидит у огня без пакета. То ли он спал на ходу, то ли начинал грезить уже наяву, и БМК нужен был просто, как катализатор, а то и не нужен вовсе. Но, тем не менее, желание снова воткнуться стало непреодолимым. Обыскав все вокруг, Швед наконец-то нашел свой пакет в шалаше и снова быстро вошел в состояние транса. Вероятно сове, сидевшей неподалеку, все это порядком наскучило, поэтому она, бесшумно прыгнув с ветки, унеслась вдаль.

Автор: Вадим Доннерветтер

Зачеркнутый порт

Нескончаемый людской поток тек через терминал иркутского аэропорта. Вот гулкий мраморный зал аэровокзала, высокие ясные окна. Раннее утро, по местному должно быть около пяти часов. Бывший командир Боинга Николай Петрович Калинин смешался с толпой пассажиров и вместе с нею вытек из здания. Общественному транспорту было еще рано выползти из депо на свет Божий, поэтому он махнул таксисту. Добравшись до железнодорожного вокзала, Николай Петрович купил билет на электричку до станции

Слюдянка, а на сдачу — кофе и сэндвич с сыром и колбасой. Есть правда, почему-то не стал, а сложил в пакет. Трястись в заплеванном вагоне электропоезда, где стыки лавок пахнут невыносимой смесью прокисшего пива, пыли и немытых ног, привыкший к стерильной чистоте пластиковых панелей Калинин не вынес и сбежал в тамбур. Там запахи были все те же, но, по крайней мере, там можно было курить.

Прорубленная в скалах Кругобайкалка изгибалась по берегу старейшего озера планеты Земля,

а Николай Петрович шурился сквозь грязное стекло и изучал пейзаж, который привык наблюдать с высоты птичьего полета. Оттуда Байкал более всего напоминал голубой баклажан, оставленный кем-то на зеленой шерстяной скатерти тайги. Калинин смотрел и курил, пока его не прошиб мучительный приступ кашля. Тогда он вернулся в вагон и, найдя место рядом с открытым окном, выставил лицо навстречу потоку. Упругий поток набегал, заставляя шурить глаза, просто так дышать было трудно, и Николай Петрович вспом-

нил игру сорокалетней давности: расслабить межреберные мышцы на вдохе так, чтобы воздух под напором сам заполнял легкие, а напрячься только на выдохе, выталкивая отработанный «выхлоп». Ощущения были очень странными, но всегда забавляли его, к тому же он точно знал, что стоя он не сможет заснуть, а, значит, не увидит очередной глупый сон.

Раздвижные двери выплюнули Калинина на перроне перед мраморным зданием. «Слудянка» — гласила вывеска. Вокзал был не просто облицован мрамором, а именно что полностью построен из блоков драгоценного минерала. Но старый летчик исключительно равнодушно прошел мимо выдающегося памятника отечественной архитектуры, ему нужно было совсем не мраморное чудо, а омуль. Ради этой чертовой рыбины он, сюда, собственно и притащился! К счастью на перроне оказалось по крайней мере три точки, где продавали байкальский деликатес.

Мудрый в делах житейских, равно как и в принятии решений о посадках и уходах на второй круг, Калинин осведомился о цене и справедливо рассудил, что вываленный в бриллиантах и копченый на углях палисандрового дерева омуль ему не нужен, так как толстый Кнышко сотоварищи все равно не отличит его от омуля обыкновенного, которым торгуют на городском рынке. Сейчас для

торговли было вообще-то рановато, но никто не мешает идти в сторону рынка медленно, наслаждаясь воздухом и тишиной прибайкальского утра.

На тишину Николай Петрович вообще-то понадеялся напрасно. Было около семи утра, будний день, и горожане торопились на работу. По дороге, ведущей через привокзальную площадь, проезжали машины с занятым народом. И вот над всем этим гулом разбуженного для трудов маленького провинциального городка полился колокольный звон. Это было неожиданно, но не заставило вздрогнуть или насторожиться, совсем напротив, почему-то звон позвал Николая Петровича за собой. Позабыв про омуля, он перешел улицу, не выпуская из вида возвышающейся в зелени крон золотой луковичы на четырехскатной зеленой крыше колокольни прямо по курсу.

Церковь была очень близко от вокзала, всего-то в сотне метров. Деревянная, чистенькая, приземистая. Явно недавно отстроенная или хотя бы отреставрированная. «Свято-Никольская» — поднявшись на крылечко, прочел название бывший КВС Калинин. С надвратного образа рабу Божьему Николаю улыбнулся знакомый образ его святого тезки и покровителя — архиепископа Мир Ликийских, и рука сама потянула ручку входной двери на себя.

Эти волшебные бабушки есть в любом хра-

ме. Продают свечки, протирают иконы, принимают записочки, подаваемые прихожанами за здоровье и упокой близких. Местная слудянская бабушка принадлежала к числу особенно благообразных старушек: седые волны волос из-под туго повязанного платочка, вязаная душегрейка и платье в цветочек. На груди — очки на шнурочке, в выпцветших от времени глазах — вселенская доброта и участие. Николай Петрович решительно направился к лавке, поздоровался. А когда бабушка выжидательно посмотрела, готовясь продать новому прихожанину свечку или поискать нужный образок, Николай Петрович решительно выдохнул:

— Мне тут уже вторую ночь подряд Николай Чудотворец снится... И с иконы со мной разговаривает. Я не знаю что делать, правда, не знаю. Может, я того... с ума сошел? С головой плохо?

— Ой, сынок, и верно — плохо, — покачала головой старая женщина, сочувственно кивая. — Только не с головой, а с самим собой, может? С душой, с совестью своей?

— Может, — страдальчески скривился Калинин, вкось посмотрев на приалтарный образ Мирликийского архиепископа, изображенного в богослужебном одеянии и с книгой в руке. Правой дланью Чудотворец вообще-то благословлял всех ныне живущих, но для Николая Петровича этот жест ассоциировался со сложением пальцев для дачи

воспитательного щелбана. В данном случае – по конкретному, его, бывшего командира Боинга, лбу. – Все может быть. Похоже, прогневал я Бога-то, бабуль.

Свечница перекрестилась.

– А во сне-то говорит святой что-нибудь, или просто является безмолвно?

– Говорит, бабуль – усмехнулся невесело Николай Петрович. – Ругает меня, за то, что я не сделал в жизни одного важного дела, называет... – тут старый лётчик помялся, решив, что стены храма и уши старушки – не лучшее окружение для брани и смягчил определение в свой адрес – ... дураком.

– А знаешь что, сынок? Тебе причаститься надо бы. Исповедоваться и причаститься, да. Потому что как мне кажется, что Господь пытается тебе что-то сказать, а не может через твои грехи пробиться к душе, к сердечному разумению. Так часто бывает. Вот и надо почиститься.

– Не, ну это я еще не готов... – смутился Калинин. – Там же надо в грехах каяться. Я, бабуль, не пойму – в чем я виноват даже, не то что каяться. Не крал, не убивал, а остальное – не так важно, я думаю.

– А ты сон свой вспомни хорошо, сынок, – женщина перебирала какие-то тонкие книжечки в лотке под прилавком. – За что тебя Николай Чудотворец этим самым словом называл? Вспомни.

Калинин нервно

сглотнул.

– И что, вот это все на исповеди рассказывать надо? – недоверчиво хмыкнул он.

– А как же! – улыбнулась старушка. – Ничего зазорного нет в том, чтобы покаяться в грехах, это значит, что человек хочет стать лучше. Разве плохо себя воспитывать, духовно питать и смывать дурное с себя? Чистого человека Господь лучше слышит, и человек Господа – так же. А грехи забивают эту связь, эту частоту помехами всякими, и человек то совсем не слышит, а то слышит неразборчиво. А слышать очень нужно, сынок, обязательно нужно человеку слышать Бога. А в твоём случае – это надо сделать очень быстро, такие сны просто так не снятся.

Николай Петрович настолько растерялся, услышав от благообразной старушки рассуждения о помехах и частотах связи, что спросил только, когда можно будет причаститься.

– Да хоть сегодня, сынок, в конце службы. Исповедуйся сначала, а потом можно. Каноны читал?

– Нет, – признался Николай Петрович – вообще никаких книг таких не читал.

– Вот смотри, – свечница выложила на столешницу тоненькую как тетрадка книгу. – Тут три канона, их нужно три дня читать, но прочти хотя бы один раз их все, во время службы. Ел сегодня?

– Нет, не ел вообще

ничего, купил, а почему-то с собой таскаю, – удивленно и одновременно с тем радостно ответил Калинин, встряхивая пакетом с сэндвичем и полной кофе термокружкой.

– Вот и славно, сынок, держи каноны, иди читай. Еще свечечку возьми, когда на исповедь подойдешь, оставишь на століке. Будешь исповедоваться – говори покороче, по существу – ты не один, за тобой еще люди ждут своей очереди, и у всех – грехи для покаяния.

– Понял, – кивнул Калинин, принимая из морщинистых рук книжку и пахнущую воском свечку.

– Как исповедуешься, целуй крест и Евангелие – продолжала напутствовать бабушка. – Как ко причастию пойдешь – сложи руки на груди вот так, подходи, батюшка скажет «Причащается раб Божий.....» а ты свое имя называй громко. Причастие проглотишь, поцелуй край чаши с Дарами. Все, вроде. Ну и в этот день не грехи, не сквернословь, ниже пояса не кланяйся, чтоб благодать не растерять.

– Все понял, спасибо, бабуль! – Калинин кивнул еще раз и направился в уголок, где перед образом неизвестной святой в короне (Николай Петрович так и не овладел умением читать иконные клейма, написанные церковнославянской вязью) одиноко горела синяя лампадка. Там он раскрыл книгу и принялся за чтение, мучительно продираясь сквозь огромное коли-

чество незнакомых слов и непривычных окончаний, морщась и шевеля губами. Он не замечал вокруг ничего, полностью поглощенный своим занятием. В храме давным-давно началась утренняя служба, а Николай Петрович старательно проговаривал про себя древние тексты покаянного канона ко Господу Иисусу Христу, молебного – ко Пресвятой Богородице и канона Ангелу-Хранителю. Пение хора казалось чем-то возле далекого рокота морского прибоя, что ни говори, а сосредоточиться на основном старый летчик умел как никто другой, профессия научила за сорок лет. Самым трудным оказалось совсем не сосредоточенность мысли а... внутренний протест к текстам. К примеру, все эти «плачуся дел моих горько», «псы смердящие» и бесконечные просьбы о покаянных слезах вставляли ему поперец горла, вызывая возмущение: почему это я должен себя считать полным говном да и плакать еще от собственного несовершенства – я ж мужик взрослый? Но вот каноны подошли к концу, и Николай Петрович, утерев лоб, сунул книжицу в карман и пристроился в хвост стоящий на исповедь прихожан. Ничего нового пока что в его голове не было – он видел, как по одному люди подходят к стоящему возле маленького столика батюшке в простой черной рясе и желтой шелковой епитрахили, что-то шепчут ему, близко-близко наклонившись –

иногда довольно долго. А потом становятся на колени, склоняя голову под вырез епитрахили и после сотворенного над ними крестного знамения, прикладываются к лежащим на столике предметам. Отходят в сторонку – многие с покрасневшими от слез глазами, шмыгая носом – но явно с чувством выполненного долга. Наконец, очередь дошла до него.

Из слюдянской церкви имени своего древнего тезки Николай Петрович вышел в тягостном недоумении. Корень языка еще хранил вкус церковного кагора, несмотря на выпитую после Причастия чашку святой воды. А вот на душе не полегчало. Может, это оттого, что экономия чужое время и не желая задерживать стоящих за ним в очереди прихожан, он не рассказал батюшке на исповеди всех подробностей? Это считается неискренностью? Ведь многие свои смутные сомнения Николай Петрович даже для себя до конца не смог сформулировать. И про явления святого Николая Чудотворца так ничего и не рассказал, что ж это теперь, ложь на исповеди выходит? «Ага», – тут же съехидничал он, – «ты еще скажи, что именно тебе просфорка несвежая попала!»

В таком вот непонятном мироощущении новопричащенный раб Божий Николай добрел до только-только открывшегося с утра рыночка, и пошел высматривать байкальское сокровище в дар Кнышко. Засмотревшись

на лоток, вступил сияющим ботинком в вонючую лужу, и хотел было матюгнуться, но отчего-то лишь досадливо встряхнул испачканной ногой, будто намочившая лапу кошка и прошел дальше, меж поблескивающей чешуи. Но недалеко – торговаться совершенно не хотелось, и Калинин купил пахучие и золотистые копченые тушки у худого грязноватого мужичка в застиранной кепке с надписью «Речфлот». Вот она, конечная цель путешествия – десять аккуратных сверточков промасленной газет, из которой – вилки рыбьих хвостов торчат! Вот теперь поляна прощальная будет что надо – помните Петровича, молодежь!

На вокзале Калинин едва не разругался с кассиршей по поводу большого «окна» в расписании электричек до Иркутска. Торопиться было куда – надо было успеть в город, пока экипаж Шелеста еще не улетел обратным рейсом, то есть до девяти часов утра по Москве. Ближайшая же электричка, которая отправлялась по местному времени в два с копейками, прибывала по местному времени уже в пять часов вечера – а по Москве, стало быть, в десять утра. Кассиршу не устроил также дразнящий запах омуля, о чем она сообщила Николаю Петровичу. Тот хотел было рывкнуть, а потом... почему-то сказал «до свидания» горластой тетке и вышел из вокзала вон.

Николай Петрович

прошел через весь город, до самого байкальского берега. Утро постепенно сменялось днем, солнечный жар подступал к городу, лежащему меж высоких гор. Но здесь, у воды было свежо. Калинин, сидя на корточках, зачерпнул воды, бросил себе в лицо. Вроде, не хочется больше спать пока. А пожрать не помешало бы. С этими мыслями он нашел подходящее для сидения бревно, уселся сам и разместил на нем свои сокровища: сэндвич, сумку с омулем и термокружку. Само бревно на пустынном берегу, очевидно, выросло не само, а было приращено кем-то из местных любителей шашлыков. В самом деле, с подветренной стороны бревна находилось черное пятно золы и углей. Бывший лётчик брезгливо поморщился – ну неужели мусор нельзя было хотя бы за собой дожечь до конца? Ладно – пивные банки, но вот эту грязную бумажку хотя бы? Фу, свиньи... Демонстративно пересев спиной к кострищу, Николай Петрович приступил к трапезе. Жевать невкусный сэндвич из станционного буфета, запивая его остывшим кофе оказалось просто прекрасно. Было ли тут дело в Причастии или это вид байкальских волн и величественный горный пейзаж сумели насытить радостью рецепторы тела? Чтоб рецепторы всасывали радость полнее, их обладатель избавился от обуви и опустил ноги на мелкую гальку. В босые подошвы немедленно впились ост-

рые грани более крупных камешков, но в целом для уставших ног это было скорее приятно, вроде ходьбы по специальному колючему коврику. Прибой облизывал берег старейшего озера планеты, чтобы оно чувствовало себя настоящим «славным морем», и не каким-то там, а «священным». В роли омулевой бочки наличествовала омулевая авоська, и это совпадение сильно развеселило Николая, мурлыкавшего под нос старинную песню беглых каторжан. Он представил себе безумного беглеца, отчаянно гребущего по волнам озера копченым рыбьим хвостом, и рассмеялся. Искренне так, как не умел смеяться уже давным-давно. Подцепив пальцами ноги плоский голыш, он ловко подбросил его, перехватил рукой и немедленно направил его полет в сторону воды. Маленькая плоская галька послушно проскакала по поверхности, оставляя дорожку кругов-блинчиков: раз-два-три-четыре... всего четыре, хм... А ведь раньше больше мог! Так... а ну-ка еще раз проверим, не может быть чтоб совсем разучился «блинчики печь». Следующий камешек отправился вслед за первым, но булькнул на дно уже на третьем касании о воду. Почетного пенсионера Аэрофлота разобрало не на шутку. Крякнув, он повел плечами как боксер перед рингом, поразмял запястье, и нагнулся за следующим снарядом.

Ясное летнее солнце прожаривало пляж так

старательно, что невольно становилось ясно – оно таращится с высоты на единственного посетителя этого пляжа – пожилого мужчину в закатанных по колено брюках, который, позабыв обо всем на свете, и даже – о, ужас хозяек! – о лежащем на солнцепеке омуле – азартно швыряет в воду камешки. Байкал от такой щекотки хихикал, пуская по поверхности мелкую рябь, а человек то удовлетворенно хлопал себя по коленям, то раздосадованно топал ногой, и казалось нелепостью, что кто-то вырядил таким взрослым дядькой маленького упрямого мальчишку.

Через полчаса ваяния дурака подходящие камешки у Николая Петровича закончились. Тщетно он ворошил гальку босой ногой и щурил дальноточные глаза в землю – ему попадались или острые скальные обломки, или похожие на картофелины окатыши. Но ни те, ни другие не подходили для игры. В поисках камешка он прошел шагов сто по берегу в обе стороны. Бесполезно!

Оглянувшись на бревно и сумку с омулем, Калинин вспомнил место, где еще не перебирал камни. По ту сторону бревна, ближе к кострищу, ну конечно! «Блинчиков» хотелось так сильно, что даже неубранный предыдущими посетителями мусор не смутил азартного игрока. Николай добросовестно перерыл гальку, разворошил даже холодные угольки, вынув из них обгорелую тетрадку. Подходя-

щих камешков пока не находилось, но и он был мужик упорный. Пивная банка – в сторону! Так, и вот эта хреновина – что это? – будто бы спицы от зонтика – тоже долой! Должны же быть тут камешки, на худой конец сойдет и сплющенная жестянка от консервов. Николай Петрович утер лоб тыльной стороной руки с зажатой в ней тетрадкой. Покосился в текст.

Вверху разлинованной в клеточку страницы красовалась большими завитушистыми буквами многообещающая надпись:

«Легенда о прозрачной бетонке».

– Чего? – озадаченно спросил у тетрадки Николай Петрович, и полез за очками – Ты чего, а? Какая еще легенда, мать её за ногу...

Бумажный листочек нисколько не обиделся: то ли матери своей он не помнил, то ли у той матери не было никаких ног. В любом случае, как только очки оказались на носу у человека, он поспешил развить тему грубоватым – явно подростковым – но в принципе, хорошо читаемым почерком.

«В те давние времена, когда деревья в городке были маленькими, а парашюты в хранилищах – большими, здесь, на этом самом аэродроме была настоящая бетонная взлетно-посадочная полоса. Взлетали и садились здесь и маленькие ЯКи, и большие АНы, и шумные «Дельфины», и тихие «Вильги». Всех принимала

бетонка, всем подставляла нагретую и тугую свою серую спинку, всем приветливо указывала белой разметкой точку выравнивания и направление осевой. В те времена полетов было много: шумел курсантский городок, выпускал ДОСААФ в небо каждый год десятки молодых пилотов, планеристов да парашютистов, с утра до ночи в сезон опылялись с воздуха колхозные поля, и зоркие фотообъективы под фюзеляжами снимали местность для прокладки мостов и трубопроводов.... Давно было, одним словом.

С тех пор немало солнышек красных на запад с востока прокатилось, холодных да тёплых фронтов сменило друг друга да проползло с облаками по небу, много лет, много зим. Заросла бетонка высоким бурьяном в рост человеческого, искрошилась как вафля в школьной сумке забывчивого первоклассника. Не нужна стала она людям, забросили её, а в километре на восток в лугах укатали землю, выкосили траву, да сделали новую полосу, больше прежней, да грунтовую – с ней возни меньше, хоть и раскисает в дожди, зато летом и зимой чистить проще. Да и летать меньше люди стали, зачем бетонку содержать?

Забросить-то её забросили, а совсем разбывать не стали. И не забыли, само собой. Да и как же забыть, когда с воздуха – едва снег сойдет в полях – видно её будто нарисованную серым каранда-

шом? Сколько раз строили курсанты заход, целя по ошибке в её торец, а не в торец грунтовой полосы! Сколько раз путали ее с настоящей! Забудешь тут, когда каждый – кто за штурвалом, кто в стропах – до чёртиков на эту бетонку грешную с небес насмотрелся и продолжает смотреть!

И все же кое-что почти забыли люди. С земли найти ее в поле мало кому удастся, и не только в бурьяне тут дело. Прячется бетонка в густой траве, да в снегах высоких от ног людских, и прячет свою великую тайну. А откроется эта великая тайна только тому, кто слова заветные вспомнит и сказать сумеет, а потом пройдет по её серой спинке своими ногами да поклонится ей в конце с уважением.

А те слова заветные ни в книгах не прочесть, ни в песнях не услышать. Были, говорят, знающие люди, кто помнил те слова – да только где их теперь искать? Иных уж в живых нет, иные память потеряли, иные на смех поднимут, в чудеса не веря. Так тайна сама себя и бережет много лет».

Бывшего КВС Калинин писанина зацепила всерьез, едва ли не сильнее давешних блинчиков. Сейчас ему не было дела, кто, а главное – зачем? – написал эти строки, кто оставил на берегу Байкала немудреную байку. Он хотел читать дальше, но увы – конец истории отсутствовал, видимо, отправившись на растопку костра.

Последний оборванный листочек гласил:

«Только еще говорят – что чистому душой человеку небо само те слова подскажет, когда подойдет он близко к прозрачной бетонке. И если он не побоится и произнесет их вслух, а потом....»

Что «потом» – так и осталось еще одной тайной, ибо ниже по бумаге шла только оставленная пламенем траурная кайма. Это было ужасно, потому что Николай Петрович ясно понимал – в этой тетрадке высшие силы ему выдали если и не инструк-

цию, то серьезную подсказку. Но только сложить части пазла, состоящие из снов про ДОСААФ и Николая-Чудотворца без последних страниц тетради не представлялось возможным. Он приуныл, сев на неведомого шашлычника, которому для растопки не хватило рекламных газетенок или пачки от сигарет. Тетрадку-то зачем было рвать, а?

Несмотря на отсутствие окончания, Николай Петрович воспринял писанину крайне серьезно. Настолько, что отряхнул ноги от песка, раскатал брю-

ки, обулся и, позвонив с сотового в службу такси, заказал машину до Иркутска. А потом взял сумку с рыбой, сунул в нагрудный карман рубашки свою чудесную находку и пошел в направлении улицы Горной, той, что дважды пересекает железную дорогу и единожды – речку со смешным именем Похаби-ха переходит на выезде из города в трассу Р258 «Байкал». Одно он знал точно, и это знание необходимо было проверить.

Автор: Къелла

Паренек

Вместо вступления
Дедушка

– Дедушка, ты чего не спишь?

– Не знаю, что-то не спится, думки всякие в голову лезут.

– Какие думки?

– Да разные, старческие.

– Ну деда, ну скажи, мне же интересно. Я тоже иногда думаю, думаю и не могу уснуть.

– И о чем же ты думаешь?

– А вот почему у нас речка совсем высохла? Раньше хоть рыбу можно было половить, я все щуку мечтал большую поймать, а теперь и мечты этой не стало, хотя иногда снится.

– Если очень-очень захочешь, то поймаешь.

– Да где же я ее поймаю: речка-то высохла.

– Захочешь – и в сухой речке поймаешь свою щуку.

– Да нет же, деда, не поймаю, не обманывай, не может этого быть.

– Может, может. Все может быть, если очень захотеть. Спи, завтра пойдем ловить твою щуку.

– Обещаешь?

– Обещаю, спи давай.

Вовка уснул и во сне увидел, как поймал большую блестящую рыбину. Она была красивой и искристой, вся сверкала на солнце, такая скользкая и капризная, все вырывалась из рук.

Утром он проснулся и позвал дедушку. Тот не откликнулся. Вовка встал, умылся и почистил зубы. Вышел во двор и опять позвал деда. Но деда

не было, тогда он решил его поискать, вышел за забор и побежал к речке. Слава богу, она находилась рядом с домом: метров сто от силы. Хотя и раньше речка не выглядела широкой и полноводной, в ней так приятно было купаться, переплывать под водой на другой берег, а потом сохнуть, греться на солнышке и сидеть под ивой с удочкой. А сейчас воды почти не стало, лето выдалось очень жаркое и сухое.

Дед сидел под ивой: там, где всегда любил устраиваться Вовка и где его всегда находили, когда он опаздывал к обеду.

– Дед, ты чего тут сидишь? Я уж тебя обыскался.

– А я вот сижу и тебя жду. Щуку-то ловить

будем?

– Как ловить? Воды же нету, вон там еще течет немного, а тут вообще песок.

Не отвечая, дед достал удочку, размотал леску, нацепил на крючок толстого червяка, размахнулся и закинул.

Сидели они так некоторое время, всё молчали. Вовка смотрел на песок, ждал. Надолго его не хватило, ближе к полудню он побежал домой. Дед сказал, что обед нужно только подогреть, он с утра уже все приготовил. Где-то к пяти Вовка прибежал опять.

– Деда, ну вот видишь, ничего нету. Я же тебе говорил, что это невозможно.

– А я тебе говорил, что надо очень захотеть. А ты вот не хочешь, все бегаешь туда-сюда.

Вовка обиделся, насупил, но сел рядом с дедом. Он решил не уступать и стал молча глядеть на песок.

День подходил к концу. Солнце садилось и вокруг стало темнеть. Когда уже почти ничего не было видно и у Вовки начали слипаться глаза, дед вдруг весь напрягся, привстал, а потом ловким и резким движением вздернул удочку вверх, потянул на себя, и в лучах уходящего солнца Вовка увидел переливающуюся, поблескивающую, извивающуюся ЖИВУЮ щуку.

Глава 1.

Начало и конец

Паренек, родившийся в городе Копейске

Челябинской области, в возрасте пяти лет приехал на родину своего отца, где тот купил дом в отдаленной глухой деревне. Белоруссия малышу не понравилась: сверстники встретили его враждебно. Почему? И говор у него был не тот, и вел он себя «не как все», «не как надо». Тогда человек стал интересоваться у родителей, кто он, откуда и зачем. Ему объяснили, что папа его – белорус по рождению, но в родной деревне прожил только до 14 лет, потом стал беспризорником и пустился в скитания по Советскому Союзу, скрываясь от властей, пытавшихся посадить его в тюрьму по статье за беспризорность. Мама была русской и говорила более или менее правильно. И тогда паренек решил быть самим собой – русским. После окончания средней школы с золотой медалью он поступил в Минский институт иностранных языков, откуда после первого курса его призвали в армию. Вернувшись рядовым, но членом КПСС, он стал секретарем комитета комсомола института. После появления на политической арене светлого лица Михаила Горбачева юноша понял, что СССР скоро придет кирдык, и решил уехать за границу, начать новую жизнь. На очередном заседании комитета партии института он бросил на стол билет члена КПСС, покрыл всех присутствующих отборным русским матом, забрал свой красный диплом

и уехал в Испанию. Там устроился на работу в частную академию иностранных языков и стал преподавать английский язык испанским ученикам. Спустя год университет Сарагосы объявил конкурс на должность преподавателя русского языка как иностранного. Он подал документы, победил и стал деканом факультета русского языка. А также – и единственным преподавателем на факультете. Других ставок тогда не существовало. Проработал он там семь лет, но затем его уволили, так как власти созвали новый конкурс на замещение его должности, официальный, государственный, чиновничий, на который он даже и документы подать не мог: у него не было испанского гражданства, и до сих пор нет. Не хотел он превращаться в доморощенного испанца, и сейчас не хочет. Тогда он создал свое собственное частное переводческое бюро и превратился, сам того не желая, в бизнесмена. Но в 2001 году, после одиннадцати лет проживания в Испании, приобретения собственного дома и трех машин, накопления значительной суммы на банковском счете, все закончилось. Произошло ДТП. Затем – 14 лет прозябания в инвалидной коляске и всё. Грустная история, жалкая, но, к сожалению, не оригинальная и не единственная в своем роде, а достаточно распространенная.

14

лет

«прозябания» в инвалидной коляске – это неправда, не про него. Когда он начал приходить в себя, лежа в больничной кровати, то долго не мог понять, что вообще с ним происходит, почему это вдруг, ни с того ни с сего, его тело ему не подчиняется. И окружающие его люди (откуда-то появившаяся мать, врачи, медсестры, друзья, жена, сын, любовница) как-то странно на него смотрят и относятся как к слабоумному. Потом его любимая женщина (которую он-то тогда считал именно любовницей, а не близкой и родной) стала ему объяснять, что случилось. Рано утром он позвонил ей и сказал, что не сможет, как всегда, захватить за ней, чтобы вместе поехать на работу в переводческую фирму, где они были компаньонами. Пообещал приехать попозже и... исчез на все утро. Бедная женщина не знала даже, что и подумать, такого он еще не вытворял, а вытворял он много чего, уж она-то была в курсе. Потом, уже под вечер, к концу рабочего дня ей позвонили из клиники и попросили приехать, чтобы удостовериться в установлении личности такого-то пациента, находящегося в коме после дорожно-транспортного происшествия, произошедшего в 70 километрах от города на горной автомагистрали. Спускаясь с горы, он не справился с управлением на повороте, вылетел с трассы и свалился в ущелье, откуда его подняли на

вертолете и привезли в клинику. Диагноз звучал странно: ПСМ в сочетании с ЧМТ. Он не понимал этих аббревиатур ни по-испански, ни по-русски. Да к тому же вспомнил украдкой подслушанный разговор врача с его матерью:

– Да что вы! Вам вообще повезло, что он выжил, хотя и будет теперь неадекватным, но останется живым. А про все остальное забудьте, он и говорить-то будет теперь с большим трудом и только по-русски.

«М-да, хреновые твои дела, чувак», – пришло ему на ум.

Он все-таки начал добиваться разъяснений и услышал, что ТСМ – это, оказывается, травма спинного мозга, а ЧМТ вообще гнусная вещь: черепно-мозговая травма. Сплошные травмы, подумал он. Да тут еще жена, которую он искренне любил и которой, тем не менее, изменял напропалую на каждом шагу, объявила ему, что жить больше с ним не будет. Любовь прошла, как она поняла после двухмесячных раздумий.

– Ну, тогда подавай на развод, – ответил он.

– Ты что, даже не хочешь, чтобы мы остались друзьями? Ведь у нас сын, и мы могли бы поддерживать нормальные человеческие отношения, я тебе во всем буду помогать, найду квартиру, в которой ты сможешь жить со своей мамой, – продолжала бубнить эта закамуфлированная под святую

икону лицемерка.

– А зачем мне жена, которая со мной жить не хочет? – задал он закономерный вопрос и на этом поставил окончательную точку в повести их взаимных отношений, семейной жизни и односторонней любви.

После года пребывания в двух реабилитационных клиниках для инвалидов-колясочников, где ему без обиняков объявили, что ходить он никогда не будет и на всю жизнь останется прикованным к коляске, голова его начала понемножку работать. Он серьезно задумался о своей дальнейшей жизни, вспомнил не только испанский язык, но и английский, выучил французский и задался вопросом, неужели все так хреново и он действительно навсегда останется овощем. В прессе и на телевидении то и дело появлялись статьи и репортажи о научных прорывах в области регенерации спинного мозга. Его любовница, которая уже стала любимым человеком и настоящим другом, однажды прибежала и радостно заговорила о французском исследователе, добившемся удивительных результатов с помощью разработанной им реабилитационной технологии, основанной на лазерпунктуре, что-то вроде иглоукалывания, но с применением лазера вместо иглокалывания. Так начался его первый период схватки с болезнью и беспомощностью.

Глава 2.

Надежда

Вместе с матерью, которую в шутку стал называть мамой-сестрой-дочкой, он поехал во Францию, в небольшую деревушку, где работал этот странный исследователь, оказавшийся непризнанным самоучкой, но очень умным, открытым и веселым человеком. Единственным, кто сказал ему: «Ты будешь ходить, только вот попотеть придется». Это было шоком. Значит, это все-таки возможно? И верилось, и не верилось. Но так хотелось верить! И он поверил, поверил в свое желание верить, в эти слова, впервые услышанные им после постоянных обломов и выпланных ночей и дающие ему право на надежду, всего лишь надежду!

Надежда надеждой, она, конечно, окрыляет, дает крылья для полета, но надо же еще научиться летать, то есть «ходить» в данном, его случае. В общем, все оказалось не так просто. И не потому, что он не вкалывал и не потел. Он сделал все возможное, все, что от него зависело: занимался по шесть часов в день на самых различных тренажерах и велосипед с механическим приводом, встал-таки на тугора (такие специальные складные приспособления из пластика, которые помогают инвалиду, надевающему их на ноги, замыкать колени и таким образом удерживать свое тело в вертикальном положении), начал даже делать шаги, хватаясь сперва за

параллельные бруссы, а потом и передвигаться с помощью ходунка. Но и тут он оказался не совсем обычным «медицинским случаем». Больные с травмой спинного мозга делятся на параплегиков и тетраплегиков, в зависимости от уровня поражения спинного мозга. Все, у кого спинной мозг поражен ниже шеи, могут управлять своими руками. А у людей, получивших травму в области шейных позвонков, отказывают и руки, и ноги. Их так и называют: «шейники», то есть тетраплегики. А вот у него удар во время падения пришелся на грудной отдел. Вроде бы, параплегия, но сволочная ЧМТ давала себя знать: башку ему пробило в зоне правого полушария, управляющего левой стороной человеческого тела. И поэтому левая рука не очень слушалась его, он с трудом мог ею двигать и хвататься за бруссы и поручни ходунка. Поэтому и падал часто, когда она его не слушалась и соскальзывала. Рядом находилась мама-сестра-дочка, которая его всегда поднимала (в ее-то 70 с лишним лет) и тоже потела и уставала не меньше, чем он сам. Да к тому же «нормальные», обычные врачи (специалисты от общепринятой, устоявшейся, консервативной медицины) настолько закармлили его таблетками, что он постоянно находился в полудурманенном состоянии. Исследователь-француз, теперь почти ставший ему

другом, когда увидел его в первый раз, сказал сразу: «Да вы, мсье, «газе». Имея в виду, что пациент находится под влиянием наркотиков, короче, «под газом», если по-русски. И начал постепенно его освобождать от таблеток. А принимал он их 24 штуки в день: от спастики, от инфекционных заболеваний мочевого пузыря, успокоительные, снотворные, слабительные – какой только хрени там не было! Длилась вся эта процедура полгода, но закончилась лишь частично, ведь в туалет-то ходить как-то надо было, так что слабительные и противомикробные остались, хоть и сократились до минимума. Он немного ожил, даже улыбаться стал, а иногда и смеяться, – все это под влиянием «чудака», исследователя, балагура и юмориста, которому он с серьезным видом заявлял, что его мама в совершенстве овладела французским языком. Ведь она однажды у него спросила: «Сынок, а чё это все французы всегда говорят «сава», у них во Франции так много сов, что ли?» Вообще, мама оказалась весьма находчивым человеком. Стала срывать этикетки с продуктов и собирала из них целую коллекцию. Теперь она совершенно спокойно подходила к продавцу передвижного грузовика-магазинчика, подвозившего к деревушке товары, говорила ему «бонжур», повторяла несколько раз «сава» и начинала делать

покупки на неделю, показывая коллекционные этикетки.

А время неумолимо продвигалось вперед, и ему, нетерпеливому и неусидчивому, опять стало не по себе. Он вновь, после двух с половиной лет почти постоянного пребывания во Франции, начал потихоньку отчаиваться. Залез в компьютер и принялся рыться в интернете.

Нашел американский форум, специализирующийся на его травме, связался с врачами из Португалии и Китая, хотел ехать в Швейцарию, Польшу, Мексику. В общем, стал метаться, но везде получал отказ. Все в один голос твердили: «Слишком сложная и тяжелая травма». И тогда он случайно, через тот же интернет, увидел по телевидению

передачу об одной русской клинике, где, по утверждению корреспондента, инвалидов действительно ставили на ноги, без всяких тьюторов и ходунков, и учили заново ходить. Теперь он знал, что делать. Начинался второй раунд. Стволовые клетки. Москва.

Автор: Владимир Хомичук

История одного андрогина

XXV Глава

Лето пылало всеми красками жизни, вот только для Евы все было окрашено в черный цвет.

По приезду Астрид, она поделилась всем богатством событий минувшего месяца. Она рассказала все, что с ней произошло, и Астрид ничего не оставалось, как приютить Еву на своем плече.

Она была подавлена. Она понимала, что теперь ее шансы стать моделью сошли на нет. Фотографий нет, агентов тоже. Нет журналов и газет. В ее душе была зима и ей чужды были улыбки.

Астрид рассказывала Еве про Норвегию, не зная по началу, что творится у нее в душе.

Еве было все равно. Астрид пыталась хоть как-то отвлечь ее разговорами.

Ей понравилась Норвегия. Неспешная жизнь живописных фьордов. Она никогда в жизни не была такой счастливой. Она наконец-то поняла, что такое проводить время вместе с матерью, в кругу семьи. Вместе просыпаться, чистить зубы, улыбаться друг другу, завтракать и помогать по дому. Это и есть счастье.

Карл – жених ее матери, оказался вполне приветливым, светлым и дружелюбным человеком. Астрид поменяла свое мнение относительно него.

Ее жизнь стала позитивнее. Будто все свои восемнадцать лет

Астрид ждала именно этого. Она поняла, что мать действительно делала все это ради нее, и ради семьи. И теперь Астрид была готова отплатить ей своей любовью, иногда даже чувствуя тоску по матери. Теперь ей не хватало ее.

Ева была на противоположном полюсе. Она не могла разделить радость Астрид. А новость о том, что следующим летом Астрид уедет в Осло навсегда – вовсе забила последний гвоздь в ее труну. Ева стала выглядеть хуже покойника.

Однажды, увидев Сару в паре десятков метров от себя, Ева почувствовала огонь в своей душе. Но она ничего не могла предпринять. Ни руку поднять, ни заговорить. «Это ни-

чего не изменит», - думала она, концентрируя на Саре всю свою ненависть.

Она осознавала, что именно Сара испортила ей будущее. Но именно это все больше погружало ее в печаль. Ощущение себя неудачницей.

Ева пыталась убежать от всего этого, погружаясь в книги. Она читала все подряд: классику Гете и Шекспира, русский символизм, современных мировых писателей. Все ответы она пыталась найти в книгах. Все черпала из них. Лишь они ее спасали.

Все люди гуляли, веселились, ездили на пляж, на вечеринки, жили полной жизнью. Только Ева была погружена в свой внутренний мир, сидя на кровати в комнате Астрид. Она читала философию и убивала свое время. Она пыталась найти смысл в трудах Ницше, ибо фиаско отбило у нее интерес к жизни.

Астрид было больно смотреть на свою лучшую подругу. Она понимала всю трагедию ее души. У нее отобрали мечту! Что может быть хуже? Утешения не срабатывали. Пойти напиться Ева также не хотела. Астрид решила не мельтешить перед ее глазами. Она слишком хорошо знала

Еву, чтобы оставлять ее одну. Ей так будет лучше. И когда Ева вдоволь намолчалась, она сама заговорила с Астрид в преддверии нового учебного года.

- Значит, ты уйдешь навсегда? - спросила она.

- Получается, что да... - обреченно сказала Астрид.

- Я рада за тебя! Нет, правда! Я рада! Ты, наконец, обрела свое счастье. Ты, наконец, можешь жить с мамой, полноценно.

- Брось, Ева! Я же вижу, как тебе больно говорить все это!

- Нет, Астрид! Послушай меня! Я как никто другой отлично знаю, что такое не иметь родителей! Что такое отсутствие матери в твоей жизни. И ты делаешь это ради своей матери. Так будет правильной.

Астрид с жалостью посмотрела на печальное лицо Евы и обняла ее руками за талию, после чего сказала:

- А как же Синди?

- А что Синди?

- Ты же ее любишь? Как родную мать?

Ева подняла свои глаза на Астрид и пронзительно посмотрела ей в глаза, после чего не в силах сдерживать слезы, опустила голову вниз и

зарыдала. Астрид обняла ее голову своими ладонями и крепче прижала к себе. Ева сказала сквозь слезы:

- Я больше никто!

И буду никем!

- Эй, родная! Ты чего? Все в порядке! Ты не виновата! Это все эта дрянь! Вспомни, что говорил тебе Генрих! Он мыслит обратно. Не так ли? Ты помнишь, что он тебе говорил?.. - пытаясь успокоить Еву, говорила Астрид.

- Да. Он говорил, что у меня есть будущее... - вяло говорила Ева сквозь слезы.

- Вот видишь! Это сказал тебе профессиональный фотограф с мировым именем! А ты киснешь. Сара - никто. Ее поступки и ее мнение ничего не значат для тебя. Если у тебя нет фотографий, это еще не значит, что нужно сдаваться! Соберись! Ведь ты Ева Адамс?! А то я тебя не узнаю, подруга!

Эти слова здорово встряхнули разум Евы. Она, наконец-то, перестала плакать и улыбнулась, покрепче обняв Астрид в знак благодарности. Она словила себя на мысли, что хватит киснуть как компот. Действительно, где та Ева Адамс, которую все знают? Которую знает сама Ева? Она должна крушить стены,

а не умыться слезами. И вспоминая, кто она, Ева взбодрилась, снова полная энтузиазма.

Не все кончено еще. Фирменная смекалка Евы Адамс была на ее стороне. И она подумала, что кроме официальных, должны были быть еще пробные, рабочие версии фотографий, которые не попали в портфолио. И Ева надеялась, что Генрих сохранил их где-нибудь, иначе им место на мусорке.

Найдя всю ту же визитную карточку Генриха Вандерсмайла, Ева набрала номер офиса в ожидании чуда. Шли гудки, она безумно переживала. Ей хотелось, чтобы искра переросла в огонь, а не канула в безнадежность. Прошло уже два месяца с тех пор, как Генрих сделал ей те фотографии. И кто знал, что сейчас ждет Еву на том конце провода.

- Здравствуйте! – прозвучал голос секретарши в телефонной трубке Евы.

Ева, тут же отстраняясь от какого-либо волнения и церемонии, решила сразу говорить в лоб:

- Здравствуйте! Мне нужен Генрих Вандерсмайл!

Голос в телефонной трубке стал перечислять разные услуги,

всякую ерунду, совершенно не нужную Еве. Та, не стерпев, чуть ли не вскрикнула:

- Черт! Мне нужен Генрих Вандерсмайл! Лично! Он на месте? Скажите, что ему звонит клиент из Prada. Быстро! Пронто! Свяжите меня с ним!

После сих нервированных изречений Ева, наконец, услышала то, что хотела услышать. Ей пообещали соединить с Генрихом в течении полуминуты, и в трубке телефона началась переадресация на другой номер. Видимо, Ева была настолько убедительной, что секретарша стерпела хамский тон и соединила ее с Генрихом.

- Генрих Вандерсмайл слушает! – прозвучал знакомый голос в телефонной трубке Евы.

В этот момент ее накатила радость, и ей хотелось прыгать от счастья. Как же она соскучилась по этому теплomu голосу.

- Генрих, привет! – чуть ли не вскричала она, - Это я – Ева Адамс! Помнишь меня? – с нарастающей радостью в голосе.

- Ах, Ева! Разумеется, помню! Привет. А ты что, уже работаешь на Prada? – приветливым голосом говорил Генрих.

- Что? А, нет! Пришлось так сказать, чтобы я могла поговорить с тобой, Генрих, – смеялась Ева.

- Молодец! Ты изобретательная! – в ответ смеялся Генрих.

- У меня к тебе есть очень важный вопрос! Можно сказать, вопрос жизни и смерти! Пожалуйста, можешь уделить мне две минуты своего драгоценного времени?

- Да, пожалуйста! А что случилось?

- У тебя остались хоть какие-нибудь фотографии с нашей фотосессии?

- Разумеется. Я никогда не выбрасываю плоды своей творческой деятельности. Какими бы они не были. А зачем они тебе? Я же вроде отобрал тебе портфолио. Или что-то не так?

- Понимаешь, такое дело... - затягивала Ева.

Ей не совсем было приятно рассказывать все, что случилось тогда с ней и с фотографиями, ибо не хотела, чтобы это выглядело как стукачество. Но по-иному она не могла. Она должна была сказать все, как есть, поверит ей Генрих или нет. Но он должен знать всю правду. Ей это нужно.

- В общем, Сара уничтожила мои фотографии, – сказала она с

не охотой.

- Что? Сара? Но как?

- Обычно. Я пришла за фотографиями, как мы с тобой и договаривались. Но она сказала, что выбросила их, после чего вовсе озверела и накинулась на меня с нездоровой ненавистью.

- Сара на тебя накинулась?

- Да. Но, в общем, это не важно...

- Нет. Важно, Ева! Еще и как важно! – перебил ее Генрих взволнованным голосом, - Давай подробнее. Что между вами произошло?

Ева рассказа Генриху всю произошедшую картину. Генрих впервые услышал такое о Саре. Он узнал ее с иной стороны. В его голосе и настроении чувствовалось разочарование и некая злоба на свою девушку. Ему было стыдно перед Евой, и он не скрывал этого.

- Ева, мне так стыдно! Я все возьму! Хочешь еще одну фотосессию? Я прилечу в свой выходной день в Лондон! – говорил он, пытаясь хоть как-то угодить Еве.

- Спасибо, Генрих! Но мне всего лишь нужны фотографии, – сказала Ева.

- Рабочие? Но ведь они не так уж хо-

роши!

- Лучше дай мне их, Генрих!

- Ты уверена?

- Да.

- Хорошо. Я отошлю их тебе по почте. Но мне до сих пор неудобно перед тобой, Ева!

- Не стоит, Генрих. Ты и так для меня многое сделал.

- Слушай, Ева! – вдруг осенило Генриха.

- Давай я тебя лучше отошлю к одному фотографу, коль не хочешь, чтобы я ехал к тебе. В Лондоне живет один очень необычный и талантливый фотограф. А точнее, он фотохудожник. Он еще не признанный, но он очень-очень достойный товарищ. Его зовут Малколм Маринелли. Думаю, ты его заинтересуешь. Ему как раз сейчас не хватает того самого фундамента, на котором он планирует создавать свое искусство. Ты, как раз, отличный экземпляр для него. Извини за выражение. Ха-ха! Поверь, он действительно стоит попытки. Тем более, смотреть будут на тебя, а оценивать его. Ты когда придешь к нему, скажешь сразу, что это я его посоветовал тебе. Он мой должник – точно работает.

- Очень мило с твоей стороны, Генрих!

- Ты прислушайся

к моему совету! Я не зря тебе все это говорю. Ты же не хочешь, чтобы я чувствовал себя виноватым перед тобой? Тогда сделай то, что я тебе говорю. Уверю, данная попытка может стать для тебя немаловажной. Малколм – именно тот, из чьих рук рождается целое явление. Он немного сумасшедший. Именно это позволяет ему видеть сквозь призму ирреальности. До сих пор не понимаю, как я мог про него забыть.... Почему я сразу тебе о нем не сказал....

- Не переживай, Генрих. Обязательно схожу. Попытка дает шанс, а не попытка – его отсутствие. Говори адрес.

Ева решила попробовать. Возможно, действительно, это был ее шанс достигнуть такого желаемого Олимпа. В глубине души она была невероятно благодарна Генриху. Она знала, что никогда не сможет отплатить ему достойной ценой за все то, что он для нее сделал и чем помог. Он оказался для нее не просто фотографом. И теперь ее перспективы снова казались ей видимыми, а не иголкой в стоге сена.

Снова мир Евы Адамс превратился в бурю амбиций и ветер стремлений. И с улыб-

кой на устах, Ева поблагодарила Генриха от всего сердца. Он ответил ей:

- Не стоит, Ева! Был рад тебя услышать! Я верю в тебя! Всего доброго! Надеюсь, мы с тобой еще увидимся.

И от данных слов Ева превознеслась еще больше, до седьмых небес. Она никого никогда не ценила, как в этот момент она ценила Генриха.

Увидевшись с Астрид, она бросилась к ней в объятия со словами:

- Ура, Астрид! Я победила! Я победила!

Ее радости не было предела. Астрид ничего не оставалось, как радоваться вместе с Евой. Они прыгали, радуясь друг за друга, и смеялись как маленькие дети. Казалось, ничто не помешает им сейчас. Но в данный момент что-то смущало Астрид. Какая-то внутренняя хандра. Ей было это знакомо. Ева снова станет общаться лишь со своими амбициями. Она снова начнет отдаляться. Астрид видела все это уже наперед, ибо она видела Еву насквозь. Она искренне любила Еву, и не только как подругу. И в моменты отдаленности друг от друга Астрид буквально убивалась всем этим в эмоциональном плане.

Когда страдала Ева, ей также было не по себе, ибо она не могла терпеть ее страданий. Смотреть, как Еве больно. Она перестала чувствовать Еву позитивно. Она теряла эту связь, общую волну. Ей всегда было неуютно. И когда они, очень редко, могли порадоваться вот так вместе, буквально пару минут, то Астрид пыталась насладиться этим мгновением сполна, как можно обширнее. Ведь это представлялось ей теперь чем-то утопическим.

- Астрид. Спасибо тебе за то, что не дала мне опустить руки. Спасибо за то, что умеешь подбодрить. Если бы не твоя поддержка, я бы давно пропала, – говорила Ева.

- Не стоит, милая, – говорила Астрид, улыбаясь. - Давай, лучше выпьем! Поговорим!

Но Ева отвергла ее предложение. Ей было не интересно раскрывать душу за бокалами вина. Она бредила будущим.

С началом учебного года она всерьез намерилась найти обитель Малколма Маринелли. Единственное впечатление, которое имела Ева о данном персонаже, так это: «сумасшедший по части своей гениальности». Если она правильно по-

няла Генриха в их телефонном разговоре. Также, исходя из фамилии не признанного фотохудожника, Ева ожидала увидеть какого-нибудь итальянца с яркопылающими глазами и обильной жестикуляцией.

Перед походом к нему Ева надела черные колготки и черную юбку, обула черные туфли на высоком каблуке. Ее кофта была белой, рукава которой выглядывали из-под черного топа с увеличенными плечами и широким декольте. Данный ход делал шею Евы визуально длиннее, словно лебединую хрупкую шею. Ее лицо становилось более заметным. Особенно его выделяла белая пудра, которую нанесла Ева и подчеркнула черным карандашом свои и без того черные огромные глаза, сделав акцент на нижнем веке. Последним штрихом оказалась красная помада на губах.

«Он ведь сумасшедший», - думала Ева с иронией, не стесняясь наряжаться, будто на парад фриков. Она уже подходила к нужному дому. Это было высотное здание старых времен. И зайдя в подъезд, Ева подумала: «Ну и ну! Надеюсь, его квартира не будет столь безнадёжной». Ответ не за-

ставил ее долго ждать.

Поднявшись всего на пару этажей, Ева сверилась с адресом, написанным на бумажке, и позвонила в звонок темно-красных дверей. Она переживала. Больше не из-за неизвестности, а из-за того, что этот гений долго не открывал дверь. Ева стояла около трех минут и ждала, пока кто-нибудь ей откроет. Но, когда она подумала, что, возможно, хозяина квартиры нет дома, она развернулась и собралась уходить вниз по лестнице. Но, услышав щелчки дверного замка, она задержала свою ногу на ступеньке и глянула на дверь. Она медленно отворилась, и ее взору предстал молодой парень худощавого телосложения, ростом около 180 сантиметров. Его стрижка была короткой, под машинку (не более пяти миллиметров), волосы густые и черные. Они плавно переходили в стильную щетинистую бородку на лице, также аккуратно выстриженную, больше напоминающую старую добрую испанку, но с авторской изюминкой фотохудожника, с большей агрессией в образе.

Он стоял перед Евой в одних лишь трусах абсолютно без стеснений, зевая и выглядев

заспанным. Кажись, Ева разбудила его в это позднее утро.

- Я вас знаю? – спросил он, сфокусировав свой заспанный взгляд на миловидной блондинке.

- Вы Малколм Маринелли? – спросила Ева, подходя к нему.

- Да. Чем буду обязан?

- Я от Генриха Вандерсмайла. Он сказал, будто бы вы его должник!?

- Заходи! – без церемоний и всяческих раздумий сказал Малколм.

Зайдя внутрь, все ожидания Евы насчет этого парня рухнули. Лишь орлиный итальянский нос оправдал ее домыслы. Все остальное было иным. Человек, квартира. У нее сложилось неоднозначное первое впечатление о жилище Маринелли.

Квартира была маленькой и бедной в плане интерьера. Она казалась пустой. Но была довольно стильной. Было видно, как Малколм приложил к дизайну свою руку, пытаясь скрыть свою бедность гениальностью идей и нонконформизмом. Белые пустые стены покрывались оригинальными фотополотнами различных фемининных образов, что создавало

видимость творческого процесса, либо беспорядка, который был везде – в комнатах, на стенах, на кровати. Главная комната сливалась с кухней, между ними была лишь стойка, которая зрительно разделяла комнаты. Благо туалет находился в отдельной комнате за дверью.

Первое, о чем подумала Ева, увидев все это, так это: «Как можно жить в подобных квартирах? С такой планировкой?». Затем ее внимание привлекли фотополотна, огромные, порой во весь человеческий рост. Они впечатлили ее. Сидя на пуфике, пока Малколм кипятил чайник, она молча рассматривала их и пыталась понять их творческий замысел. Они перекрывали весь ужас бедности Маринелли, которой Ева не ожидала увидеть в такой мере. Фригидные, холодные лица, непонятные композиции в жанре сюрреализма, постмодерна, пограничное состояние абсурда и гениальности будто бы были дополнением минималистической квартиры. Эти тусклые тона, преобладание то светлых, то зеленых, то багровых тонов. Выдержанная стилистика. Это все была концепция Ма-

ринелли. И Ева не могла оторвать своих глаз от его творений. Она получала эстетическое наслаждение вперемешку с изумлением и некой странностью в восприятии. И ее внимание мог отобрать лишь сам творец, сев напротив Евы на другой такой же пуфик, с кружкой кофе в руке.

Так и не надев штаны, он абсолютно без комплексов сидел в одних трусах и начинал отпивать кофе. Еву не смущал данный факт, но она обратила внимание, что этот заспанный соня налил кофе только себе, и даже не предложил его Еве. Хоть она того и не хотела. Видимо, он был не столь дружелюбен. Или не внимателен?

Отпив достаточно, чтобы насладиться, Малколм стал поглядывать то на Еву, то куда-то в пол и говорить:

- Значит, ты от Генриха? У меня сейчас нет денег.

- Каких денег? – не поняла Ева.

- За которыми ты пришла. Или ты не за этим? Хотя, стой! Погоди! – говорил он как-то странно, сосредоточив свой взгляд на Еве. - Ты не за этим! Ты модель! Так?

- Можно и так сказать, – улыбочиво ска-

зала Ева, чувствуя себя как-то странно.

- Тогда о каком долге может идти речь? – попивая кофе, продолжал Малколм.

- Понимаешь, я начинающая фотомодель...

- Прекрасно.

- Генрих направил меня к тебе, сказав, что ты его должник.

- Ага, – с большей интригой в голосе произнес Малколм и задумался.

Он сделал пару больших глотков кофе, видимо что-то обдумывая, после чего сказал:

- Знаешь, почему я не предложил тебе кофе? – со все тем же непонятным задуманным взглядом.

У Евы что-то зашевелилось в области сердца, будто от волнения. Откуда он знает?

- Нет, – удивленно сказала она.

- Я знаю, что ты его не хочешь. А даже если бы и хотела, то сделала бы вид, что не хочешь, и отказывалась бы в знак приличия, – сказал Малколм.

Ева лишь похлопала глазами в ответ. Она не знала, что сказать. Увидев, что Малколм будто бы завис после данных слов, она решила расшевелить его сознательный запор:

- Откуда ты это знаешь?

- Мир слишком предсказуем. Понимаешь? – начал говорить Малколм со все большим оживлением, будто он стал приходить в себя. - То, чем занимаюсь я, способно изменить его мышление, каноны. Посредством искусства. Понимаешь? Жизнь тоже в некотором плане – искусство, которое также должно быть не предсказуемым. И Генрих непредсказуемый чертенок. Послал ко мне фотомодель, делая меня должником вдвойне.

На его лице, наконец-то, проявилась улыбка в иронии. Он поставил свою кружку на стойку, чтобы ему ничего не мешало, и сел обратно на пуфик, напротив Евы. Его глаза загорелись. И Ева это заметила. Он уже не хотел отрывать глаз от Евы, рассматривая ее уже совершенно иным взглядом.

- Не сочти за грубость, - сказал он. - Но тебе никогда не говорили, что ты похожа на парня?

- Говорили, – спокойно ответила Ева.

- Я не просто так спрашиваю. Кстати, как тебя зовут? – со все большим вдохновением говорил Малколм.

- Ева Адамс.

- Отлично, Ева! Генрих тебе рассказывал что-нибудь обо

мне?

- Немного.

- Кто я?

- Фотограф!

- Фотохудожник!

— исправил Малколм.

Казалось, он становился более разговорчивым, и в его глазах что-то загорелось. Он решил пролить свет на свою персону, дабы Ева узнала его хоть как-то, ибо он уже не хотел ее отпускать.

- В общем, я сейчас расскажу тебе кое-что о себе. Мы с Генрихом учились в одной группе. К сожалению, судьба нас с ним разделила. Его она закинула в Париж, а я так и остался прогнивать в трущобах Лондона. Я знаю, что у тебя напрашивается вопрос, и я сразу скажу тебе: нет, я не итальянец. Мой дед был из смешанной семьи британцев и итальянцев с данной фамилией. Я же чувствую себя британцем. Я всю жизнь прожил здесь и проработал. Я всегда хотел быть именно фотохудожником, а не фотографом. Все эти газеты, глянцы — я ненавижу это. Это слишком шаблонно и не для меня. Мир слишком предсказуем. И целью своего творчества я выбрал именно лишить его этой предсказуемости. Удивить его. Полотна, которые ты видишь на этих голых стенах, всего

лишь часть моего глобального замысла, который я хотел представить всему миру.

- Хотел? Почему же не представил?

- Только окончив университет, я сразу же ринулся на покорение Олимпа. Я был неопытным, амбициозным глупцом. Я ничего не понимал в своем деле. Два года назад мне даже удалось (худо-бедно) открыть свою первую фотовыставку (если ее так можно назвать). Но налоги накрыли затраты. Мои работы так никто и не купил. Я оказался банкротом без фотопленки в руке. Дабы избежать долгов и хоть как-то оплачивать жилье, мне пришлось пожертвовать всеми работами практически задаром, в один из фондов современного искусства. То, что ты видишь перед собой, это все что осталось от выставки в 40 экземпляров. Я был плохим математиком. Теперь я не попадусь.

Ева насчитала семь работ, висевших на стенах комнаты. Ей было жалко Малколма. Она спросила:

- Во сколько эта выставка должна была оцениваться?

- Это уже не имеет никакого значения! Ты такая же предсказуемая! Главное то, что я хотел сказать этой вы-

ставкой. Я лишь просчитался в цифрах. Печально то, что моя идея так и не дошла до масс. Ее почти никто не увидел. А сейчас у меня нет средств.

- Каковы же твои планы на ближайшее будущее?

- Я тебе уже все сказал. Если ты согласна поработать со мной, хотя бы за 200 фунтов стерлингов, я буду тебе весьма благодарен! Это будет мегаконцепция!

- Но ведь у тебя же нет денег!

- Будут! Я планирую открыть последнее десятилетие нашего века своей фотовыставкой в январе. Именно 90-е станут тем эстетическим прорывом. Когда взгляды людей на мир и их в этом мире перевернутся. Я не зря спрашивал тебя о твоей внешности. Генрих знал, кого послать ко мне. И видимо он знал, кто нужен тебе.

- Собственно, и я так думаю. Генрих так же говорил, что во мне есть что-то от парня.

- Интерсексуальное. Нечто андрогинное.

- А ты откуда знаешь?

- Знаю что?

- Об андрогинах?

Малколм удивился и заставил Еву удивиться после своих слов. Он сказал:

- Ты так и не по-

няла? Это и есть смысл моего творчества. Это часть моего глобального замысла.

Малколм приблизился к Еве своим лицом и стал рассматривать ее внимательнее, со все большим вдохновением в глазах. Он смотрел на нее под разными ракурсами и прикидывал макеты своих будущих работ в уме. Он прикрыл своими ладонями рот Евы и сказал:

- Ты отлично подходишь!

Он собрал ее волосы в пучок, осматривая ее шею, уши, вариацию причесок. Ева сидела, не двигаясь, чуть удивленная, и не осмеливалась что-либо сказать Малколму, пытаясь перетерпеть этот момент зрительного разделения. Он и впрямь казался ей «сумасшедшим».

- Ты восхитительна! У меня нет слов! И мне не хватит благодарностей для Генриха! У тебя уникальная внешность! Ты и парень, и девушка. Новое десятилетие в искусстве начнется с гермафродита! – с восхищением говорил Малколм, чуть ли не с безумием в глазах. – Ты не против? Тебе понятен мой замысел?

- Нет. Я отлично понимаю твой замысел, – сказала Ева, почувствовав что-то вроде при-

знания в глубине души.

Она думала: «Это просто невероятно! Мы так похожи с ним! Он принимает мою андрогинность, и я просто обязана ему доверить ее! Это просто фантастика, что мы познакомились и нашли общий язык! Я так близко!...»

Малколм продолжал с энтузиазмом:

- Это будет целая линия этого образа. Я уже вижу это. Акцент будет именно на твоей андрогинности. Это будет идеальный гермафродит. Это будет революция, что-то подобное Ziggy Stardust Дэвида Боуи. Но это будет вершина бесполости. Ты будешь уподоблена лишь самой себе. Никакие сравнения не будут достойны этого гермафродита. Вот, с чего я хочу начать перестройку в искусстве 90-х.

Ева видела, как глаза Малколма горели. И они словно пророчили будущее:

- Вот увидишь, СССР через пару лет распадется, коммерция станет все большим осминогом, фотохудожники ринутся в социологию, а я покажу им то, что станет новой эрой освобождения от стереотипов. От этого коммунизма в моде, от шаблонности разума и искусства. Моя мысль дойдет до масс, а ты

станешь проводником. Ты станешь новой иконой общества. Сколько ты хочешь?

Ева слушала Малколма, и ей нравились его слова. Она прокручивала все в своей голове и все больше улыбалась. Все больше Малколм казался ей сумасшедшим. И именно такой партнер ей и нужен был. Возможно, он был тем человеком, помимо Астрид, который так же мог знать ее страшную тайну. Ева чувствовала, что пора показать себя. Нужно превращать свой дикий комплекс в достоинство. Ситуация обязывает. Она могла рассказать об этом всем. Теперь она чувствовала это. Она чувствовала, что может стать трендом 90-х, что может взбудоражить мир. С таким вдохновителем, как Малколм, она все больше чувствовала силу и уверенность в себе. Она знала, все, что им нужно: быть в одной идее, и хоть какие-нибудь средства. И в предвкушении нового этапа своей жизни, Ева глубоко вдохнула и сказала:

- Я сделаю это бесплатно, Малколм. И да, я и есть гермафродит.

Автор: Морган Ротген

Звонок

- Говорят, что там лучше, чем здесь, но от туда пока ещё никто не звонил...

Реплика из передачи Владимира Соловьёва «Поединок» от 26.01.2017г.

Сегодня я катался на лыжах. Я давно уже этого не делал, лет пять, наверное. Но этой зимой снега навалило, как в былые времена, и я не удержался, достал из кладовой мои старенькие лыжи, натёр их мазью и решил вспомнить молодость. Я прислонил их к стене в прихожей, чтобы они лучше пропитались, а сам пошёл взглянуть в окно, как там дела обстоят на улице. Тусклое январское солнце, показавшееся из-за горизонта, едва посеребрило верхушки метровых сугробов. Их намело за одну ночь, и они были совершенно нетронутыми.

- Красотища, - обрадовался я и, сгорая от нетерпения, побежал обратно в прихожую. Мне вдруг захотелось поскорее оказаться на улице, пройти по нетронутому снегу, протоптать в нём лыжню, а потом ощутить, как белые рассыпчатые комья насыплются мне в ботинки, и будут там таять, пощипывая ступни, а мне будет всё равно. Я взберусь на самую высокую горку и стремитель-

но с неё скачусь. Я, конечно же, не упаду, ведь я знаю, сегодня всё будет точно так же, как в моём давнем детстве.

Прокручивая в голове эти мысли, я натянул цветастый свитер, связанный когда-то для меня моей женой, когда мы ещё жили с ней на Крайнем Севере, и тёплое спортивное трико. Потом надел лыжные ботинки и вышел на улицу. Машин в этот утренний час почти не было, прохожие, попадавшиеся мне навстречу, были все как один на лыжах. Раскрасневшиеся на морозе их лица светились улыбками. Я им тоже улыбнулся, затем пристегнул ботинки к лыжам и покатил в городской парк. Почти с места я набрал приличную скорость, и чем дальше бежал, тем легче мне это становилось делать. Потом мне вообще показалось, что это не я качусь, а лыжи сами меня несут. Снежинки, падавшие на моё лицо, почему-то на нём не таяли. Они были тёплыми и мягкими, словно сделанными из пуха.

- Как в детстве, - обрадовался я, - тогда тоже не было холодного снега, и даже когда он набирался в рукава по самые локти и обжигал запястья, то и тогда он казался тёплым.

В парке я сразу

наткнулся на Борю Мучкина. Он бежал, а, скорее, летел по накатанной лыжне коньковым ходом.

Боря мой лучший друг с институтских времён, и мы с ним до сих пор - не разлей вода, но в отличие от меня, он лыжник со стажем. Ещё в девятом классе он выполнил норматив кандидата в мастера спорта по лыжным гонкам. Любой серьёзный спортсмен знает, что это такое. Одет он был в яркий спортивный костюм с номерком 032 на груди.

- Как на крутой тачке, - подумал я, - на лексусы обычно такие ставят.

Сейчас моему другу далеко за полтинник, как и мне, а он по-прежнему бежит полтинник (такой вот каламбур) и занимает на городских соревнованиях призовые места. Следом за ним осторожно ступал Саша Рудой, наш одноклассник. С ним мы когда-то жили в одной комнате в общежитии и спали на соседних койках. Сколько себя помню, но на лыжи Саша не вставал никогда.

- Чего только под старость не бывает, - удивился я, - кто спивается, а кто спортсменом становится.

Одет мой бывший одноклассник был в цветастый свитер и чёрные

треники, как и я, как и большинство вокруг.

- Вырядились все сегодня одинаково, как в былые времена, - подумал я, - один Боря не следует общему примеру, но он и раньше выделялся среди всех. Девчонки из-за этого на него западали.

Саша поприветствовал нас лыжными палками и продолжил свой путь, а я дождался Боря, и поздоровался с ним за руку.

- Привет, дружище, - сказал я ему, - сегодня интересный день выдался, морозный и тёплый одновременно. Ты без перчаток, я тоже, и выпускники мне встречаются, кого я уже сто лет не видел. Теперь буду почаще выбираться на природу.

- «Мороз и солнце,

день чудесный», - продекламировал Боря и, взмахнув палками, полетел по лыжне дальше. Через мгновение его яркий силуэт скрылся за деревьями. Пока я вспоминал следующую пушкинскую строку, в кармане моих треников зазвонил телефон.

- Алло? – закричал я весело в трубку, пытаясь сообразить, кому это я понадобился в столь ранний час.

- Привет, Виктор Сергеевич, - раздалось у самого моего уха, - как поживаешь?

- О, ещё один одноклассник объявился! – обрадовался я.

Слышимость была невероятной, и я сразу понял, кто это звонит. Это был Слава Михалёв, наш институтский старос-

та. Когда-то он здорово мне помог. На втором курсе я влюбился без памяти, раз и навсегда, как мне тогда казалось. Но девчонка не оценила моих необъятных чувств и через полгода бросила меня. А я не смог достойно пережить потерю, начал выпивать и курить, пропускать занятия и, как результат, к сессии допущен не был. Встал вопрос о моём отчислении. Вот тут Слава и вмешался.

Сперва он поговорил со мной:

- Что-то ты распустился, Виктор Сергеевич, - строго попенял он мне, величая меня по имени отчеству, - жалеешь, наверное, себя, обиженным считаешь. Ты это дело брось, потакать своим слабостям не лучший выход. Не ты первый, не ты

последний. Будь мужчиной!

Потом он выступил в мою защиту на факультетском собрании и поручился за меня. Что-то разглядел он во мне такое, чего другие не заметили. Он был постарше нас, поступил в институт после техникума и службы во флоте, а потому руководство факультета прислушалось к его просьбе и назначило мне испытательный срок.

С высоты теперешних лет я понимаю, что если бы не Слава, институт я вряд ли бы закончил, и как сложилась моя дальнейшая судьба – неизвестно. Но мне повезло с моим другом и наставником. После памятного собрания по утрам Слава приходил в нашу комнату и будил меня, а потом сопровождал до самой аудитории. Я старался его не подводить, ходил на лекции, писал конспекты, не пропускал лабораторных занятий, записался в секцию бокса и постепенно выправил положение. К лету я сдал все экзамены на «хорошо» и «отлично» и получил стипендию. Роковая любовь со временем забылась и встретилась новая. Так в жизни бывает. Сначала нам кажется, что произошла катастрофа, и изменить ничего нельзя...но проходит время, и лет этак через пять оказывается, что это была не катастрофа, а большая удача. Она принесла новую любовь, ко-

торая затмила все предыдущие и поставила всё на свои места, а трудности, нам посылаемые, оказались для нашей же пользы...

Институт я благополучно закончил и уехал по распределению на Крайний Север, Слава после пятого курса уехал в Москву и там осел. Он многого добился в жизни: построил дом, вырастил двоих детей – сына и дочь, основал фирму, короче, как мужчина реализовался полностью. И жену он нашёл под стать себе – красавицу и умницу, а ещё верного спутника.

Добившись многого, Слава не зазнался. Мы с Борей частенько бывали у него в гостях в его московском доме. Хлебосольство нашего друга и его жены Аллы не знало границ. Накормленные и обогреты, мы всегда допоздна засиживались у них, устроившись где-нибудь на просторном диване и беседуя по душам далеко за полночь. По-прежнему он звонил мне, и по-прежнему величал меня уважительно, Виктором Сергеевичем, хотя и был старше на целых шесть лет. Так продолжалось долго, пока однажды связь наша с ним не прервалась. Нет, мы не поругались, и Слава никуда не уехал. Дело в том...что он умер два года назад от рака желудка.

И вот сейчас я

слышал его голос, совсем рядом, такой живой и знакомый.

- Как ты там? – спросил я и вдруг запнулся, понимая, к кому и куда обращаюсь..

- Тебе рано знать, – ответил он, засмеявшись, – я вижу, ты на лыжах катаешься, молодец! – похвалил он меня.

- А ему оттуда всё видно, – подумал я, – значит и там есть жизнь. Хорошо, что в последнее время я не делал ничего предосудительного, не врал слишком много, и почти не сплетничал...

- Я ни до кого не смог дозвониться, – между тем посетовал он, – только до тебя, – ты не знаешь, почему они не берут трубку?

- Не переживай, – успокоил я его, – со временем и до других дозвонишься.

- Ты так думаешь? – засомневался он, и тут вдруг связь с ним прервалась. Я повертел телефон в руках, не решаясь нажать на кнопку вызова, и сунул его обратно в карман.

Следующие два часа я носился по парку, как угорелый, не хуже, чем Боря, но в то же время усталости не чувствовал.

- Может, и мне полтинничек попробовать, – самодовольно подумал я, – два часа носись, и хоть бы хны.

Но что-то мне подсказывало, что не всё так

просто. И этот разговор со Славой, и лёгкий бег, и не тающий на лице снег. Что-то подозрительное происходило в мире.

И тут снова зазвонил телефон, на связи опять был Слава.

- Нас прервали, - сказал он, - и долго не соединяли, а теперь вот разрешили.

- Кто разрешил?! - удивился я, - неужели этот Кто-то существует?

Пока я соображал, что мне ответить Славе, ко мне подкатил мой одноклассник и сосед по парте Витька Гуреев. Он был на коротеньких детских лыжках и с бамбуковыми палками в руках.

- Давай сюда! - сказал я ему, - дело есть...

Потом отнял телефон от своего уха и приклонил к его..

- Может быть, ты что-то поймёшь? - подумал я и в этот момент проснулся.

Было раннее утро, в комнате я был один. Я сразу понял, что всё случившееся мне приснилось. Славы давно уже нет, он умер два года назад, а Витьки Гуреева нет уже лет пятнадцать. Он погиб на атомной подводной лодке. Но ведь когда я спал, я не знал об этом, и всё было таким реальным.

Я посмотрел на прикроватный столик, на котором лежал мой сотовый, и взял его в руки.

Вот уже несколько дней я ночью дома один,

жена ночует у своей мамы, которой в последнее время постоянно плохо. Старушке скоро девяносто, три месяца осталось, но до юбилея она может не дожить... хотя и очень старается.

На ночь я кладу телефон рядом с собой, чтобы жена не звонила на городской, и мне не пришлось бы ночью бежать в прихожую. Я посмотрел на экран своего сотового, на котором высветился неотвеченный вызов и подумал:

- От кого это, от Славы, или от жены?

И, чтобы развеять сомнения, нажал на клавишу...

Автор: Виктор Решетнев

проза

Пенан

публицистика
Р свобода

Мансёнг

е эротика

фанфик

поэзия

хокку

рок

Над номером работали:

антиутопия

сарказм

Александр Маяков—главный редактор

Надежда Леонычева—старший редактор

Расима Ахмедова—редактор

Элина Ким—редактор-корректор

рассказ

Драпа

стих

Философия

Рубаи

сказка

2017

На фото: Элина Ким